

Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis 436

Studia Russologica

Kolegium recenzentów

Dr hab. Anna Bolek (Kraków)
Prof. dr hab. Zofia Czapiga (Rzeszów)
Dr hab. prof. UR Ewa Dźwierzyńska (Rzeszów)
Prof. dr hab. Krystyna Iwan (Szczecin)
Dr hab. Katarzyna Jastrzębska (Kraków)
Prof. dr hab. Ewa Komorowska (Szczecin)
Dr hab. prof. UŚ Jolanta Lubocha-Kruglik (Sosnowiec)
Prof. dr hab. Aleksander Naumow (Kraków, Wenecja, Włochy)
Prof. dr hab. Kazimierz Prus (Rzeszów)
Prof. dr hab. Wasilij Szczukin (Kraków)
Dr hab. prof. UG Katarzyna Wojan (Gdańsk)
Prof. dr hab. Władysław Woźniewicz (Poznań)
Prof. dr hab. Włodzimierz Wysoczański (Wrocław)

Komitety redakcyjne

Dr hab. prof. UKEN Bogumił Ostrowski – redaktor naczelny
Dr Michał Jankowicz – redaktor tomu
Dr hab. em. prof. UKEN Halina Chodurska – redaktor działów Językoznawstwo i Glottodydaktyka
Prof. dr hab. Tadeusz Szczerbowski – redaktor działu Przekładoznawstwo
Dr Monika Knuruwska – redaktor działu Literaturoznawstwo,
Dr Michał Jakowicz – sekretarz redakcji

Rada Naukowa

Dr hab. Marta Bjeletić (Belgrad, Serbia)
Dr hab. prof. UJ Andrzej Dudek (Kraków, Polska)
Prof. dr hab. Ilona Janyšková (Brno, Czechy)
Prof. Igor Koškins (Ryga, Łotwa)
Prof. dr hab. Ľubor Králik (Bratysława, Słowacja)
Prof. dr hab. Jewgienij Nikołajewicz Stiepanow (Odessa, Ukraina)

© Copyright by Wydawnictwo Naukowe UKEN, Kraków 2025

ISSN 1689-9911

DOI 10.24917/16899911.18

Wydawca

Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Komisji Edukacji Narodowej w Krakowie
30-084 Kraków, ul. Podchorążych 2
tel. / faks 12-662-63-83, tel. 12-662-67-56
e-mail: wydawnictwo@uken.krakow.pl

druk i oprawa Zespół Poligraficzny WN UKEN

Od redakcji

Osiemnasty tom prac wydawanych w ramach „Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Russologica” zawiera dwanaście artykułów obejmujących różnorodne pola badawcze, m.in. semantykę i leksykologię, językoznawstwo synchroniczne i diachroniczne, socjolingwistykę, mediolingwistykę, lingwistykę kulturową, translatorykę oraz elementy antropologii kulturowej. Wśród analizowanych problemów znajdują się również zagadnienia z pogranicza językoznawstwa i literaturoznawstwa, a także studiów komparatystycznych, co nadaje całemu tomowi wyraźnie interdyscyplinarny charakter.

Istotną część tomu stanowią artykuły poświęcone współczesnym zjawiskom komunikacyjnym i dyskursywnym. Autorzy analizują m.in. metafory orientacyjne w dyskursie medialnym dotyczącym konfliktu na Ukrainie, mechanizmy mediatyzacji konfliktu w prasie rosyjskiej, specyfikę języka rosyjskojęzycznych mediów społecznościowych oraz transformację środków niewerbalnych w komunikacji internetowej. W tym nurcie badawczym lokuje się również analiza funkcjonowania leksyki islamskiej w rosyjskojęzycznym dyskursie medialnym i jej ideologicznej rekontekstualizacji.

Drugi wyraźny obszar tematyczny tworzą studia o charakterze socjolingwistycznym i kulturowym, dotyczące relacji między językiem a tożsamością społeczną. W tej perspektywie mieszczą się zarówno historyczna analiza feminatywów w języku rosyjskim, refleksja nad narodową i językową tożsamością migrantów ukraińskich na podstawie twórczości Mariny Lewyckiej, jak i opracowanie poświęcone różnicom leksykalno-semantycznym między moskiewskim a petersburskim wariantem języka rosyjskiego.

Kolejny blok tematyczny tworzą artykuły o charakterze historyczno-kulturowym, poświęcone prezentacji Polski i Polaków w dawnym piśmiennictwie ruskim. Autorzy analizują zarówno ewolucję obrazu Polski w źródłach staroruskich od XII do XVI wieku, jak i sposób konstruowania wizerunku przeciwnika w rosyjskim piśmiennictwie epoki Smuty, wskazując na mechanizmy ideologizacji i sakralizacji konfliktu polityczno-religijnego.

Tom dopełniają opracowania o charakterze literaturoznawczym i komparatystycznym. Jeden z artykułów podejmuje próbę zestawienia kulturowych figur reprezentujących negatywne autostereotypy w trzech różnych tradycjach – rosyjskiej, bułgarskiej i chińskiej – natomiast inny analizuje współczesne reinterpretacje motywów demonologii słowiańskiej w literaturze polskiej.

Ponadto w osiemnastym tomie czasopisma znalazł się również esej polemiczny dotyczący roli języka rosyjskiego jako swojego rodzaju obrazu mentalności rosyjskiej, a także sprawozdanie z konferencji naukowej *Tradycja słowiańska w dialogu z nowoczesnością*, zorganizowanej przez Instytut Neofilologii UKEN (filologię rosyjską) 11 grudnia 2025 r.

Różnorodność problematyki idzie w parze z różnorodnością stosowanych perspektyw metodologicznych. Autorzy odwołują się m.in. do narzędzi lingwistyki kognitywnej, analizy dyskursu, badań imagologicznych, studiów nad mediami oraz tradycyjnych metod analizy filologicznej i historycznoliterackiej. Dzięki temu poszczególne artykuły – mimo różnorodności podejmowanych tematów – tworzą spójną całość ukazującą wielowymiarowość współczesnych badań nad językiem i kulturą słowiańską.

Całość tomu stanowi wieloaspektowy obraz współczesnych badań nad językiem, literaturą i kulturą obszaru słowiańskiego, ukazując zarówno aktualne procesy komunikacyjne i dyskursywne, jak i historyczne mechanizmy kształtowania się wyobrażeń kulturowych oraz językowych sposobów konceptualizacji rzeczywistości.

Redakcja

Artykuły, studia

Jakub Cierpica

lic., Uniwersytet Komisji Edukacji Narodowej w Krakowie

<https://orcid.org/0009-0005-4808-3938>

kubacierpica6@gmail.com

Феминативы в русском языке: исторический обзор

В настоящее время проблема использования феминативов приобретает особую значимость и актуальность в связи с увеличением числа женщин, идентифицирующих себя с феминистским движением, занимающих всё более важные и ответственные должности в частном секторе, государственных организациях и институциональных структурах. Социальные и культурные изменения, произошедшие в обществах во многих странах за последние десятилетия, привели к созданию среды, в которой гендерное равенство является одним из основных условий здорового функционирования государства. Перемены наблюдаются также на языковом уровне, поскольку язык является живой системой, непрерывно адаптирующейся к требованиям как индивидов, так и целого общества.

Развитие феминативов на протяжении веков является неравномерным. Социальные, экономические и политические изменения оказывают влияние на динамику создания новых наименований женщин. Внелингвистические факторы связаны со словообразовательными процессами. В этой статье рассмотрим историю развития феминативов на протяжении четырёх периодов: эпохи древнерусского государства и ранней царской России, эпохи императорского государства Петра I и его наследников, Советского Союза и современное состояние. Попытаемся ответить на вопрос: в какой мере феминативы можно считать современным явлением и в какой степени они представляют собой исторически закреплённую часть языка.

Первые женские профессии в большинстве были связаны с торговлей, рукоделием и разведением животных, например, *крупеница* готовила и продавала крупяные блюда, а *кuryтница* выращивала кур. Многие женщины

занимались шитьём, изготовлением и украшением тканей и одежды: *швея* шила изделия из готовых тканей, *канительница* золотой и серебряной нитью расшивала материалы, *золотошвея* также расшивала золотом, но только ранее изготовленную одежду, а *ткаля*, *бралья*, *ткачиха*, *пряха*, *бельница* и *бельница* занимались пряжей и изготовлением ткани. Появилось также общее название женщины, занимающейся торговлей, – *продавица* (в это время ещё не засвидетельствовано существительное *продавица*)¹.

Большое влияние на все аспекты жизни и функционирование общества, государства и экономики, в том числе на рынок труда, имела церковь. Женские эквиваленты слов *игумен*, *черноризец*, *монах*, *старец*, *отец келарь*, *казначей*, *белец* и *послушник* – это *игуменья*, *черноризица* или *черница*, *монахиня*, *старица*, *мать келаря*, *казначей*, *белица* и *послушница*. Феодальный и царский характер страны оказался также источником возникновения различных профессий: служанкой феодала была *дворница*, а *кравчая* подавала блюда *государыне*. Кроме того, появился ряд других названий женщин из разных областей: *акушерка*, *банищица*, *мастерица*, *певица*, *пряля* и *гостья*².

Один из старейших суффиксов, появившийся, как можно полагать, уже в XI веке, – это *-ын(я)*, зафиксирован в названиях жён, например, *княгыня* или *боярыня*. Позднее появился другой вариант этого древнерусского суффикса. Звук «и»³ возник после согласных «к», «г», «х», создавая суффикс *-ин(я)*, как в слове *княгиня*. Многие из феминативов с суффиксами *-иц(а)*, *-ниц(а)* и *-щиц(а)* (от слов мужского рода на *-ник* и *-щик*) сохранились до наших дней, а существительные на *-ль(я)* типа *вралья* почти полностью исчезли, оставив следы в некоторых диалектах⁴.

Эпоха императорской России начинается в XVIII веке и характеризуется активными контактами с Западом, вследствие чего появилось множество заимствований из французского, немецкого, итальянского и других европейских языков. В это время наблюдаются экономические изменения, которые открыли новые возможности для женщин в областях профессионального труда и социального положения.

Новая лексика была связана, между прочим, с искусством, т.е. театром, оперой и живописью, например, *актриса*, *комедиантка*, *комедианша*, *композиторша*, *оперистка*, *малярша*, *портретистка*, *миниатюристка*, *музыкантка*, *музыкантша*, *сочинительница* (в смысле *писательница*), *танцевальщица*, *живописица*, *дебютантка* и *виртуозка*. В сфере моды и одежды также происходят изменения и появляются новые феминативы. Слово

¹ См. И. Фуфаева, *Как называются женщины*, АСТ: CORPUS, Москва 2021, с. 48–50.

² См. там же, с. 49–50.

³ См. F. Sławski, *Słowotwórstwo, słownictwo i etymologia słowiańska*, Polska Akademia Umiejętności, Kraków 2011, s. 120–121.

⁴ См. И. Фуфаева, *Как называются...*, с. 48–59.

портниха сменяет простое существительное *швея*. Новые профессии для женщин в этой области – это, например, *модистка*, *одевальщица*, *уборщица*, *блондочница* (женщина, занимающаяся блондами), *букетчица* (женщина, занимающаяся созданием цветных композиций), *манжетница* (женщина, занимающаяся манжетами), *белемойка* или *бельея* (женщина, занимающаяся стиркой белья), *башмачница* (женщина, шьющая башмаки), *закройщица* (женщина, кроющая платье), *перчаточница* (женщина, делающая перчатки). Слова, не связанные с профессиональной деятельностью, но возникшие в этот период, нередко также были связаны с развлечением и любовью: *метресса* или *метреса*, *кокета* или *кокетка*, *амурищица*, *танцовщица*, *игрица*. Вместе с развитием доступа к высшему образованию появляются первые *директорши*, *инспектрисы*, *переводчицы*, *стенографистки*, *эллинистки* и *философки*. Появляются *выжижницы* (женщины, торговавшие старыми вещами), *вольнодомки* (женщины, содержавшие трактиры), *пайщицы* и *кофейницы*⁵.

Наиболее используемыми суффиксами для образования феминативов по профессиональной деятельности являются *-ниц(а)*, *-щиц(а)*, *-чиц(а)* и *-льщиц(а)*, например, *цыплятница*, *фабричница*, *бубличница*, *дегтярница*, *балаганищица*, *магазинщица*, *заливищица*, *натурщица*, *наладчица*, *сигарочница*, *намотчица*, *выдельщица*, *гравировальщица*, *месильщица*. В XIX веке наблюдается рост активности и важности суффикса *-к(а)*: *лаборантка*, *акробатка*, *консьержка*, *ассистентка* и *концертантка*⁶.

Вместе с заимствованиями в русский язык вошли иностранные суффиксы как французского происхождения *-есс(а)* и *-ис(а)*, так и немецкого происхождения *-ш(а)*. Суффикс *-ш(а)* происходит от слов на *-sche*, *Generalsche* – *генеральша*, *Doctorsche* – *докторша*. Созданные по этой модели феминативы являются не только названиями жён, а также профессий, например: *комедианша*, *гувернанша*, *кадьюторша*. У многих заимствованных феминативов возникли дублетные образования с суффиксом *-к(а)*, имеющим в это время значительно большую роль, чем прежде, например: *комедиантка*, *музыкантка*, *гувернантка*. Однако не все существительные женского рода, возникшие с помощью *-ш(а)*, имеют дублет с *-к(а)*. Наблюдаются случаи, когда появляются другие варианты с суффиксами *-их(а)*: *малыриша* – *малыриха*, *-иц(а)*: *докториша* – *докторица*⁷.

Суффикс *-ин(я)* в словах *героиня*, *графиня* не является древнерусским наследием форманта *-ын(я)/-ин(я)*. Он происходит от слов на *-in*, фран.

⁵ См. там же, с. 63–76.

⁶ См. В.В. Демичева, О.И. Ерёменко, Т.В. Яковлева, *Роль социокультурных факторов в изменении словарного состава русского литературного языка XIX в. (на материале женских potina professionalia)*, «Когнитивно-дискурсивные стратегии развития языка», Белгород 2016, с. 85–92.

⁷ См. И. Фуфаева, *Как называются...*, с. 80–87.

Héroïne и нем. *Gräfin*. Звук «и» не изменился на «ы», и в феминативах *гофмейстериня*, *фрейлина*, *курфюстина*, *героиня* и *графиня*, хотя должна была появиться буква «ы», заимствованный суффикс с «и» оказался устойчивее⁸.

Правила образования феминативов с суффиксом *-к(а)* не так очевидны и не так чётко определены. Кроме того, появляются также лексемы с суффиксом *-овк(а)*, возникшим приблизительно в XVI веке, как правило, в словах, имеющих один слог, например *воровка* от слова *вор* и *хрычовка* от слова *хрыч*. Причиной использования интерфикса *-ов-* вместо простого *-к(а)* может быть то, что краткие односложные основы имеют полисемантический характер. Добавление простого суффикса вызвало бы коммуникативные проблемы. Например, *плутка* от основы *плут*, обозначающего *обманищика*, *мошенника*. Присоединение интерфикса *-ов-* и потом *-к(а)* позволяет образовывать однозначный феминатив, в данном случае: *плутовка*. Наблюдается также вариант *-лка*. Феминативы, образованные с помощью этого суффикса, происходят не от мужских коррелятов, а от глаголов: *училка* от *учить*, *гадалка* от *гадать*. Интересным случаем является способ образования слова *императрица*. *Император* происходит прямо от латинского *imperator* или через польский язык. Зато феминатив *императрица* – это непосредственная адаптация французского *imperatrice* (лат. *imperatrix*), т. е. он образован при помощи суффикса *-иц(а)*, а не как принято в словах французского происхождения на *-ice*, например *импровизатриса* от *improvisatrice*⁹.

Проблемы, возникающие из-за отсутствия чётко сформулированных правил, появляются в словах на *-иц(а)*, *-ниц(а)* и *-их(а)*. Уже в словарях XIX века у таких феминативов выделяются иногда два значения. Одно называет лицо по профессии и деятельности, а второе обозначает лицо «по мужу», например, *архитекторша*, *банкирша*, *лекторша*, *кондитерша*, *касирша*, *лавочница*¹⁰. Результатом этого в настоящее время является негативное восприятие суффикса *-иц(а)* носителями русского языка, связывающими этот формант только с названиями жён представителей соответствующих профессий¹¹.

В XIX веке в Англии появляется общественно-политическое движение – суфражизм. Во многих странах в XX веке результатом борьбы суфражисток было предоставление избирательных прав, которых женщины прежде были лишены. Россиянки получили их после революции в 1917 году. Это событие вместе с гражданской войной и, наконец, созданием СССР были факторами перемен в трудовой и социальной сферах. Также Первая и Вторая мировые войны, кроме политических изменений, привели к резкому

⁸ См. там же, с. 80–81.

⁹ См. там же, с. 80–89.

¹⁰ См. В.В. Демичева, О.И. Ерёменко, Т.В. Яковлева, *Роль...*, с. 85–92.

¹¹ См. М.Р. Израилова, *Особенности употребления феминативов в Интернет-пространстве*, «Язык. Культура. Коммуникации» 2019, № 2.

снижению рабочих и работников умственного труда. Этот недостаток рабочей силы пришлось восполнять женщинами.

Новое социальное положение женщин и их вклад в сферу труда вызвали появление новых феминативов. Так, во время первого пятилетнего плана при создании списка рекомендуемых профессий для женщин, 220 из 278 названий были женского рода. Тенденция подчёркивания позиции женщин в профессиональной деятельности наблюдалась до эпохи Сталина¹². После этого наступает период, в котором выделяется явление замены феминативов словами мужского рода. Существительные, образованные при помощи непродуктивных суффиксов, исчезают, например, *директриса*, *адвокатесса*. Возникают наименования женских профессий, выраженных формами мужского рода, например *женорг* (женщина-организатор), *женкор* (женщина-корреспондент). Тем не менее, глаголы, прилагательные и причастия, оставаясь в формах женского рода, согласуются в словосочетаниях с существительными мужского рода, например *умная врач сказала*¹³. Тенденция обозначения лиц, несмотря на пол, словами мужского рода в 1960-е годы стала языковой нормой. Однако это явление не реализовалось в словах, обозначающих «традиционные» женские занятия и профессии, например *прачка*, *сиделка*¹⁴.

Самым активным и продуктивным суффиксом этого периода является *-к(а)*. Новые слова появляются в разных областях: *вузовка* и *интеллигентка* (наука), *кулачка* и *нэпманка* (политика), *животноводка* и *милиционерка* (названия профессий), *футболистка* и *штангистка* (спорт). Другим более активным суффиксом в эту эпоху являлся *-щиц(а)/-щиц(а)*, при помощи которых образован 71 новый феминатив за период 1960–1990 гг. Этот суффикс присоединяется так же, как и *-щик/-чик* к глагольным, субстантивным и адъективным основам. Много слов, образованных по этой модели, это названия рабочих профессий, связанных с промышленной деятельностью: *фрезеровщица*, *грузчица*, *вагонщица*, *крановщица*, *лебедчица*, *укладчица*, *многостаночница*, *арматурищица*. В XX веке продолжается процесс, в котором некоторые феминативы заменяют свои суффиксы из-за постоянно изменяющихся правил словообразования, например *филологиня* вместо *филологичка*. Что интересно, в это время возникает слово *продавищица*, заменяя старое слово *продовица*. Гораздо меньше, чем в предыдущую эпоху российской монархии, всё ещё можно наблюдать заимствования из других языков, например *парикмахерша* от французского *parfumière*¹⁵. Однако, несмотря на большое

¹² См. В.В. Беркутова, *Феминативы в русском языке: исторический аспект*, «Филологический аспект» 2018, № 11, с. 6–22.

¹³ См. Л.Х. Дониёрова, *Феминативы-неологизмы в современном русском языке*, «Academic Research in Education Sciences» 2021, т. 2, № 11, с. 1471–1478.

¹⁴ См. В.В. Беркутова, *Феминативы...*, с. 6–22.

¹⁵ См. И. Фуфаева, *Как называются...*, с. 69.

количество созданных феминативов, многие из них остались в сфере разговорной речи, не проникнув в литературный язык до сих пор¹⁶.

XXI век – это последний всплеск возникновения феминативов в русском языке. Характерной средой словообразования и распространения этих слов было медиапространство, в том числе традиционные средства массовой информации: радио, телевидение и новые медиа: сеть интернет, блоги и разные социальные сети. СМИ являются благоприятной почвой для появления новых феминативов, благодаря скорости передачи информации и охвату огромного количества людей и возможности свободно заниматься словообразованием без ограничений. Кроме слов можно легко распространять также идеи, связанные с феминизмом при помощи создаваемых сообществ, объединяющих единомышленников¹⁷. Одной из проблем такой системы распространения и словообразования феминативов вне контроля является рост количества таких существительных, не зафиксированных в словарях, например: *админка* или *модераторка*¹⁸.

Как показали исследования неологизмов-феминативов, самым популярным суффиксом, при помощи которого образуются эти слова, является *-к(а)*. Из исследованных феминативов 42,99% имели в своём составе тот же суффикс. На втором месте был *-(н)иц(а)*, на третьем – *-есс(а)/-исс(а)* и дальше *-ш(а)*, *-ин(я)* и *-j(я)*. Однако, те же исследования показали, что только 27% феминативов, не являющихся неологизмами, образуются при помощи суффикса *-к(а)*¹⁹. Из этого можно сделать вывод, что в настоящее время суффикс *-к(а)* является самым продуктивным и основным в процессе словообразования. Хотя он может вызывать разные чувства у пользователей языка из-за полисемичности. Мила Равшановна Исраилова подчёркивает многозначный характер этого форманта. Наряду с нейтральным значением большое количество слов с суффиксом *-к(а)* имеет пренебрежительно-уничижительное и уменьшительно-ласкательное значения, например: *девка*, *Ленка*, *мышка*, *малышка*. Похожая ситуация, т. е. употребление одного суффикса ради разных значений, имеет место с суффиксами *-ш(а)* и *-ин(я)*, например, нейтральные: *монахиня* и *секретарша*, пренебрежительные или иронические: *филология* и *министерша*²⁰. Однако, независимо от количества значений,

¹⁶ См. Р.Р. Гузаева, *Феминативы с суффиксом -ниц(а) в современном русском медиапространстве*, «Русский язык в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии», Казань 2018, т. 1, с. 105–116.

¹⁷ См. там же.

¹⁸ См. М.Р. Исраилова, *Особенности...*

¹⁹ См. В.А. Первак, *Феминативы в русском языке*, «Лингвистика, лингводиалектика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития, материалы IV Международной научно-практической конференции», 19–20 марта, Минск 2020, с. 536–540.

²⁰ См. М.Р. Исраилова, *Особенности...*

его характера и словообразования, многие феминативы всё ещё остаются в сфере разговорной, а не в литературной речи, например: *секретарша*, *библиотекариша*.

Виктор Викторович Милованов подчёркивает, что иногда в современном русском языке можно наблюдать другие варианты существующих феминативов, только образованных при помощи другого суффикса, например: *поэтесса* и *поэтка*, *шахтерка* и *шахтерица*, *биологиня* и *биологичка*. Процесс словообразования феминативов сегодня лишён определённых правил. Результатом этого является полная свобода в использовании и образовании таких слов²¹. Похожая тенденция имеет место в недавно появившихся в русском языке заимствованных словах, для которых также таких правил ещё не установлено, например: *блогерша* и *блогерка*²².

Исследования Н.С. Самойленко и А.А. Стеклёновой²³ показали разнообразие подходов к феминативам в текстах СМИ. Основной тенденцией большинства рассмотренных текстов было использование феминативов, а не их коррелятов в мужском роде, например *начальница*, *сотрудница*, *учительница*. В случаях, когда данный феминатив не существует, добавляется элемент «женщина», чтобы указать на женский род: *женщина-полицейский*. Наблюдается также вариант *женщина-полицейская*, где форма прилагательного уже может существовать как феминатив и самостоятельно указывать на женский род. В большинстве текстов использованы существительные *президент*, *адвокат* и *юрист*, говоря о женщинах. Причиной этого может быть тот факт, что исторически в России женщины не занимались такими профессиями. Исключением было слово *юристка*, которое выходит за нормы литературного языка. Это показывает, что стремление употреблять феминативы достаточно велико и происходит смешение языковых стилей в публикациях. В статье Н.С. Самойленко и А.А. Стеклёнова подчёркивают также, что в некоторых текстах, в случаях отсутствия данного феминатива в русском языке, используются синонимичные слова, например «*активистка*» или «*представительница политического движения*» в значении *женщина-политик*²⁴.

Одним из новейших факторов, влиявших на создание новых слов, называющих женщин не по профессиональной деятельности, — была эпидемия COVID-19. Зоя Ивановна Минеева подвергла анализу 64

²¹ См. В.В. Милованов, *О функционировании феминативов в русском языке новейшего времени*, Сборник материалов международного научного конгресса «Русский язык в глобальной научной и образовательной среде», 6–10 декабря, Москва 2021, с. 203–205.

²² См. Н.С. Самойленко, А.А. Стеклёнова, *Феминативы как инструмент гендерной дифференциации в СМИ*, «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики» 2019, № 2 (33), с. 126–131.

²³ Там же.

²⁴ См. там же.

неологизмы-феминативы, появившиеся во время коронавирусной эпидемии, используя для этого словари и Интернет-ресурсы. Она описала несколько моделей словообразования, опираясь на аффиксацию и сложение. Исследованные существительные имели суффиксы *-к(а)*: *ковид-диссидентка*, *-ниц(а)*: *ковидница*, *-ш(а)*: *ковид-паникёрша*, *-щиц(а)*: *карантинщица*, *-евщиц(а)*: *обнулёвщица*, но также префиксы *анти-*: *антимасочница* и *без-*: *безмасочница*. В статье автор рассматривает феминативы, составленные при помощи сложения. Появляются компоненты *-носиц(а)*: *ковидоносица*, *вакцина*: *антивакцинщица*, *симптомы*: *бессимптомищица* и сложные существительные, составленные из двух элементов: *ковид-пациентка*, *карантин-мадам*, *Тикток-девчонка* и другие²⁵.

А.С. Васильева рассматривала три периода: XIX, XX и XXI века и указывала количество текстовых источников, в которых были использованы данные феминативы. На основании её итогов мы замечаем, что в XX веке имел место пик употребления феминативов. У слов *докторша* 5540 источников, *кассириша* 6580 источников, *преподавательница* 6360 источников, *библиотекариша* 4110 источников. В XIX веке зафиксированы: 1330 случаев употребления слова *докторша*, 297 – *кассириша*, 628 – *преподавательница* и только 6 – *библиотекариша*. Такая же ситуация была с феминативами *директорша*, *лингвистка* и *парикмахериша*. Такая большая количественная разница, связана с одной стороны с политикой социалистического государства, направленной на активизацию женщин в профессиональную жизнь, а с другой – с началом феминистического движения в XIX веке. Изменения в восприятии феминативов – это важный фактор перемен в обществе. Он отражает постепенный отход от их применения в коммуникационной среде, что подтверждается количеством данной группы слов в источниках XXI века. Лексема *докторша* засвидетельствована 1300 раз, *кассириша* – 2320 раз, *преподавательница* – 1780 и *библиотекариша* – 1120 раз. Сравнивая данные XXI и XIX веков, мы замечаем, что в некоторых случаях, например для слов *докторша* и *парикмахериша*, наблюдается значительно меньшее количество источников в XXI веке. Однако важно отметить, что для данного периода более часто, чем в XX веке фиксируются новые слова: например, *коллажистка*, *копирайтериша*, *аниматориша*²⁶.

На основе истории развития феминитивов можно сказать, что феминативы являются неотъемлемой частью лексики русского языка уже долгие столетия. Словообразовательный процесс усилился вместе с зарождением феминистического движения, борющегося за гендерное равенство. Однако

²⁵ См. З.И. Минеева, *Феминативы-2020*, «Шаги» 2022, т. 8, № 3, с. 321–339.

²⁶ См. А.С. Васильева, *Тенденции в употреблении наименований лиц женского пола по профессиональной принадлежности*, «Проблемы современного образования» 2013, № 1, с. 46–53.

существительные, называющие женщин, встречались задолго до зарождения феминизма. В средневековой России феминативы не вызывали таких негативных эмоций, как ныне, поскольку воспринимались как естественный языковой процесс, связанный с необходимостью номинации женщин по их профессии, роду деятельности и социальному статусу. Эти существительные не являлись оружием в борьбе за равноправие полов, а вытекали из общественной потребности.

Литература

- Sławski F., *Słowotwórstwo, słownictwo i etymologia słowiańska*, Polska Akademia Umiejętności, Kraków 2011.
- Васильева А.С., *Тенденции в употреблении наименований лиц женского пола по профессиональной принадлежности*, «Проблемы современного образования» 2013, № 1, с. 46–53.
- Беркутова В.В., *Феминативы в русском языке: исторический аспект*, «Филологический аспект» 2018, № 11, с. 6–22.
- Гузаева Р.Р., *Феминативы с суффиксом -ниц(а) в современном русском медиапространстве*, «Русский язык в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии», Казань 2018, т. 1, с. 105–116.
- Демичева В.В., Ерёмченко О.И., Яковлева Т.В., *Роль социокультурных факторов в изменении словарного состава русского литературного языка XIX в. (на материале женских potina professionalia)*, «Когнитивно-дискурсивные стратегии развития языка», Белгород 2016, с. 85–92.
- Дониёрова Л.Х., *Феминативы-неологизмы в современном русском языке*, «Academic Research in Education Sciences», Ташкент 2021, т. 2, № 11, с. 1471–1478.
- Исраилова М.Р., *Особенности употребления феминативов в Интернет-пространстве*, «Язык. Культура. Коммуникации» 2019, № 2.
- Милованов В.В., *О функционировании феминативов в русском языке новейшего времени*, Сборник материалов международного научного конгресса «Русский язык в глобальном научном и образовательном пространстве», 6–10 декабря, Москва 2021, с. 203–205.
- Минеева З.И., *Феминативы-2020*, «Шаги» 2022, т. 8, № 3, с. 321–339.
- Первак В.А., *Феминативы в русском языке*, «Лингвистика, лингводиалектика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития, материалы IV Международной научно-практической конференции», 19–20 марта, Минск 2020, с. 536–540.
- Самойленко Н.С., Стеклёнова А.А., *Феминативы как инструмент гендерной дифференциации в СМИ*, «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики» 2019, № 2 (33), с. 126–131.
- Фуфаева И., *Как называются женщины*, АСТ: CORPUS, Москва 2021.

Резюме

Статья анализирует развитие русских феминативов на протяжении истории языка. Цель исследования – определить, в какой мере феминативы являются современным явлением и представляют собой исторически закреплённую часть языка. Материал включает примеры феминативов из различных исторических периодов. В анализе использован историко-лингвистический подход, включающий изучение суффиксов и классификацию словообразовательных моделей, а также распределение феминативов по сферам употребления, таким как профессиональная деятельность или социальные роли. Результаты показывают, что феминативы присутствовали в русском языке уже в прошлом, а их формы и суффиксы эволюционировали вместе с изменениями в структуре языка и социальных нормах. Выводы подчёркивают, что феминативы не являются исключительно современным феноменом, а имеют прочные исторические основания в русской морфологии и словообразовании.

Ключевые слова: феминативы, история, гендер, суффиксы, женские формы, словообразование.

Feminatives in the Russian Language: a historical overview

Abstract

The article analyzes the development of Russian feminatives throughout the history of the language. The aim of the study is to determine the extent to which feminatives are a contemporary phenomenon and the degree they constitute a historically established part of the language. The material includes examples of feminatives from various historical periods. The analysis employs a historical-linguistic approach, including the study of suffixes and word-formation classification, as well as the categorization of feminatives according to their spheres of use, such as professional or social roles. The results indicate that feminatives were already present in the Russian language in the past, and their forms and suffixes evolved along with changes in linguistic structure and social norms. The findings highlight that feminatives are not merely a modern invention but have solid historical foundations in Russian morphology and word formation.

Keywords: feminatives, history, gender, suffixes, feminine forms, word formation.

Галина Яроцька / Halyna Jarocka
prof., Uniwersytet w Białymstoku, Polska
Одеський національний університет імені І.І. Мечникова, Україна
<https://orcid.org/0000-0003-4456-3852>
g.iarotska@uwd.edu.pl

Українські мігранти: до проблеми визначення національної та мовної ідентичності (на матеріалі творчості Марини Левицької)

Мова завжди відігравала важливу роль у формуванні індивідуальної та колективної ідентичності. Саме тому проблема взаємозв'язку мови, етнічної та національної ідентичності перебуває у фокусі уваги соціальної психології, етнопсихології, соціолінгвістики тощо. Особливо актуальними постають питання сутності національної ідентичності як такої та наукової обґрунтованості таких понять-термінів, як множинна національна ідентичність, гібридна ідентичність, фронтирна ідентичність, якщо йдеться, наприклад, про білінгвів та емігрантів. На нашу думку, поєднання психологічних, соціологічних, літературознавчих й лінгвістичних розвідок будуть сприяти пошукам відповідей на такі питання.

Ентоні Сміт, який сформулював найголовніші риси національної ідентичності як колективного феномену, зазначив, що наявність таких складників, як-от: 1) історична територія, рідний край; 2) спільні міфи та історична пам'ять; 3) спільна масова, громадська культура; 4) єдині юридичні права та обов'язки для всіх членів спільноти; 5) спільна економіка і можливість вільно пересуватись територією, є базовою умовою для визначення національної ідентичності¹. За його словами, «нація вписана в культурно-історичний

¹ Е.Д. Сміт, *Національна ідентичність*, пер. з англ. П. Тарашука, Основи, Київ 1994, <http://litopys.org.ua/smith/smi02.htm> [дата звернення: 10.11.2025].

контекст і може мати або не мати власної батьківщини чи держави»². Звернемо увагу на те, що у переліку Смітом рис національної ідентичності відсутнє поняття спільної мови, хоча проблематика співвідношення ідентичності і мови розглядалася з самого початку появи теорії ідентичності в соціогуманітарному знанні ХХ століття. Ця теза активно обговорювалася в працях В. Гумбольдта, Г. Штейнталя, В. Вундта, О. Потебні та інших. Натомість, на думку В.Б. Антоновича, «мова є вельми значною прикметою національності; а проте не можна її вважати за найголовнішу: не вона перша річ, щоб розпізнати національність»³. Е. Сміт також вважав, що національну ідентичність, багатовимірну за своєю суттю, не можна звести до єдиного елементу, її також не можна легко або швидко прищепити населенню з допомогою штучних засобів⁴.

Проте сучасні дослідження, як правило, базуються на теорії соціальної ідентичності Г. Тешфела та Дж. Тернера⁵, згідно з якою ідентичність конструюється, зокрема, й без опертя на природні чинники. Якщо етнічну приналежність пов'язують з генетичним корінням особистості, поняттям «рідної мови», то національну ідентичність вважають політичною категорією, що визначається приналежністю до певного громадянства, тобто держави⁶. Це означає, що для етнічної ідентичності мова є вирішальним чинником приналежності, то для політичної – вона не є такою. Так, провідний ідеолог такого підходу Ерік Гобсбаум в основі нації бачить політичні інститути: «Для них (засновників перших національних держав) єдність нації була політичною, а не соціально-антропологічною. Вона полягала у вирішенні суверенного народу жити за загальним законом і загальною Конституцією, незалежно від культури, мови та етнічного складу»⁷. Ернст Ренан вважав, що «солідарність породжує державу, а єдність нації ґрунтується не на біологічних, географічних чи економічних чинниках, а є духовним і соціокультурним явищем»⁸. На нашу думку, національна ідентичність, що є не біологічним, а політичним, соціальним та культурним феноменом, може існувати тільки як семантична та аксіологічна система: система смислів та цінностей. Отже, йдеться про

² A. Smith, *Myths and memories of the nation*, Oxford University Press, Oxford 1999.

³ В.Б. Антонович, *История Литовской Руси: Лекции профессора Университета Св. Владимира В.Б. Антоновича 1881–1882*, Киев 1882, с. 180.

⁴ Е.Д. Сміт, *Національна ідентичність...*

⁵ H. Tajfel, J.C. Turner, *The Social Identity Theory of Intergroup Behavior*, [in:] *Psychology of Intergroup Relations*, eds. S. Worchel, W.G. Austin, Chicago 1985, pp. 7–24; L.N. Spivak, *Psychological Foundations for the Development of the Young Person's National Self-Consciousness*, "European Applied Sciences" 2014. no. 1, p. 94–96.

⁶ В. Кулик, *Мова та ідентичність в Україні на кінець 2022 року*, Збруч, 7.01.2023, <https://zbruc.eu/node/114247> [дата звернення: 1.11.2025].

⁷ Цит. за: П.И. Гнатенко, *Этнопсихоанализ: монография*, Киев 2009.

⁸ Э. Ренан, *Что такое нация?*, [в:] Э. Ренан, *Собрание сочинений в 12-ти томах*, т. 6, Киев 1902, с. 101–102.

різні аспекти ідентичності: генетичну зумовленість ідентичності (етнічна ідентичність) та політичну, громадянську (національна ідентичність). Для полікультурних та полілінгвальних спільнот у межах однієї країни це є важливим питанням. Зазначимо, що таких країн у світі – більшість. Виходячи із зростання кількості мультикультурних країн завдяки сучасним міграційним процесам, можемо стверджувати, що набуття солідарності в таких спільнотах становить серйозний виклик для влади. Це питання набуває особливої актуальності у зв'язку з масовими міграційними процесами в Україні, що спричинила російсько-українська війна. Перед багатьма мігрантами постає проблема, як зберегти свою мовну і національну ідентичність та при цьому інтегруватися в іншу культуру.

Якщо етнічна ідентичність є біологічною категорією та в цьому сенсі є константною, то національну ідентичність науковці визначають як дискурсивний конструкт, вважаючи основною рисою ідентичності її ситуативний та мінливий характер. Ця особливість ідентичності може бути названа пластичністю – здатністю проявляти себе різними способами в різних обставинах. Ідентичність у дискурсивному підході не зводиться до комунікативної позиції або комунікативного статусу мовця, вона вплетена в широкий культурний контекст і відтворюється на базі наявних соціальних практик. Це означає, що національна ідентичність конструюється завдяки відповідним дискурсивним практикам, які не пов'язані безпосередньо з мовної ідентичністю. Таким чином, дискурсивний підхід зосереджений на вивченні проявів ідентичності, процесів її формування, підтримки (у практиках) й реалізації в конкретній ситуації, звідси, ідентичність розглядається передусім як процес, а не як результат.

Уже в працях М. Фуко висловлювалася думка про те, що особистості мають множинні ідентичності. Чи стосується це мовної ідентичності і як корелює це з етнічною і національною ідентичностями? Якщо національна ідентичність є формою ототожнення з певним державним устроєм через систему символів та дискурсів, то вона в такому разі постійно підтримується множинними у просторі та часі дискурсивними позиціями, що є нестабільними і мінливими. Водночас, Дж. Деверо та його послідовники підкреслюють патологічний характер абсолютизації власної етнічної ідентичності, що призводить до заперечення всіх інших ідентичностей. На рівні етносу та нації це прирікає спільноту «на повільно безглуздий дрейф у якості закритої системи. На рівні окремої особистості – ідентичність втрачає свою функціональність, перестає бути засобом зв'язку людини зі світом і перетворюється в „гамівну сорочку”»⁹. Нав'язливе підкреслення людиною власної етнічної (чи будь-якої іншої) ідентичності виявляє порушення в її Я-концепції, що провокує захисну відмову від справжньої ідентичності. Така людина

⁹ G. Devereux, *Essais d'ethnopsychiatrie générale*, Gallimard, Paris 1970.

перестає усвідомлювати себе як унікальну багатовимірну особистість (вона лише представник своєї соціальної страти: підприємець, патріот, буддист та ін.) та опиняється на межі того, щоб «бути ніким або навіть не бути зовсім»¹⁰.

Виходячи з вищезазначеного, в центрі нашої уваги постала проблема визначення національної та мовної ідентичності письменниці Марини Левицької (1946–2025), яка була від народження етнічною україною, але усі її твори написані виключно англійською мовою. Матеріалом дослідження є тексти її творів англійською (5) та їх переклади українською, а також інтерв'ю (англійською та українською), в яких вона висловлювалася щодо самоідентифікації. Фокус нашої уваги зосереджено, передусім, на її першому романі *Коротка історія тракторів по-українськи*, який є автобіографічним.

Метою дослідження є аналіз етномовних маркерів аксіологічних стратегій та способів репрезентації української етнічності Марини Левицької з опертям на тексти інтерв'ю Марини Левицької та мовлення персонажів її творів. Завданням розвідки є виявлення специфіки формування гібридної (подвійної) національної ідентичності, взаємодії мовного досвіду й культурних кодів. Окремої уваги заслуговує аналіз мови персонажів, що відбиває мовні профілі українців-емігрантів у романах Марини Левицької.

Цікавим для нашого дослідження є аналіз відповідей письменниці на запитання про самоідентифікацію, виходячи з того, що знаками етнічної та мовної ідентифікації можуть слугувати висловлювання про те, ким себе вважає людина, до якої спільноти вона себе уналежнює. У своїх інтерв'ю письменниця неодноразово підкреслювала, що «моє дитинство було українським, але, ставши дорослою, я ніколи не була особливо україною. Приїхати в Україну означало для мене те саме, що вступити в своє дитинство»¹¹. Отже, навіть, не уналежнюючи себе до українців, вона визнає, що

Україна – це країна з мого дитинства. Це країна моїх спогадів, країна моїх батьків, з розповідями про яку я зростала. Отже, це важлива частина того, хто я є. Але як доросла людина я повністю британка [...] А батьки мої українці... Це не дає мені відчуття, що я українка¹².

В одному зі своїх інтерв'ю Марина Левицька відповіла на запитання щодо улюбленої з її книг наступне:

Це важко. Вони як мої діти. Важко сказати, що я люблю оцю, але не дуже люблю іншу. Звичайно, що я люблю книгу «Коротка історія тракторів українською»

¹⁰ Цит. за П.И. Гнатенко, *Етнопсихоанализ...*, с. 71.

¹¹ Л. Белей, *Дослідниця складності, дуростій слабкості*, «Тиждень», 7.07.2013, <http://tyzhden.ua/Culture/83083> [дата звернення: 1.11.2025].

¹² В Україні вийде «Коротка історія тракторів українською» британської письменниці Марини Левицької, Радіо Свобода, 29.06.2013, <https://www.radiosvoboda.org/a/25031483.html> [дата звернення: 27.05.2026].

(A Short History of Tractors in Ukrainian), бо, частково, це історія моєї сім'ї, і це також книга, яка принесла мені славу й успіх. Але я також дуже люблю мою другу книгу «Два фургони» (Two Caravans) про трудових мігрантів, яка набагато складніша. І це книга, яка через її тему здобула мені міжнародне визнання. Моя остання книга і, звичайно, що останні завжди подобаються, – про світову банківську кризу [...]»¹³.

У центрі художнього світу Левицької – проблеми міграції, ностальгії, історичної травми, асиміляції та комунікаційного непорозуміння між культурами. Перший роман *Коротка історія тракторів по-українськи* написаний на біографічному матеріалі (але містить чимало вигаданого, як говорить М. Левицька). У цьому розумінні автобіографічні тексти слугують цінним джерелом для дослідження не тільки закономірностей побутування тієї чи іншої особистості, сприйняття автором мінливої дійсності, а й рецепцією культурно-історичних особливостей доби. По суті, це перший твір про сучасне життя української еміграції. Саме ця книга стала першим успіхом Марини Левицької, здобувши їй кілька премій, вийшовши понад мільйонним тиражем. Роман перекладений понад 40 мовами, серед яких, звичайно, й українська. Переклад українською першої книги авторки здійснив Олекса Негребецький (2013). У 2013 році вийшли переклади двох інших її романів українською мовою: *Різні домашні тварини: живі й мертві* (видавництво «Темпора»), *Два фургони* (видавництво «Факт», переклад С. Пиркало).

Прозу М. Левицької, як і інших авторів, що присвятили свої твори проблематиці самоідентифікації особистості в контексті двоїстої або маргінальної свідомості емігранта, характеризує звернення до таких понять, як «історична травма», вигнання, культурна асиміляція, ностальгія за батьківщиною, самопізнання через усвідомлення власної ідентичності.

На запитання «Коли Ви формувалися як автор, хто для Вас був найкращим зразком? Ким Ви хотіли бути? Ви згадали Гоголя...», Марина Левицька відповіла:

Я дуже велика шанувальниця Гоголя. Але коли я починала писати, то в Британії піднімалася хвиля зацікавлення письменниками «другого покоління» – батьки яких приїхали з інших країн. Була Зейді Сміт (з книгою *White Teeth*), яка створила велетенську багатокультурну панораму. Була Андреа Ліві, батьки якої походять з Карибських островів. Її оповіді були такі зворушливі. Моніка Алі, батьки якої походять із Бангладеш, яка також писала про свою громаду. І я собі подумала: «Ось, ніхто не написав книги про українців. Може б, я це зробила?» Отже, йшлося не лише про українськість, а про те, що була певна відкритість британської аудиторії до голосів ззовні. Я думаю, що саме це мене заохотило¹⁴.

¹³ Там само.

¹⁴ Там само.

Відповідаючи на запитання, «яке на Вашу думку, місце патріотизму, гордості за своє коріння», вона відповіла наступне:

Я не знаю. Я погоджуюся з думкою, не пам'ятаю, хто її висловив, про те, що «патріотизм – це останнє виправдання для негідників». Люди можуть наголошувати на тому, що приносить їм щастя, чим вони гордяться, що їм добре вдається, пишатися своїм умінням і талантами. Але просто стверджувати: «моя країна – найвеличніша у світі», – я вважаю, що це прояв браку впевненості у собі і в своїх силах. Набагато краще сказати: «Моя країна має переваги й недоліки, а ось цього ми намагаємося досягти». Це більш людяно. Я вважаю, що як особистість і як письменниця я завжди більше зацікавлена у тому, що у нас спільного, незалежно від національних чи політичних бар'єрів. Я завжди більше зацікавлена у тому, що об'єднує людей, радше ніж у тому, що розділяє людей. Назагал патріотизмом і націоналізмом часто користуються політики, щоб ділити людей¹⁵.

Треба зауважити, що сприйняття першого роману Марини Левицької британцями та українцями цілком протилежні¹⁶. Українська критика називала книгу пародією на українців. Марина Левицька відповідала, що якщо ця книга і є пародією, то передусім на її родину, адже вона є автобіографічна¹⁷. На її думку, критика роману в Україні спричинена нездатністю українців адекватно сприймати сатиру зі сторони, страхом посміятися над собою, «вкоренілим занадто серйозним і претензійним ставленням до себе»¹⁸. Зі слів Марини Левицької, «найгіршу рецензію в англійській пресі дав письменник Андрій Курков. Чесно кажучи, мене дуже розчарувало, що українці сприймають усе як особисту образу. Сподіваюся, вони зможуть запліснути очі на слово «по-українськи» в назві й побачать те, що варто побачити»¹⁹.

¹⁵ Там само.

¹⁶ Р. Радутний, *Гидота по українськи. Рецензія на роман М. Левицької «Коротка історія тракторів по українськи»*, Журнал «Всесвіт» 2007, № 5–6, <http://knyhobachennia.com/?category=3&article=108> [дата звернення: 1.11.2025]; A. Kurkov, *Human Traffic. Review of A Short History of Tractors in Ukrainian by Marina Lewycka*, "The Guardian", 19.03.2005, <https://cutt.ly/tfUoiLS> [дата звернення: 4.11.2025]; D. Lechner, *Eastern European memories? The novels of Marina Lewycka*, [in:] *Facing the East in the West. Images of Eastern Europe in British literature, film and culture*, eds. B. Korte, E.U. Pirker, S. Helff, Rodopi 2010, pp. 437–450.

¹⁷ С. Пиркало, *Марина Левицька: «Чомусь існує очікування, що українські автори мають бути страшенно серйозними». Розмова письменника з перекладачем*, «Україна молода» 2009, № 32, <http://www.umoloda.kiev.ua/number/1353/164/47703> [дата звернення: 1.11.2025].

¹⁸ Д. Десятерик, *Марина Левицька: Мої книжки більше глузують з британців, аніж з українців*, «День», 21.10.2011, № 190, <https://day.kyiv.ua/uk/article/ukrayinci-chitayte/marina-levicka-moyi-knizhki-bilshe-gluzuyut-z-britanciv-anizh-z> [дата звернення: 1.11.2025].

¹⁹ *В Україні нарешті видали світовий бестселлер «Коротка історія тракторів по-українськи»*, Texty.org, 10.07.2013, https://texty.org.ua/fragments/47060/V_Ukrajini_nareshti_vydaly_svitoviy_bestseller_Korotka-47060 [дата звернення 1.11.2025].

М. Левицька визнавала, що вона жартує також над британцями, сміється над їхнім бюрократизмом та снобізмом, однак читачами-британцями її жарти про себе сприймаються скоріше як самоіронія, а не образа. Як справедливо зауважує Олена Підгрушна, істотним є й те, що

попри хвалені англійський здоровий глузд та стриманість у манері *keeping a stiff upper lip*, англійці так само не люблять, коли з них кепкують іноземці. Як, зрештою, і будь-яка нація. А зважаючи на те, що через весь роман проходить тема історії України, не дивно, що й тут авторка виходить із стереотипного бачення історії нашої країни англійцями. М. Левицька орієнтується на англійського читача, жартує над темами неприйнятними в українській культурі²⁰.

Отже, вона орієнтується на сприйняття роману саме англійцями, а не українцями.

Багато англійських читачів писали мені, щоб сказати, як цікаво їм було дізнатися про історію України, але з України я отримувала коментарі на кшталт: «Тут немає нічого нового». Іноді українці навіть приходили на мої публічні лекції в Англії, щоб посперечатися зі мною. Можливо, це тому, що українці дуже націоналістичні, і я думаю, що зараз, коли вони більш помітні на Заході, вони очікують, що до них ставитимуться з більшою повагою. Вони думають: персонажі книги – зовсім не такі, якими ми хотіли б здаватися світу. Українці не хочуть, щоб Захід уявляв їх собі у вигляді жінки з величезним бюстом і старого, який втратив над собою контроль...²¹

Можливо, однією з причин є та, що Марина Левицька дивиться на українців та Україну як британка: критично, прискіпливо, виходячи зі стереотипів, частково – британських, частково – застарілих, радянських, бо в саме ті роки її батьки залишили Україну.

В українському науковому дискурсі існує чимало праць, присвячених аналізу творчості М. Левицької. Дослідники вивчали засоби вираження вторинної мовної особистості на матеріалі її творів²²: Н. Волковець-

²⁰ О.Г. Підгрушна, *Специфіка перекладу гумору на межі англійської та української культур*, "Science and Education a New Dimension. Philology" 2015, vol. III (10), issue 47, с. 95.

²¹ S. Moss, "Better Late Than Never" Interview by Stephen Moss with Marina Lewycka, "The Guardian" 31.05.2007.

²² Н. Волковецька, *Діалог минулого і сучасного у романах Оксани Забужко «Музей покинутих секретів» та Марини Левицької «Коротка історія тракторів по-українськи»*, «Наукові записки. Серія Філологічна» (Острог) 2012, вип. 27, с. 133–135; Н.В. Горбач, *Імагологічна візуалізація України в романі М. Левицької «Коротка історія тракторів по-українськи»*, [в:] *Українська література: проблеми і перспективи: матеріали I Всеукраїнської заочної науково-практичної Інтернет-конференції*, Мелітопольський державний педагогічний університет імені Богдана Хмельницького, Мелітополь 2020, с. 39–43; Ю. Горицька, *Засоби вираження вторинної мовної особистості в англо-*

кою²³ здійснено порівняльне дослідження модифікацій ментальності на матеріалі творів М. Левицької та О. Забужко. Об'єктом уваги дослідниці Оксани Сидоренко стала реалізація конфлікту свій / чужий у просторі роману Марини Левицької *Два фургони*, який присвячено темі заробітчанства²⁴. Аналіз моделювання образу України у творах М. Левицької здійснила Н.В. Горбач²⁵. Звертаючись до порівняльного аналізу перекладів російською та українською мовами твору *A Short History of Tractors in Ukrainian*, харківські науковці О.В. Ребрій та Я.С. Сиса, стверджують, що перекладацьке відтворення мовностилістичних засобів стереотипізації художнього образу перебуває під тиском ідеологічних обставин²⁶. Критичний аналіз перекладів твору *A Short History of Tractors in Ukrainian* російською, українською та німецькими мовами здійснила також лінгвістка О.М. Шум, зазначивши, що «оціночна характеристика твору формується читачем крізь призму бачення змісту перекладачем як співавтором цільового тексту»²⁷. Ґрунтовним, на нашу думку, є дослідження Олени Підгрушної, яка сфокусувала увагу на специфіці перекладу гумору на межі української та англійської культур на матеріалі текстів М. Левицької²⁸. Науковиця доходить висновку, що українців та англійців розділяє етномовний бар'єр, який надзвичайно відчутний саме у творі *A Short History of Tractors in Ukrainian*, що ілюструють чисельні проблемні моменти в перекладі. Треба наголосити на цікавому дослідженні, опублікованому англійською мовою у Польщі, авторкою якого є Оксана

мовному художньому дискурсі, «Науковий вісник Східноєвропейського національного університету імені Лесі Українки. Серія : Філологічні науки. Мовознавство» 2013, № 18, с. 157–161; В. Нарівська, *Пасторально-ідилічне переживання світу (про роман М. Левицької «Коротка історія тракторів по-українськи»)*, [в:] *Літературна компаративістика*, випуск IV: *Імагологічний аспект сучасної компаративістики: стратегії та парадигми*, ч. II, ВД «Стилос», Київ 2011, с. 258–273; О. Сидоренко, *Свій/чужий простір у романі Марини Левицької «Два фургони»*, «Філологічні науки» 2019, № 30, с. 53–56, <https://doi.org/10.33989/2524-2490.2019.30.188742> [дата звернення: 7.11.2025]; О.Г. Підгрушна, *Специфіка перекладу...*, с. 92–96; О. Ребрій, Я. Сиса, *Національні стереотипи як проблема перекладу*, «Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. Серія: Іноземна філологія. Методика викладання іноземних мов» 2022, № 95, с. 44–51, <https://doi.org/10.26565/2786-5312-2022-95-06>; О.В. Шум, *Авторський стиль М. Левицької: оригінал vs переклад (на прикладі роману «Коротка історія тракторів по-українськи»)*, «Закарпатські філологічні студії» 2022, вип. 22, т. 2, с. 222–226; Г.С. Яроцька, *Марина Левицька як білінгвальна мовна особистість*, [в:] «Велике і вічне...»: Михайло Федосійович Гетманець: матеріали Всеукраїнської наукової конференції з міжнародною участю (м. Харків, 15–16 вересня 2023 року), ХНПУ імені Г.С. Сковороди, Харків 2023, с. 149–152.

²³ Н. Волковецька, *Діалог минулого...*, с. 133–135.

²⁴ О. Сидоренко, *Свій/чужий простір...*, с. 53–56.

²⁵ Н.В. Горбач, *Імагологічна візуалізація...*, с. 39–43.

²⁶ О. Ребрій, Я. Сиса, *Національні стереотипи...*, с. 44–51.

²⁷ О.В. Шум, *Авторський стиль...*, с. 222–226;

²⁸ О.Г. Підгрушна, *Специфіка перекладу...*, с. 95.

Веретюк²⁹. Цю роботу присвячено аналізу української ідентичності на матеріалі роману *Коротка історія тракторів по-українськи*, де основну увагу приділено сприйняттю українців-мігрантів післявоєнного часу і українців-новоприбульців: як діти мігрантів, тобто друге покоління, ставляться до тих, хто приїхав у Британію вже за часи незалежної України в пошуках заробітку та комфортнішого життя. Дослідниця доходить висновку, що дві хвилі українських емігрантів в Англії ілюструють складний і динамічний процес трансформації ідентичностей, коли асимільовані англійські українці першої хвилі еміграції сприймають як чужих представників наступної хвилі. Аналіз сюжету, оповіді та мови показав нестабільне місце в післявоєнній Європі, що призводить до нечіткої ідентифікації.

Якщо описувати Марину Левицьку як мовну особистість, то варто зазначити, що вона є природним білінгвом, її першою домінантною мовою була українська, але згодом, у шкільні роки, українська мова поступово з домінантною перешла на позиції субдомінантної мови. Такий висновок можна зробити, не тільки виходячи з її власних слів, але й з науково визначених чинників, як-от: соціальний контекст вживання мов, нормативність мов, вживаних у соціальному контексті, інтенсивність вживання та рівень володіння. Загалом, перебуваючи в англomовному оточенні, маючи високий соціальний статус у Британії (науковиця, викладач, відома письменниця) тощо, у білінгвальної особистості (зокрема, М. Левицької), безумовно, англійська мова стає домінантною мовою. Її власні висловлювання щодо мови спілкування підтверджують такі висновки: «Я розумію розмовну українську на базовому рівні, але недостатньо, щоб читати й належним чином оцінювати українських письменників. Українська навіть не друга моя мова. Моя друга мова – французька»³⁰.

Письменницький стиль Марини Левицької, яка здобула освіту в Англії, але виросла в родині емігрантів, де розмовляли українською, дивно поєднує в собі англійські традиції та український культурний фон, відповідно до мов, якими вона володіє. Можемо говорити про гібридність культури авторки романів, яка поєднує британське та українське культурне підґрунтя. Саме ця гібридність культури авторки цих романів — є приводом для того, щоб поставити питання про «українськість» англomовних романів М. Левицької.

В одному зі своїх інтерв'ю М. Левицька говорить:

Думаю, міграція – дуже корисна відправна точка для письменника. Завдяки їй він завжди дивиться на все ніби збоку. У дитинстві я мріяла влитися у спільноту, бути такою самою, як і решта англійських дітей із мого оточення. Що

²⁹ O. Weretiuk, *Identifying the Ukrainian: Marina Lewycka's A Short History of Tractors in Ukrainian*, "Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Rzeszowskiego. Seria Filologiczna. Studia Anglica Resoviensia" 2016, z. 93, s. 154–164.

³⁰ В Україні виїде...

це означає? Ти спостерігаєш і намагаєшся наслідувати. А потім у потрібний момент усе те описуєш. Як на мене, немає ніякого збігу в тому, що так багато письменників були аутсайдерами в суспільствах, які описували³¹.

Тут важлива перспектива зовнішнього спостерігача. Ти бачиш речі в інакший спосіб. Надто ж коли ти дитина, яка переїздить у різні місця. Тоді все, що ти хочеш – сподобатися комусь інше. Ти дивишся, вивчаєш, запам'ятовуєш різні деталі, спостерігаєш за людьми і завжди відчуваєш різницю між собою та ними, думаєш: «Що мені зробити, щоб вони полюбили мене?» Це дуже загострює сприйняття. Може, дорослі не бачать це аж у надто крайній формі, але для дитини це дуже драматично³².

Отже, Марина Левицька стверджує, що в літераторів-мігрантів загострене відчуття дійсності, і це дає їм змогу поглянути на традиційні проблеми під нетрадиційним кутом зору.

Як відомо, представники другого еміграційного покоління – т.зв. діти емігрантів – становлять окремий феномен. Виховання від початку в умовах міжнаціональних зв'язків призводило при переживанні та конструюванні їхньої індивідуальності до формування в них подвійної (а інколи і множинної) ідентичності. Національна самоідентифікація, звичайно, є вибором (усвідомленим чи неусвідомленим) людини, яка ототожнює себе з певною мовно-культурною спільнотою.

Підсумовуючи результати досліджень творчості М. Левицької, можна зазначити, що проблема ідентичності авторки-емігрантки та її білінгвальних героїв залишається відкритою в українському науковому дискурсі. Натомість, на нашу думку, є певні підстави (як-от: висловлювання авторки щодо самоідентифікації та мовної ідентичності, високий соціальний статус та наявні ознаки інтеграції в британську культуру), що дозволяють визначити її як британку, що зберігає певні українські сімейні традиції та любов до своєї історичної батьківщини.

Щодо мовлення героїв романів М. Левицької, то можна сказати, що це навіть не суржик, а покалічена суміш, перехарамаркана російська мова, бо з українською тут спільного мало, на думку Дроздовського:

Мова і справді може видатись смішною та незграбною для росіян, оскільки це, по суті, – спотворена російська мова, якою в Україні ніколи не розмовляли. Та й фонетичні транскрипції для передачі мовлення російською мовою абсолютно не відповідають дійсності. Здається, це не пасквіль на українців, а свідоме маніпулювання текстом, історією, психологією. Це фальсифікація національної культури. Попри частотність подібних випадків, власне ця історія

³¹ В Україні наразі видали...

³² Д. Десятерик, Марина Левицька...

від Левицької виглядає дуже неправдоподібною та образливою³³.

Одним з основних джерел гумору в романі М. Левицької *Коротка історія тракторів по-українськи*, на яке вказують іноземні критики, є піджин укрлиш, «[...] надзвичайна «змішана мова», гібрид англійської та української, завдяки якій у тексті з'являються чудові жарти та яка викликає гомеричний сміх»³⁴. Уживання українських лексем виконують важливу місію маркерів ідентичності героїв роману – Миколи Масєвського, Валентини, її сина Станіслава. Отже, особливості англomовної комунікації героїв-українців з романів М. Левицької – основний художній засіб, що створює сміховий ефект для британських читачів та ображає інколи українців.

М. Левицька вдається до обігрування українсько-англійської мовної мішанки, що спричиняє безліч труднощів при перекладі твору. Питання відтворення «мішаної мови» досить неоднозначне, адже коли в англomовний текст оригіналу вкраплюються особливості українського слововживання, то як бути з ними у перекладі, адже тут персонажі й так розмовляють українською? Ось Надія згадує, як розмовляла її мати: «She talked in her own DIY language – Ukrainian sprinkled with words like *handheldblendera, suspenderbel-tu, green-fingerdski*»³⁵. Зрозуміло, що жінка, перебуваючи в еміграції, знайомила із безліччю реалій, яких не було у неї на Батьківщині, тому й змушена була запозичувати іншомовні слова у свою рідну мову. Це нормальний процес мовної адаптації. Англійські читачі відчують це, адже бачать у тексті знайомі слова, однак із слов'янськими флексіями *-ra, -tu, -ski*. О. Негребецький відтворює так: «Вона говорила своєю саморобною мовою – українською, побризканою словами на зразок *гендблендера, саспендербельта, гардену*» та використовує вона стереотипи, притаманні англійському суспільству, а не українському, що призводить до того, що українського читача такий гумор не зачіпає, бо він його не розуміє. Власне, і не сприймає його як гумор.

Складність тут у тому, що сміховий ефект цілком залежить від фонових знань читачів, проте перекладач має знайти оптимальні засоби, як передати у творі культурно-специфічні іронічні зауваження та гумористичні ремарки оповідачки, адже перекладач несе відповідальність за те, чи буде гумор сприйнятий так, як його сприймає носій мови оригіналу. Елемент, який в оригіналі провокував смішну гру понять, у перекладі перетворюється на ідеологічний випад проти суверенної країни і перетвориться на національну образу³⁶.

³³ Д. Дроздовський, «Трактори» з невдалої історії не по-українськи, Журнал Всесвіт, 2006, <https://www.vsesvit-journal.com/old/content/view/179/41/> [дата звернення: 27.05.2026].

³⁴ О.Г. Підгрушна, *Специфіка перекладу...*, с. 95.

³⁵ О. Weretiuk, *Identifying...*, с. 155.

³⁶ О.Г. Підгрушна, *Специфіка перекладу...*, с. 95.

Часте використання українських і російських запозичень в англійському тексті роману стає причиною виникнення стилістичного контрасту як засобу створення комічного ефекту. У російських і українських вкраплень є й інша, не менш важлива стилістична функція. Вона пов'язана з процесом самоідентифікації українських героїв роману, особливо Миколи Маєвського.

Другий роман Левицької *Два каравани* (2007) ще важче ніж перший зарахувати до жанру суто комічних творів, але англійська критика пов'язала його з розрядом таких самих «смішних» книг. Серед численних героїв *Двох караванів* британців майже немає. Весь сюжет побудований на пошуках кращого життя і заробітків добре освічених українських, польських, китайських і африканських мігрантів, які після 2004 р. добровільно приїхали до Англії, щоб покращити своє економічне становище на батьківщині (поляки Йола, Марта, Томаш, українець Андрій) або щоб вдосконалити свої знання англійської мови (Ірина, китайські студентки). Наприкінці роману *Два каравани* Андрій та Ірина вирішують поки не виїжджати з Англії, сподіваючись, що тут їм вдасться забезпечити своє сімейне щастя. Марині Левицькій вдалося в цій книзі досягти найвищого ступеня художньої правдивості: перед нами, користуючись її виразом, «українські українці» – у цьому не сумніваючись ні на хвилину.

Мовна гра, змішування англійської та української мов у тексті створюють комічний ефект, який виконує не лише естетичну, а й аксіологічну функцію: він показує, як мова стає простором культурного непорозуміння, але водночас і способом самовираження. Використання українських слів, фраз, елементів суржику або «українсько-англійського піджину» формує у творах авторки своєрідну «мовну мапу» ідентичності. Цей прийом виявляє не лише гумор, а й трагічність роздвоєного світосприйняття людини, що одночасно належить двом світам. Можна стверджувати, що мовна поведінка персонажів виконує не лише комунікативну, а й аксіологічну функцію, виступаючи маркером їхньої етнічної та національної самоідентифікації. Використання українсько-англійської мовної мішанки, суржику та іншомовних вкраплень створює ефект гібридної мовної свідомості, що відображає роздвоєність культурної належності та внутрішні ідентифікаційні конфлікти героїв.

Висновки

У статті здійснено комплексний аналіз національної та мовної ідентичності українських мігрантів на матеріалі творчості Марини Левицької. Ідентичність у прозі письменниці не постає як стабільна та завершена категорія, а функціонує як динамічний, дискурсивно зумовлений процес, який формується під впливом міграційного досвіду, міжкультурної взаємодії та білінгвального мовного середовища. З'ясовано, що національна ідентичність

Марини Левицької як особистості має подвійний характер: домінантною виступає британська ідентичність, тоді як українська зберігає статус субдомінантної, символічної та емоційно маркованої. Така модель ідентичності зумовлена особливостями мовної соціалізації письменниці як представниці другого покоління еміграції. Мова в її творах постає не лише засобом зображення комунікативного непорозуміння між культурами, а й інструментом самопізнання, рефлексії та збереження внутрішньої цілісності особистості. Герої Марини Левицької постають як «міжкультурні посередники», носії множинної ідентичності, що перебувають у постійному процесі ціннісного та мовного самовизначення. Отримані результати засвідчують, що творчість Марини Левицької є важливим художнім простором осмислення трансформацій національної та мовної ідентичності в умовах сучасної глобалізованої міграційної реальності. Пропоноване дослідження дозволило отримати відповідь на запитання: наскільки глибоким є зв'язок між мовою та ідентичністю і наскільки лінгвоорієнтованою є етнічна ідентичність українців-мігрантів, а також визначити статус символічної функції мови (мова як етнічний символ), що свідчить про певну зміну мовних орієнтацій білінгвів-мігрантів. Вбачаємо доречним національну ідентифікацію білінгвів-мігрантів вважати подвійною: за аналогією з двомовністю, домінантною ідентичністю мігрантів, зокрема М. Левицької, визначити англійську (британську), субдомінантною – українську. Науковий аналіз доводить, що національна ідентичність у творчості Левицької функціонує як дискурсивна, мінлива структура, що залежить від культурного контексту та соціальної ситуації.

Література

- Антонович В., *История Литовской Руси: Лекции профессора Университета Св. Владимира В.Б. Антоновича 1881–1882*, Киев 1882.
- Белей Л., *Дослідниця складності, дуростій слабкості*, «Тиждень», 7.07.2013, <http://tyzhden.ua/Culture/83083> [дата звернення 1.11.2025].
- Волковецька Н., *Діалог минулого і сучасного у романах Оксани Забужко «Музей покинутих секретів» та Марини Левицької «Коротка історія тракторів по-українськи»*, «Наукові записки. Серія Філологічна» (Національний університет «Острозька академія») 2012, вип. 27, с. 133–135.
- В Україні вийде «Коротка історія тракторів українською» британської письменниці Марини Левицької, Радіо Свобода, 29.06.2013, <https://www.radiosvoboda.org/a/25031483.html> [дата звернення: 27.05.2026].
- В Україні нарешті видали світовий бестселлер «Коротка історія тракторів по-українськи», Texty.org, 10.07.2013, https://texty.org.ua/fragments/47060/V_Ukrajinі_nareshti_vydaly_svitovyy_bestseller_Korotka-47060/ [дата звернення 1.11.2025].
- Гнатенко П.И., *Этнопсихоанализ: монография*, Киев 2009.

- Горбач Н.В., *Імагологічна візуалізація України в романі М. Левицької «Коротка історія тракторів по-українськи»*, [в:] *Українська література: проблеми і перспективи: матеріали I Всеукраїнської заочної науково-практичної Інтернет-конференції*, Мелітопольський державний педагогічний університет імені Богдана Хмельницького, Мелітополь 2020, с. 39–43.
- Горицька Ю., *Засоби вираження вторинної мовної особистості в англomовному художньому дискурсі*, «Науковий вісник Східноєвропейського національного університету імені Лесі Українки. Серія: Філологічні науки. Мовознавство» 2013, № 18, с. 157–161.
- Десятерик Д., *Марина Левицька: Мої книжки більше глузують з британців, аніж з українців*, «День», 21.10.2011, № 190, <https://day.kyiv.ua/uk/article/ukrayinci-chitayte/marina-levicka-moyi-knizhki-bilshe-gluzuyut-z-britanciv-anizh-z> [дата звернення: 1.11.2025].
- Дроздовський Д., *«Трактори» з невдалої історії не по-українськи*, Журнал Всесвіт, 2006, <https://www.vsesvit-journal.com/old/content/view/179/41/> [дата звернення: 27.05.2026].
- Кулик В., *Мова та ідентичність в Україні на кінець 2022 року*, Збруч, 7.01.2023, <https://zbruc.eu/node/114247> [дата звернення: 1.11.2025].
- Левицька М., *Коротка історія тракторів по-українськи*, пер. з англ. О. Негребецького, Темпора, Київ 2013.
- Нарівська В., *Пасторально-ідилічне переживання світу (про роман М. Левицької «Коротка історія тракторів по-українськи»)*, [в:] *Літературна компаративістика*, випуск IV: *Імагологічний аспект сучасної компаративістики: стратегії та парадигми*, ч. II, ВД «Стилос», Київ 2011, с. 258–273.
- Ренан Э., *Что такое нация?*, [в:] Э. Ренан, *Собрание сочинений в 12-ти томах*, т. 6, Киев 1902, с. 87–101.
- Сидоренко О., *Свій/чужий простір у романі Марини Левицької «Два фургони»*, «Філологічні науки» 2019, № 30, с. 53–56, <https://doi.org/10.33989/2524-2490.2019.30.188742> [дата звернення: 7.11.2025].
- Сміт Е.Д., *Національна ідентичність*, пер. з англ. П. Тарашука, Основи, Київ 1994, <http://litopys.org.ua/smith/smi02.htm> [дата звернення: 10.11.2025].
- Підгрушна О.Г., *Специфіка перекладу гумору на межі англійської та української культур*, “Science and Education a New Dimension. Philology” 2015, vol. III (10), issue 47, с. 92–96.
- Пиркало С., *Марина Левицька: «Чомусь існує очікування, що українські автори мають бути страшенно серйозними». Розмова письменника з перекладачем*, «Україна молода» 2009, № 32, <http://www.umoloda.kiev.ua/number/1353/164/47703> [дата звернення: 1.11.2025].
- Радутний Р., *Гидота по-українськи. Рецензія на роман М. Левицької «Коротка історія тракторів по-українськи»*, Журнал «Всесвіт» 2007, № 5–6, <http://knyhobachennia.com/?category=3&article=108> [дата звернення: 1.11.2025].
- Ребрій О., Сиса Я., *Національні стереотипи як проблема перекладу*, «Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. Серія: Іноземна філологія. Методика викладання іноземних мов» 2022, № 95, с. 44–51, <https://doi.org/10.26565/2786-5312-2022-95-06>.

- Шум О.В., Авторський стиль М. Левицької: оригінал vs переклад (на прикладі роману «Коротка історія тракторів по-українськи»), «Закарпатські філологічні студії» 2022, вип. 22, т. 2, с. 222–226;
- Яроцька Г.С., Марина Левицька як білінгвальна мовна особистість, [в:] «Велике і вічне...»: Михайло Федосійович Гетманець: матеріали Всеукраїнської наукової конференції з міжнародною участю (м. Харків, 15–16 вересня 2023 року), ХНПУ імені Г.С. Сковороди, Харків 2023, с. 149–152.
- Devereux G., *Essais d'ethnopsychiatrie générale*, Gallimard, Paris 1970.
- Kurkov A., *Human Traffic. Review of A Short History of Tractors in Ukrainian by Marina Lewycka*, "The Guardian", 19.03.2005, <https://cutt.ly/tfUoiIS> [дата звернення: 4.11.2025].
- Lechner D., *Eastern European memories? The novels of Marina Lewycka*, [in:] *Facing the East in the West. Images of Eastern Europe in British literature, film and culture*, eds. B. Korte, E.U. Pirker, S. Helff, Rodopi 2010, pp. 437–450.
- Moss S., "Better Late Than Never" Interview by Stephen Moss with Marina Lewycka, "The Guardian" 31.05.2007.
- Smith A., *Myths and memories of the nation*, Oxford University Press, Oxford 1999.
- Tajfel H., Turner J.C., *The Social Identity Theory of Intergroup Behavior*, [in:] *Psychology of Intergroup Relations*, eds. S. Worchel, W.G. Austin, Chicago 1985, pp. 7–24;
- Spivak L.N., *Psychological Foundations for the Development of the Young Person's National Self-Consciousness*, "European Applied Sciences" 2014. no. 1, p. 94–96.
- Weretiuk O., *Identifying the Ukrainian: Marina Lewycka's A Short History of Tractors in Ukrainian*, "Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Rzeszowskiego. Seria Filologiczna. Studia Anglica Resoviensia" 2016, z. 93, s. 154–164.

Украинские мигранты: национальная и языковая идентичность (на материале произведений Марины Левицкой)

Резюме

В статье проанализирована национальная и языковая идентичность украинских мигрантов на материале художественного творчества Марины Левицкой. Исследование базируется на сочетании лингвистического, литературоведческого, психолингвистического и аксиологического подходов. Особое внимание уделено анализу высказываний автора о собственной национальной и языковой идентификации, речи персонажей, которая отражает специфику билингвального языкового сознания и гибридной идентичности. Показано, что в условиях миграции идентичность выступает как динамичная, изменчивая структура, которая находится в постоянном процессе конструирования с опорой на две культуры – украинскую и британскую. Языковые вкрапления, элементы украинско-английской языковой смеси, суржик и заимствования выступают важными маркерами национальной и культурной идентичности персонажей, иллюстрируя, в том числе, и поколенческие различия на коммуникативном уровне. Национальная идентичность Марины Левицкой имеет двойственный характер: доминирующей является британская идентичность, тогда как украинская сохраняет символическую, культурную и эмоциональную значимость. Язык персонажей-мигрантов в ее романах выполняет не только коммуникативную функцию,

но и аксиологическую, отражая систему ценностей украинских мигрантов. Результаты исследования актуальны в условиях современных миграционных процессов, вызванных войной, и могут быть использованы в исследованиях, посвящённых проблемам идентичности, современной миграционной литературы, социолингвистики и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: национальная идентичность, языковая идентичность, билингвизм, гибридная идентичность, межкультурная коммуникация, Марина Левицкая, украинская эмиграция

Ukrainian Migrants: National and Linguistic Identity (Based on the Works of Marina Lewycka)

Abstract

This article explores the national and linguistic identity of Ukrainian migrants based on the literary works of Marina Lewycka. The research is grounded in an interdisciplinary approach combining linguistic, literary, psycholinguistic, and axiological perspectives. Special attention is paid to the analysis of the speech patterns of the characters, which reveal the specificity of bilingual consciousness and the formation of a hybrid identity. The study demonstrates that under the conditions of migration, identity does not function as a fixed or completed category but rather as a dynamic and discursively constructed process shaped by intercultural interaction, bilingual experience, and sociocultural adaptation. The use of Ukrainian-English mixed speech, elements of Surzhyk, borrowings, and phonetic stylization creates a specific linguistic space that reflects the characters' dual cultural belonging and internal identity conflicts. The article substantiates that national identity in Marina Lewycka's works has a dual structure: British identity operates as the dominant one, while Ukrainian identity remains subdominant, symbolic, and emotionally marked. This model of identity is determined by the peculiarities of the writer's linguistic and cultural socialization as a representative of the second generation of migrants. Ukrainian identity is preserved mainly at the level of cultural memory, family narratives, emotions, and symbolic language markers. It is proven that language in Lewycka's novels performs not only a communicative but also an axiological function, serving as a carrier of values and cultural meanings. Linguistic choices made by the characters reflect their strategies of self-identification, adaptation, resistance, and inner self-preservation. The study also emphasizes the ambivalence of humor and linguistic play in Lewycka's prose. While mixed language and phonetic stylization create a comic effect for the English-speaking reader, they may be perceived as offensive or ideologically biased by Ukrainian readers. This confirms that the perception of ethnic representation strongly depends on cultural background and interpretative frameworks. The results of the research show that the works of Marina Lewycka constitute an important literary laboratory for rethinking national and linguistic identity in the context of globalization and contemporary migration. The article proves that language remains one of the key instruments of both identity preservation and transformation. The findings are relevant for studies in identity theory, migration literature, sociolinguistics, intercultural communication, and diaspora studies.

Keywords: national identity, linguistic identity, bilingualism, hybrid identity, migration, intercultural communication, axiology, Marina Lewycka

Michał Jankowicz

dr, Uniwersytet Komisji Edukacji Narodowej w Krakowie

<https://orcid.org/0000-0002-7787-1491>

michal.jankowicz@uken.krakow.pl

Ориентационные метафоры в текстах прессы о конфликте на Украине

Введение

В исследовании рассматриваются ориентационные метафоры, используемые в текстах прессы, посвященных конфликту на Украине в его гибридной фазе (2014–2021 гг.). Материалом исследования послужили статьи, опубликованные в таких российских газетах, как «Известия», «Московский комсомолец», «Комсомольская правда» и «Коммерсантъ». Метафоры, извлеченные из исследованного материала, в основном относятся к политическим действиям и явлениям, влияющим на ход конфликта в юго-восточной Украине и ситуацию в данном регионе. Теоретической основой исследования является когнитивная теория метафоры. Метафоры, используемые в политическом и медийном дискурсе, существенно отличаются от метафор, встречающихся в художественных текстах, и выполняют иные функции. В публицистических текстах используются образные метафоры, чаще всего направленные на то, чтобы воздействовать на читателя и убедить его в определенных взглядах.

Метафора – когнитивный ракурс

По мнению ученых-когнитивистов, включая Джорджа Лакоффа, Марка Джонсона, Виктора Тернера и Ив Свитсер, метафора – это универсальное

явление, присущее не только художественному творчеству или риторике, но и присутствующее в повседневном общении и других типах дискурса. Как отмечает Рональд Лангакер, «предложения, полностью лишённые метафоры, составляют меньшинство»¹. Лакофф и Джонсон в своей монографии «Метафоры, которыми мы живём» представили метафору как повсеместное явление не только в языке, но и в мышлении и действии². По мнению когнитивистов, метафора – это механизм, определяющий мышление, а не стилистический прием языка или риторическая фигура. Данный подход отличается от традиционного восприятия метафоры как своеобразного языкового украшения, связанного в основном с художественными произведениями.

Лакофф определяет основную функцию метафоры как «обеспечение частичного понимания одного вида опыта посредством другого вида опыта»³. По мнению Лакоффа, замечаемые сходства касаются не особенностей объектов, а человеческого опыта, который создает так называемые *эмпирические гештальты*. Лакофф противопоставляет концептуальные метафоры поэтическим метафорам, цель которых – сделать язык более привлекательным и дать возможность получателю творчески раскрыть их смысл. Концептуальные метафоры могут быть незаметны как для отправителя, так и для получателя. Абстрактные ощущения концептуализируются посредством физических ощущений.

Типы концептуальных метафор

Лакофф различает следующие типы концептуальных метафор:

- структурные метафоры (одно понятие придает метафорическую структуру другому понятию; предполагается сопоставление двух концептуальных областей, где элементы одного домена проецируются на элементы другого);
- ориентационные метафоры (вся система метафорических понятий структурирует другую систему; создается система понятий, в которой присутствует пространственная ориентация);
- онтологические метафоры (закljučаются в овеществлении нереальных сущностей)⁴.

Как утверждает Лакофф, метафоры создают структурные отношения, называемые идеализированными когнитивными моделями (ИКМ). ИКМ

¹ R. Langacker, *The Cognitive Perspective*, Duisburg 1988, p. 3.

² G. Lakoff, M. Johnson, *Metafory w naszym życiu*, tłum. T.P. Krzeszowski, Wydawnictwo Aletheia, Warszawa 2010, с. 25.

³ Там же, с. 208.

⁴ Там же, с. 41.

присутствуют в культурно сформированной сфере нашего воображения⁵. Наш образ мышления обусловлен метафорами.

Политические метафоры

При рассмотрении метафор, встречаемых в анализируемых текстах прессы, ценной представляется теория политической метафоры, возникшая в результате взаимовлияния двух направлений современной лингвистики – метафорологии и политической лингвистики. Развитие исследований в области политической коммуникации и признание роли метафор как инструмента повышения осведомленности, моделирования и оценки политических процессов, а следовательно, и средства социального влияния, имели решающее значение для появления этой теории. Современная теория метафоры опирается на богатые достижения политической лингвистики, восходящие к середине XX века (например, труды Гарольда Лассуэлла, Виктора Клемперера, Джорджа Оруэлла), а также на более поздние публикации, в том числе Анны Вежбицкой, Тена Адриануса ван Дейка, Ноама Хомского, Рут Водак, Кристл де Ландшир и др.⁶

Как отмечают Эдуард Будаев и Анатолий Чудинов, сегодня существует несколько основных направлений в изучении политической метафоры. Первый, называемый риторическим, относится к исследованиям Аристотеля о метафорах. Метафора здесь рассматривается как своеобразное украшение мысли, помогающее воздействовать на реципиента. Второе направление базируется на когнитивном подходе, согласно которому метафора является одной из форм мышления, особенно эффективной в контексте интерпретации новых реалий, попыток представить новые концепции известных явлений и стремлений изменить картину мира адресата. Это направление исследований было в основном сформировано Марком Джонсоном и Джорджем Лакоффом. Риторическое и когнитивное направления считаются ведущими, но не единственными в современной политической метафорологии. Значительная часть европейских исследований политических метафор проводится в рамках критического дискурс-анализа (KAD). Продолжая идеи ван Дейка, Водак и др., метафору рассматривают как одно из средств, используемых властью для контроля над людьми, оправдания неравенства и обмана граждан. Исследования, проводимые в рамках KAD, направлены не только на распознавание метафор, но и на оценку их

⁵ O. Jäkel, *Metafory w abstrakcyjnych domenach dyskursu. Kognitywno-lingwistyczna analiza metaforycznych modeli aktywności umysłowej, gospodarki i nauki*, tłum. M. Banaś, B. Drag, Universitas, Kraków 2003, с. 25.

⁶ Э.В. Будаев, А.П. Чудинов, *Метафора в политическом интердискурсе*, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург 2006, с. 5.

использования. Другая важная группа – исследования с использованием корпусных методов и контент-анализа, сторонники которых стремятся сохранить максимально возможную объективность, учитывая строго определенный корпус метафор по четко сформулированным правилам. Кроме того, имеются публикации о метафорах, в которых используются психолингвистические методы. Иногда в рамках одного исследования применяются разные методы, что способствует более полному пониманию сути явления⁷.

Метафоры в текстах прессы

Метафоры используются во всех стилях и коммуникативных ситуациях. Они встречаются как в официальных речах, так и в повседневных высказываниях, в разговорной речи, что является выражением постулата универсальности⁸. Как отмечает Александр Киклевич, критерии сходства между двумя объектами обычно не являются явными и могут быть определены только из контекста⁹. Они отражают ситуацию общения и психическое состояние участников процесса общения. Соотнесение метафор с конкретными событиями и реалиями особенно заметно в публицистических текстах и заявлениях представителей власти¹⁰. В период конфликтов и кризисов политические метафоры динамично развиваются и затем заимствуются журналистами, публицистами и другими политиками, выступающими в СМИ¹¹. Будаев и Чудинов называют периоды политической нестабильности, сопровождающиеся более интенсивным использованием политических метафор, «метафорическими бурями»¹².

Анализ ориентационных метафор

В исследованных текстах, посвященных конфликту в юго-восточной Украине, встречаются ориентационные метафоры. Как отмечает Лакофф, данный

⁷ Там же, с. 39–40.

⁸ O. Jäkel, *Metafory w abstrakcyjnych...*, s. 43.

⁹ A. Kiklewicz, M. Prusak, *Pragmatyczne aspekty teorii metafor pojęciowych (przy szczególnym uwzględnieniu metafor politycznych w polskich tekstach prasowych)*, „Respectus Philologicus” 2006, nr 9 (14), s. 20.

¹⁰ T. Dobrzyńska, *Metafory wartościujące w publicystyce i wypowiedziach polityków*, [w:] *Kreowanie świata w tekstach*, red. A.M. Lewicki, R. Tokarski, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, Lublin 1995, s. 202.

¹¹ А.П. Чудинов, *Очерки по современной политической метафорологии*, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург 2013, с. 108.

¹² Э.В. Будаев, А.П. Чудинов, *Зарубежная политическая метафорология*, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург 2008, с. 12.

вид метафорических концептов организует целую систему концептов относительно другой системы; большинство метафор, принадлежащих к данной категории, носят пространственный характер: *верх – низ, внутри – снаружи, передняя сторона – задняя сторона, на поверхности – с поверхности, глубокий – мелкий, центральный – периферийный*¹³. Наше отношение к пространству обусловлено физической средой, свойственной нашей жизни. Благодаря ориентационным метафорам понятия приобретают пространственное соотношение, которое может быть выражено в различных типах формулировок (например, движение вверх: *вершина, гора, подъем, поднять, прыгнуть, вырасти* и т.д.). Однако метафорические ориентации не навязываются сверху, а являются результатом опыта, который является универсальным для всех людей или специфичным для определенных этнических групп. Таким образом, одно и то же направление может относиться к метафорам с разным значением в зависимости от конкретной культурной среды.

Основу метафоры ориентации *вниз – плохо, вверх – хорошо* можно найти как в физическом, так и в культурном опыте. Лакофф предложил следующие возможные варианты происхождения данной метафоры, в основном относящиеся к физической позе:

- согбенный человек обычно печален, стоящий прямо – радостен;
- человек спит лежа, а после пробуждения встает;
- лежит больной, умирающий человек;
- размер соотносится с физической силой, более крупный индивид (человек, животное) оказывается выше во время борьбы;
- увеличенное количество или вес предметов влияет на их общую высоту при укладке друг на друга;
- по мере приближения к объекту мы воспринимаем его как все большее и большее;
- существует взаимосвязь между статусом человека, его социальной властью и его физической силой;
- взгляд вниз, опущенная голова указывает на грусть;
- голова, часть тела, отвечающая за мышление, находится наверху¹⁴.

В следующих фрагментах метафора *хорошее вверх, плохое вниз* наблюдается в формулировке *падение Европы*, означающей понижение ее статуса, и *падение республик*, сводящейся к разгрому и уничтожению самопровозглашенных Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики.

Таким образом, после неё может начаться или дальнейшее *падение Европы* в пропасть, с помощью всё той же Украины, или её преобразование. [Григорий Тривимчук, *Аксесуары мира*, «Комсомольская правда», 10.05.2014]

¹³ Дж. Лакофф, М. Джонсон, *Метафоры, которыми мы живем*, Едиториал УРСС, Москва 2004, с. 35.

¹⁴ G. Lakoff, M. Johnson, *Metaphory...*, s. 43–45.

Если «казус Милошевича» с нами повторится и мы допустим *падение этих республик* [ДНР и ЛНР – М.Я.], превращение натовских баз в градообразующие предприятия востока Украины неизбежно. [Егор Холмогоров, *Воображаемый друг*, «Известия», 9.06.2014]

В ориентационных метафорах небо, расположенное над человеком, обычно будет обозначать положительные предметы, состояния, явления. К примеру, сочетание *мирное небо*, означает мир, хотя в случае военной тематики небо также является полем боя: именно оттуда падают ракеты и пролетают военные самолеты.

Такими темпами о *мирном небе над Востоком Украины* приходится только мечтать. [Павел Иванов, *Украина хочет убрать ДНР и ЛНР из переговоров по Минским соглашениям*, «Московский комсомолец», 15.02.2017]

Одним из видов ориентационных метафор является метафора: *близко – хорошо, далеко – плохо*. Она обоснована человеческим опытом и его следующими особенностями:

- близкие районы хорошо известны и поэтому безопасны, дальние районы – неизвестны, полны опасностей;
- семья, люди, к которым мы относимся положительно, обычно находятся рядом с нами, живут с нами, незнакомцы – дальше;
- обычно мы храним нужные нам вещи ближе, а те, которые используем реже, – дальше.

В журналистском дискурсе часто используются такие фразы, как *сближение двух стран* (например, *сближение России и Украины, сближение ЕС с Украиной*), означающие улучшение отношений между странами, установление лучших двусторонних отношений.

Евросоюз ожидает проблем от *сближения России и Украины* после выборов [Медведчук не видит оснований для досрочных местных выборов на Украине, «Московский комсомолец», 24.07.2019]

По словам Меркель, *сближение ЕС с Украиной, Грузией и Молдавией* «не направлено против России», сообщает ТАСС. [Меркель: ЕС хочет иметь хорошие отношения с Россией, «Коммерсантъ», 13.12.2014]

Они выступают за *сближение Украины с ЕС*, но ищут пути не столько обострения, сколько урегулирования кризиса. [Константин Волков, Алексей Пушков: «ПАСЕ рискует изолировать саму себя от России», «Известия», 3.06.2014]

Анализируемые тексты также содержат ориентационные метафоры, обусловленные культурным опытом, который может различаться в отдельных регионах мира¹⁵. К ним относятся метафоры *будущее – впереди, прошлое – позади*, а также *ожидаемые будущие события сверху (и впереди)*,

¹⁵ Там же, с. 41.

функционирующие в русской и польской культурах. Предположительно, источник данной метафоры можно увидеть в опыте движения человека, который обычно движется вперед, соответственно направлен к пространству, которое видно перед ним, к которому он стремится (намереваясь достичь в будущем), в то время как места, расположенные позади него (за его спиной), отсылают к прошлому. Однако следует отметить, что в одних культурах будущее находится впереди нас, а в других – позади нас¹⁶. В приведенном ниже примере словосочетание *шаг вперед* означает развитие, продолжение, то есть относится к ситуации в будущем.

Заключенное в четверг в Минске соглашение – это потенциально важный *шаг вперед* к урегулированию конфликта на востоке Украины, говорится в заявлении Белого дома. [*Вашингтон считает минские договоренности шагом к разрешению кризиса*, «Коммерсантъ», 12.02.2015]

Доменом-источником (исходной сферой) в ориентационной метафоре *движение назад это прошлое*, могут быть, среди прочего глаголы *уходить*, *возвращать*, относящиеся к предыдущему состоянию. В приведенных ниже примерах фраза *уходящее американское руководство* обозначает органы власти, срок полномочий которых истекает, что относит их деятельность в прошлое. Глагол *возвращаться* также содержит указание на положение дел, которое имело место ранее (предыдущую политику НАТО по отношению к России).

Российский премьер обвинил *уходящее американское руководство* в «авантюрах», в число которых включил конфликты в Сирии и на Украине, а также «арабскую весну». [*Дмитрий Медведев рассказал о деградации отношений России и США*, «Коммерсантъ», 19.01.2017]

Госсекретарь США Майк Помпео призвал НАТО *не возвращаться к «обычному ведению дел»* с Москвой, пока она не прекратит агрессию на востоке Украины и не изменит свою «дестабилизирующую» политику. [*Помпео призвал НАТО пока не возвращаться к обычному сотрудничеству с Россией*, «Коммерсантъ», 27.04.2018]

Заключение

В текстах прессы широко используются ориентационные метафоры – универсальные представления, воздействующие на воображение читателя. Данные средства в первую очередь служат распространению авторской интерпретации событий в юго-восточной Украине посредством простых для восприятия образов, основанных на физическом и культурном опыте. Ориентационные метафоры упорядочивают сложную политическую

¹⁶ Там же.

реальность, делая её более понятной, а также повышают привлекательность текста с помощью ярких формулировок. Метафоры являются также элементом журналистской игры с читателем, что приводит к более эффективному запоминанию представленного содержания.

Литература

- Будаев Э.В., Чудинов А.П., *Зарубежная политическая метафорология*, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург 2008.
- Будаев Э.В., Чудинов А.П., *Метафора в политическом интердискурсе*, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург 2006.
- Лакофф Дж., Джонсон М., *Метафоры, которыми мы живем*, Едиториал УРСС, Москва 2004.
- Чудинов А.П., *Очерки по современной политической метафорологии*, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург 2013.
- Dobrzyńska T., *Metafory wartościujące w publicystyce i wypowiedziach polityków*, [w:] *Kreowanie świata w tekstach*, red. A.M. Lewicki, R. Tokarski, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, Lublin 1995.
- Jäkel O., *Metafory w abstrakcyjnych domenach dyskursu. Kognitywno-lingwistyczna analiza metaforycznych modeli aktywności umysłowej, gospodarki i nauki*, tłum. M. Banaś, B. Drąg, Universitas, Kraków 2003.
- Kiklewicz A., Prusak M., *Pragmatyczne aspekty teorii metafor pojęciowych (przy szczególnym uwzględnieniu metafor politycznych w polskich tekstach prasowych)*, „Respectus Philologicus” 2006, nr 9 (14), s. 20–30.
- Lakoff G., Johnson M., *Метафоры в нашем życiu*, tłum. T.P. Krzeszowski, Wydawnictwo Aletheia, Warszawa 2010.
- Langacker R., *The Cognitive Perspective*, Duisburg 1988.

Резюме

В статье рассматриваются ориентационные метафоры, используемые в текстах прессы, посвященных конфликту в юго-восточной Украине (2014–2021 гг.). Материал для анализа составляют сообщения, опубликованные в таких российских газетах, как «Известия», «Московский комсомолец», «Комсомольская правда» и «Коммерсантъ». Метафоры, извлеченные из исследованного материала, в основном касаются политических действий и явлений, влияющих на ход конфликта на Украине и ситуацию в данном регионе. Основой исследования является когнитивная теория метафоры, согласно которой метафора – это универсальное явление, присущее не только художественному творчеству или риторике, но и присутствующее в повседневном общении и других типах дискурса. В рамках когнитивного подхода метафора является одной из форм мышления, особенно эффективной в контексте интерпретации новых реалий, попыток представить новые концепции известных явлений и стремлений изменить картину мира адресата. Анализ опирается также на теорию политической метафоры, возникшую в результате взаимовлияния двух направлений современной лингвистики – метафорологии и политической лингвистики. В ходе исследования в проанализированных текстах были выявлены ориентационные

метафоры – универсальные образы, воздействующие на воображение читателя. Рассматриваемые ориентационные метафоры являются одним из средств служащих распространению авторской интерпретации событий в юго-восточной Украине посредством простых для восприятия образов, основанных на физическом и культурном опыте человека.

Ключевые слова: конфликт на Украине, российская пресса, дискурс прессы, ориентационная метафора, СМИ

Oriental Metaphors in Press Texts on the Conflict in Ukraine

Abstract

The article examines orientational metaphors used in press texts dedicated to the conflict in south-eastern Ukraine (2014–2021). The material for analysis consists of articles published in such Russian newspapers as *Izvestia*, *Moskovsky Komsomolets*, *Komsomolskaya Pravda* and *Kommersant*. The metaphors extracted from the studied material mainly concern political actions and phenomena that influence the course of the conflict in Ukraine and the situation in this region. The study is grounded in cognitive metaphor theory, according to which metaphor is a universal phenomenon inherent not only in artistic creativity or rhetoric, but also present in everyday communication and other types of discourse. Within the cognitive approach, metaphor is understood as a form of thinking that is particularly effective in the interpretation of new realities, in attempts to conceptualize new phenomena through familiar concepts, and in efforts to reshape the addressee's worldview. The analysis also draws on the theory of political metaphor, which emerged from the interaction of two fields of modern linguistics – metaphor studies and political linguistics. During the study, orientational metaphors were identified in the analyzed texts – universal images that affect the reader's imagination. The orientational metaphors under consideration are one of the means used to disseminate the authors' interpretation of events in south-eastern Ukraine through easy-to-perceive images based on a person's physical and cultural experience.

Keywords: conflict in Ukraine, Russian press, press discourse, orientational metaphor, media

Michał Jankowicz
dr, Uniwersytet Komisji Edukacji Narodowej w Krakowie
<https://orcid.org/0000-0002-7787-1491>
michal.jankowicz@uken.krakow.pl

Медиатизация конфликта на Украине в российской прессе

Введение

Вспышка вооружённого конфликта и его начальная фаза неизбежно связаны с повышенным интересом со стороны медиа и общественного мнения. Военная проблематика, учитывая высокую динамику событий и аксиологическую подоплёку, сильно привлекает внимание аудитории. Средства массовой информации не ограничиваются лишь описанием текущей ситуации, но также формируют восприятие разворачивающегося военного противостояния. При конструировании медиальных сообщений существенную роль играет политическая ориентация, которой придерживается редакция, а также стремление привлечь максимально широкую аудиторию. Повышение привлекательности публикаций связано с адаптацией к новому профилю получателей информации, сформировавшемуся под влиянием процессов, характерных для современной массовой коммуникации.

Настоящая статья направлена на концептуальное осмысление феномена медиатизации вооружённого конфликта. В качестве эмпирического материала рассмотрен конфликт в юго-восточной Украине, происходивший в период 2014–2021 гг., в дальнейшем переросший в полномасштабное вторжение России на Украину (2022 г). В исследовании использованы материалы, опубликованные в газетах «Российская газета», «Известия», «Комсомольская правда». Главным методом, использованным в работе, стал контент-анализ.

Медиатизация

Возникновение медиатизированного общества является одним из ключевых аспектов современной культурной формации. Томаш Гобан-Клас выделяет следующие его характеристики:

- доминирующая роль опосредованных медийных отношений и межличностных контактов;
- создание средствами массовой коммуникации виртуальной реальности и производство медийной культуры;
- возросшее значение медийной инфраструктуры, особенно телекоммуникационной, как основы сетевых и информационных потоков;
- поддержка человеческой деятельности посредством медийно-информационных технологий;
- существенная роль медийной индустрии в экономике;
- зависимость общественного прогресса от развития медиа и телекоммуникационных технологий¹.

Понятие *медиатизация* в *Словаре медийной терминологии* определяется как: «процесс посредничества медиа в познании мира; воздействие средств массовой информации на восприятие человеком реальности, недоступной непосредственному опыту, вместе с последствиями такого посредничества, включающими формирование образа всей социальной действительности, а также даже комплексных социальных переживаний под влиянием медиаконструктов»².

Медиаконструкты являются искусственно создаваемыми СМИ образами, моделями или версиями реальности, которые формируются в информационном медиапространстве, искажая или отражая действительность под влиянием разнообразных факторов (коммерческих, политических) и влияя на восприятие аудитории, превращая реальные события в сенсационные, драматичные или упрощенные *медиасобытия*³.

Ирина Рогозина определяет медиатизацию как «процесс и результат глобального воздействия на мышление индивидов при помощи различных медиа, выражающегося в формировании картины мира посредством специфических медийных когнитивов...»⁴. На манипулятивную суть

¹ T. Goban-Klas, *Media i medioznawstwo*, [w:] *Słownik wiedzy o mediach*, red. E. Chudziński, Wydawnictwo Szkolne PWN, Bielsko-Biała 2007, s. 18.

² *Słownik terminologii medialnej*, red. W. Pisarek, Universitas, Kraków 2006, s. 118, s.v.: *mediatyzacja*.

³ Г. Почепцов, *Медиаконструкты и конспирология*, «Независимая газета», 26.10.2020, https://www.ng.ru/stsenarii/2020-10-26/13_7999_media.html [дата обращения: 8.12.2025].

⁴ И.В. Рогозина, *Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект*, Барнаул 2003, с. 121.

медиатизации обращает также внимание Лидия Землянова. Исходя из близкого по значению термина медиация⁵ Землянова отмечает, что «в коммуникативистике медиация ассоциируется с посреднической ролью массмедиа, которые информационным путем выясняют суть конфликтов, способствуют либо препятствуют их разрешению. Но понятие медиации может трактоваться и как проявление преобразующей функции СМИ, которые в процессе сбора, обработки ('фильтрации') и передачи информационных данных о фактах реальности способны их видоизменять (или исказить), придавая им свои медиатизированные значения (*mediated meanings*), возникающие в ходе фабрикации мнимых образов (событий) реальности. Исследователи, критикующие процессы такого рода для подчеркивания интенсивности их влияния на общественное сознание и бытие, на судьбы культуры, употребляют термин... медиатизация»⁶.

Явление медиатизации оказывает чрезвычайно существенное влияние на формирование взглядов и установок в обществе. Богуслав Сковронек утверждает, что современные культурные практики в значительной степени имеют опосредованный характер. Кроме того, в них отражаются эффекты взаимодействия различных дискурсов. В русле культурологических исследований можно говорить о медийных репрезентациях действительности, а также о своеобразной иллюзии повседневности, генерируемой культурными практиками⁷.

Медиатизация политики

По мнению Дороты Пионтек, медиатизация политики является элементом более широкого процесса медиатизации, относящегося к социальным изменениям в современных обществах и роли медиа и опосредованной коммуникации в данных переменах. Процессы медиатизации оказывают влияние практически на все области общественной и культурной жизни позднего модерна⁸. Политика, подобно другим сферам человеческого бытия,

⁵ Термин *медиация* многозначен. К примеру, Роджер Сильверстоун понимает медиацию как «фундаментальный, но неравномерный диалектический процесс, в котором институционализированные медиакommunikации (пресса, радио и телевидение, и все чаще Интернет), вовлечены в общую циркуляцию символов в социальной жизни» (R. Silverstone, *Media and Morality: On the Rise of the Mediapolis*, Cambridge, Polity Press 2006, p. 166).

⁶ Л.М. Землянова, *Медиатизация культуры и компаративизм в современной коммуникативистике*, «Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика» 2002, № 5, с. 84.

⁷ B. Skowronek, *Mediolingwistyka: wprowadzenie*, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego, Kraków 2013, s. 35.

⁸ D. Pióntek, *Komunikowanie polityczne i kultura popularna. Tabloidyzacja informacji o polityce*, Wydawnictwo Naukowe Wydziału Nauk Politycznych i Dziennikarstwa Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, Poznań 2011, s. 43.

адаптируется к новым средствам массовой коммуникации, которые выступают посредником в политических процессах⁹. Одним из элементов медиатизации может быть феномен инфотейнмента, заключающийся, согласно Эве Новак, в создании журналистских сообщений, лёгких по форме и/или содержанию (ориентированных на развлечение) либо касающихся тривиальных тем, которым автор придаёт серьёзную форму¹⁰. На первый план выдвигается не содержание информации, а её форма, нацелена на привлечение внимания аудитории. Янина Фрас усматривает сущность инфотейнмента в гибридизации высказываний, сводящейся к сочетанию информационной и развлекательной функций. В случае политической тематики в текстах прессы могут сочетаться также функции персуазивная и развлекательная. Обычно серьёзная проблематика при этом получает более свободную, нередко лёгкую форму¹¹. Как отмечает Новак, одним из доминирующих трендов современной журналистики является так называемая *журналистика зрелища* (*spectacle journalism*), предлагающая аудитории политическое шоу¹². Её распространённость обусловлена, прежде всего, давлением коммерческого рынка на редакции, вынуждающим повышать привлекательность контента.

Таблоидизация

Характерной особенностью современной прессы является таблоидизация. Данное явление заметно в различных аспектах и измерениях. На визуальном уровне тексты, вписывающиеся в данный тренд, отличаются выразительным графическим оформлением. Тематика сообщений чаще всего касается проблем обычных людей или неординарных, привлекающих внимание событий. Статьи фокусируются на скандалах с участием известных персон. В медийных сообщениях используется стратегия драматизированного повествования, в рамках которой реальность представляется в упрощённом виде. На языковом уровне преобладают доступные, легко понимаемые конструкции и разговорная лексика¹³. Представленное видение мира однозначно, часто «чёрно-белое», основано на стереотипах и антонимиях. Приводимые

⁹ D. Piontek, O. Annusewicz, *Polityka popularna: celebrytyzacja polityki, politainment, tabloidyizacja*, „Kwartalnik Naukowy OAP UW e-Politikon” 2013, nr 5, s. 6.

¹⁰ E. Nowak, *Komercjalizacja komunikacji politycznej – politainment i infotainment w programach informacyjnych*, „Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio K, Politologia” 2009, nr 2 (16), s. 207–208.

¹¹ J. Fras, *Podstawy identyfikacji i typologii wypowiedzi w mediach masowych*, [w:] *Komunikologia. Teoria i praktyka komunikacji*, red. E. Kulczycki, M. Wendland, Wydawnictwo Naukowe Instytutu Filozofii Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, Poznań 2012, s. 22.

¹² E. Nowak, *Komercjalizacja komunikacji...*, s. 204.

¹³ W. Pisarek, *Wstęp do nauki o komunikowaniu*, Wydawnictwa Akademickie i Profesjonalne, Warszawa 2008, s. 134.

эмоциональные высказывания избыточны гиперболами и образными метафорами, а также содержат большое количество личных местоимений¹⁴.

В феномене таблоидизации проявляется модель повседневной рациональности, в рамках которой события описываются упрощенно, а сообщения легки для восприятия и не требуют от читателя интеллектуальных усилий. В условиях информационного шума, особенно затруднительного для читателей с низкой медиаграмотностью, таблоидизация, с одной стороны, помогает упорядочить мировоззрение реципиента, а с другой – создает иллюзию понимания сложных процессов и явлений. Хотя в большинстве случаев это явление касается тривиальных тем (например, событий поп-культуры, социальных скандалов и т.д.), его элементы можно обнаружить и в сообщениях прессы затрагивающих серьезные вопросы (например, вооруженные конфликты).

В статьях из российских газет, касающихся конфликта в юго-восточной Украине, сильно выраженная оценка описываемых событий отмечается в ярких образных заголовках, что является одной из особенностей таблоидной прессы. Манипулятивные формулировки часто влияют на целостную интерпретацию содержания сообщений. Следует отметить, что в заголовках украинская сторона представляется в однозначно негативном освещении. Заглавия в частности содержат обвинения и оценочные суждения. Данный прием наблюдается в указанном ниже примере.

На Майдане – кровь Одессы. [Павел Дульман, «Российская газета», 4.05.2017]

В приведенном заголовке вина за гибель пророссийских активистов в Одессе имплицитно возлагается на сторонников смены власти на Украине¹⁵. Статья отсылает к событиям 2 мая 2014 года, когда в ходе беспорядков и столкновений между ультраправыми футбольными фанатами (в том числе сторонниками «Правого сектора») и участниками так называемого Антимайдана в здании профсоюзов в Одессе вспыхнул пожар, в результате которого погибло 48 человек¹⁶. Однако причины трагедии гораздо сложнее

¹⁴ B. Skowronek, *Mediolingwistyka...*, s. 179.

¹⁵ Выступающая в прессе лексема *майдан* может относиться к серии протестов на центральной площади Киева (*Майдане Независимости*), к целому процессу политических трансформаций на Украине в 2014 г., охватывающему в частности отстранение от власти президента Виктора Януковича, а также обозначать людей, участников протестного движения в Киеве. Данные лексико-семантические варианты слова *майдан* возникли в результате метонимического переноса названия (В.В. Химик, *Майдан как феномен русской и восточнославянской языковой действительности*, «Политическая лингвистика» 2015, № 3, с. 62). П. Дульман, *На майдане кровь Одессы*, «Российская газета», 4.05.2017.

¹⁶ A. Pawłowska, *2 maja w Odessie zginęło 48 osób*, *Gazeta.pl*, 24.05.2014, <https://wiadomosci.gazeta.pl/wiadomosci/7,114871,16027455,2-maja-w-odessie-zginelo-48-osob-co-naprawde-sie-wydarzylo.html> [дата обращения: 8.12.2025].

и менее очевидны, чем следует из названия статьи. В схожем тоне сформулирован заголовок *В годовщину страшного убийства одесситы пришли к Дому профсоюзов*, в котором, не указывается прямо виновный, однако приводятся обвинения, касающиеся преступного деяния – убийства¹⁷.

В заголовках – как элемент криминалистического нарратива – отмечаются также добровольцы, сражающиеся на стороне Украины. Отдельные случаи преступлений, совершённых в юго-восточной Украине военнослужащими, намеренно акцентируются в информационном пространстве с целью сформировать представление о повсеместности подобных явлений в украинских вооружённых силах¹⁸.

До фронта не доехал. В Польше задержан преступник, воевавший в украинской армии. [Петр Лихоманов, «Российская газета», 1.05.2017]

Несмотря на то, что в статьях затрагиваются политические вопросы, в отдельных текстах отправной точкой для дискредитации конкретного представителя власти и украинских правящих кругов в целом могут становиться сенсации бытового характера (например, аукционы свиданий с заместителем министра)¹⁹.

Дешево и сердито. На Украине продают свидания с заместителями министра на аукционе. [Евгений Шестаков, «Российская газета», 22.06.2017]

Точка зрения знаменитостей

В медиальных сообщениях используется также перспектива лиц, широко узнаваемых в обществе и часто выражающих свои взгляды в средствах массовой коммуникации, – так называемых *селебрити* (преимущественно актёров, певцов, представителей популярной культуры)²⁰. Типичной тема-

¹⁷ П. Лихоманов, *В годовщину страшного убийства одесситы пришли к Дому профсоюзов*, «Российская газета», 4.05.2017.

¹⁸ П. Лихоманов, *До фронта не доехал*, «Российская газета», 1.05.2017.

¹⁹ Е. Шестаков, *Дешево и сердито*, «Российская газета», 22.06.2017.

²⁰ Понятие *селебрити* (англ. *celebrity* – знаменитость) определяется в *Большой российской энциклопедии* как «медиа- и культурный феномен современного общества, воплощающийся в особом символическом статусе, который человек получает вместе с известностью у определённой аудитории» (*Большая российская энциклопедия. Электронная версия*, 2023, ред. Ю.С. Осипов, <https://bigenc.ru/c/celebriti-cc704b/?v=7085400> [дата обращения: 8.12.2025], s.v. *селебрити*). Однако самое распространенное осмысление данного феномена принадлежит Дэниелу Бурстину, который понимал селебрити как «человека, известного своей известностью» (D.J. Boorstin, *The Image: A Guide to Pseudo-Events in America*, Harper Colophon Books, New York 1962, p. 57). В свою очередь социолог Крис Роджек, предложивший формулу «селебрити = влияние на общественное сознание», делает акцент на зависимость медиа и их аудиторий от образов знаменитостей (C. Rojek, *Celebrity*, Reaktion Books, London 2001, p. 10).

тической сферой, в которой акцентируются мнения таких персон, являются вопросы второстепенного характера (скандалы в частной жизни, события из мира моды и т.п.). Однако аналогичные точки зрения представлены и в российской ежедневной прессе в материалах, посвящённых военной проблематике, то есть теме предельно серьёзной. Писатели, поэты или даже певцы, не являющиеся политологами, излагают свои взгляды (как правило, в форме фельетонов) в эмоционально окрашенной манере. Остроумные высказывания, образные метафоры и яркие сравнения, которыми изобилуют такие тексты, призваны сделать материалы более привлекательными для аудитории. Авторы, выступающие в роли медийных персон, нередко используют в публикациях элементы своего идиолекта, что усиливает экспрессивность представляемой точки зрения.

Данный способ репрезентации действительности чрезвычайно характерен для фельетонов, публикуемых в постоянной рубрике *Мнения* в газете «Известия», а также для материалов Александра Коца в «Комсомольской правде». Отличительной чертой таких сообщений являются экзальтированность, оценочность описываемых явлений и обращение к определённым общностям (в данном случае – к россиянам с патриотическими, а иногда и националистическими взглядами, поддерживающим действия властей). Авторы фельетонов нередко представляют позиции существенно более радикальные, чем те выраженные в официальных заявлениях руководства страны. Данный ракурс может интерпретироваться, с одной стороны, как своеобразный «пробный шар» (термин, заимствованный из теории переговоров), направленный читателям с целью выявления реакции общественного мнения; с другой – как противовес «взвешенной» (по сравнению с формулируемыми в текстах идеям) линии действий властей. Примером подобного подхода служит убеждение в оправданности вооружённого вмешательства российской армии на территории юго-восточной Украины (несмотря на то, что согласно официальной позиции президента в данный период Россия не является стороной конфликта), а также представление позиции руководства на мирных переговорах как уступчивой и излишне компромиссной.

Освещение и интерпретация событий известным, узнаваемым в обществе лицом способствует усилению воздействия на читателя. В газете «Комсомольская правда» публиковались тексты писателя Захара Прилепина, который впоследствии стал советником главы ДНР Александра Захарченко (2015–2018 г.), а также командиром батальона сил ДНР (2016–2018 г.)²¹. В его высказываниях (интервью) и фронтовых репортажах демонстрировались откровенно антиукраинские взгляды. Эмоциональная манера представления

²¹ M. Kuhn, *Triumf zranionego ego: Zachar Prilepin o wojnie w Ukrainie (na podstawie zbioru publicystyki „Współrzędne Z”)*, „Przegląd Rusycystyczny” 2025, nr 1 (189), s. 262, <https://doi.org/10.31261/pr.18057>.

собственной позиции и «смелые» суждения усиливали выразительность и привлекательность публикуемых материалов. В интервью от 13 февраля 2017 г. Прилепин прямо обозначил целью войны захват Киева и всей территории Украины²².

Киев – конечная цель [войны – М.П.]. Скрывать не станем. [...] Киев – русский город. Русский украинский город. Наше дело маленькое. Наверху решат. Но я думаю, что таких ошибок, которые были с Януковичем, быть не должно... Вся Украина – цель. Никакой другой цели быть не может. [Александр Коц, Захар Прилепин собрал в ДНР свой батальон, «Комсомольская правда», 13.02.2017]

Псевдособытия

Современная пресса уделяет всё больше внимания так называемым псевдособытиям исходящим от разнообразной группы материалов в значительной мере заимствованным из сети Интернет. К источникам псевдособытий относятся, в частности, публикуемые посты, комментарии, видеоматериалы, мемы, вызывающие определённую реакцию общественного мнения. Изначально понятие *псевдособытие* употреблялось в контексте описания политики в средствах массовой коммуникации (см. Д. Дж. Бурстин, *The Image: A Guide to Pseudo-Events in America*)²³. Термин обозначал содержание, специально конструируемое политиками для журналистов²⁴. Однако феномен конструирования псевдособытий можно рассматривать шире, в том числе в контексте отсылок к материалам опубликованным в новых медиа. Обсуждение содержания публикаций из социальных сетей, размещённых в Интернете видеозаписей или цитирование комментариев с блогов в современной прессе не является явлением изолированным. Подобного типа синтетические сообщения, с одной стороны, относительно просты, доступны и легко воспринимаются, а с другой – обладают привлекательной для читателя формой.

К примеру, в «Российской газете» приводятся публикации пользователей социальных сетей – субъективные, крайне эмоциональные и оценочные

²² А. Коц, *Захар Прилепин собрал в ДНР свой батальон*, «Комсомольская правда», 13.02.2017.

²³ Бурстин ещё в 1960-е годы отметил существенную роль медиа в увеличении эффективности действий политиков. Поддержка определенного деятеля может укрепляться благодаря растущей частотности появления его имени в средствах массовой информации. Данная закономерность вызывает у политиков стремление к постоянному медийному присутствию посредством генерирования материалов, специально подготовленных для журналистов, которые охотно их публикуют. Такие материалы Бурстин определил как *псевдособытия*, возникающие в медиа в связи с растущим спросом на информацию и расширением целевой группы медиасообщений.

²⁴ D.J. Boorstin, *The Image...*, p. 57.

комментарии, которые подаются как фактические сведения. Авторы высказываний, взятых из интернет-порталов, не называются поимённо, но определяются как местные жители.

Вот что написал пользователь artorn после акции протеста в Донецке: «Только вернулся. Сил нет ... На улице перед ОГА (Облгосадминистрация. – Ред.) – около 2000 человек. Внутри – еще 500. Посему, верить информации, что 200 проплаченных Россией сепаратистов захватили администрацию, не стоит. Врут проклятые». [Петр Лихоманов, *Свидетельства ополченцев*, «Российская газета», 8.04.2014]

Использование медиа в политической коммуникации связано с необходимостью адаптации к требованиям медиарынка. Таким образом, политика подвержена процессу медиатизации: средства массовой информации оказывают значительное влияние как на формирование общественного мнения, так и на функционирование политических организаций. Содержания, представляемые в медиа, как правило, ориентированы на вызов сильных впечатлений, а не на глубокое ознакомление читателя с обсуждаемой проблематикой. Подобные информационно мало насыщенные, но нередко сильно эмоционально окрашенные сообщения имеют целью побудить аудиторию к принятию определённых решений, а также к закреплению или изменению существующих убеждений. Средства массовой коммуникации выступают, таким образом, посредником в политических процессах. В российской прессе как главные элементы медиатизации в текстах, касающихся темы конфликта в юго-восточной Украине, были отмечены: таблоидизация сообщений, освещение действительности сквозь призму точки зрения знаменательностей, присутствие псевдособытий в текстах. Соответствующий подбор описываемых событий, их тенденциозное освещение и интерпретации складывались на формирование определенного бинарного образа действительности у читателя.

Литература

- Дульман П., *На майдане кровь Одессы*, «Российская газета», 4.05.2017.
- Землянова Л.М., *Медиатизация культуры и компаративизм в современной коммуникативистике*, «Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика» 2002, № 5, с. 83–97.
- Коц А., *Захар Прилепин собрал в ДНР свой батальон*, «Комсомольская правда», 13.02.2017.
- Лихоманов П., *В годовщину страшного убийства одесситы пришли к Дому профсоюзов*, «Российская газета», 4.05.2017.
- Лихоманов П., *До фронта не доехал*, «Российская газета», 1.05.2017.

- Рогозина И.В., *Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект*, Барнаул 2003.
- Химик В.В., *Майдан как феномен русской и восточно-славянской языковой действительности*, «Политическая лингвистика» 2015, № 3, с. 57–64.
- Шестаков Е., *Дешево и сердито*, «Российская газета», 22.06.2017.
- Boorstin D.J., *The Image: A Guide to Pseudo-Events in America*, Harper Colophon Books, New York 1962.
- Fras J., *Podstawy identyfikacji i typologii wypowiedzi w mediach masowych*, [w:] *Komunikologia. Teoria i praktyka komunikacji*, red. E. Kulczycki, M. Wendland, Wydawnictwo Naukowe Instytutu Filozofii Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, Poznań 2012, s. 13–29.
- Goban-Klas T., *Media i medioznawstwo*, [w:] *Słownik wiedzy o mediach*, red. E. Chudziński, Wydawnictwo Szkolne PWN, Bielsko-Biała 2007.
- Kuhn M., *Triumf zranionego ego: Zachar Prilepin o wojnie w Ukrainie (na podstawie zbioru publicystyki „Współrzędne Z”)*, „Przegląd Rusycystyczny” 2025, nr 1 (189), s. 254–278, <https://doi.org/10.31261/pr.18057>.
- Nowak E., *Komercjalizacja komunikacji politycznej – politainment i infotainment w programach informacyjnych*, „Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio K, Politologia” 2009, nr 2 (16), s. 201–213.
- Piontek D., Annusewicz O., *Polityka popularna: celebrytyzacja polityki, politainment, tabloidyżacja*, „Kwartalnik Naukowy OAP UW e-Politikon” 2013, nr 5, s. 6–28.
- Piontek D., *Komunikowanie polityczne i kultura popularna. Tabloidyżacja informacji o polityce*, Wydawnictwo Naukowe Wydziału Nauk Politycznych i Dziennikarstwa Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, Poznań 2011.
- Pisarek W., *Wstęp do nauki o komunikowaniu*, Wydawnictwa Akademickie i Profesjonalne, Warszawa 2008.
- Rojek C., *Celebrity*, Reaktion Books, London 2001.
- Silverstone R., *Media and Morality: On the Rise of the Mediapolis*, Cambridge, Polity Press 2006.
- Skowronek B., *Mediolingwistyka: wprowadzenie*, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego, Kraków 2013.
- Słownik terminologii medialnej*, red. W. Pisarek, Universitas, Kraków 2006.

Интернет-источники

- Большая российская энциклопедия. Электронная версия*, 2023, ред. Ю.С. Осипов, <https://bigenc.ru/c/selebriiti-cc704b/?v=7085400> [дата обращения: 8.12.2025].
- Почепцов Г.Г., *Медиаконструкты и конспирология*, «Независимая газета», 26.10.2020, https://www.ng.ru/stsenarii/2020-10-26/13_7999_media.html [дата обращения: 8.12.2025].
- Pawłowska A., *2 maja w Odessie zginęło 48 osób*, Gazeta.pl, 24.05.2014, <https://wiadomosci.gazeta.pl/wiadomosci/7,114871,16027455,2-maja-w-odessie-zginelo-48-osob-co-naprawde-sie-wydarzylo.html> [дата обращения: 8.12.2025].

Резюме

В статье рассматривается феномен медиатизации, наблюдаемый в российской прессе, в сообщениях посвященных конфликту в юго-восточной Украине (2014–2021 гг.). Материал для анализа составляют тексты, опубликованные в российских газетах «Российская газета», «Известия», «Комсомольская правда». В рамках исследования как главные проявления медиатизации в статьях, касающихся данной темы, были отмечены: таблоидизация сообщений, освещение действительности сквозь призму точки зрения знаменательностей, присутствие псевдособытий в текстах. Медиатизация в проанализированном материале служила эмоционализации сообщений и формированию у читателей образа событий, вписывающегося в нарратив Кремля.

Ключевые слова: конфликт на Украине, российская пресса, дискурс прессы, медиатизация, таблоидизация, СМИ

Mediatization of the Conflict in Ukraine in the Russian Press

Abstract

The article examines the phenomenon of mediatization observed in the Russian press in news reports devoted to the conflict in Ukraine (2014–2021). The material for analysis consists of texts published in the Russian newspapers *Rossiyskaya Gazeta*, *Izvestia*, and *Komsomolskaya Pravda*. Within the framework of the study, the principal manifestations of mediatization in the articles concerning this topic were identified as follows: the tabloidization of news reports, the representation of reality through the celebrities' perspectives, and the presence of pseudo-events in the texts. In the analyzed material, mediatization was served to emotionalize the messages and to construct for readers an image of events that fits into the Kremlin's narrative.

Keywords: conflict in south-eastern Ukraine, Russian press, press discourse, mediatization, tabloidization, media

Igor Kaziuczyc

mgr, Szkoła Doktorska, Uniwersytet Szczeciński

<https://orcid.org/0000-0003-3099-3026>

igor.kaziuczyc@phd.usz.edu.pl

Московский и петербургский говор в лексико-семантическом аспекте

Введение

Есть два существенные и незблемые признака, по которым вы тотчас же отличите настоящего русского от петербургского русского. Первый признак состоит в том, что все петербургские русские, все без исключения, никогда не говорят: «Петербургские ведомости», а всегда говорят: «Академические ведомости».

Второй, одинаково существенный, признак состоит в том, что петербургский русский никогда не употребляет слово «завтрак», а всегда говорит: «фрыштик», особенно напирая на звук «фры».

Ф.М. Достоевский, *Скверный анекдот* (1862)

Языковая ситуация в современной России характеризуется высокой степенью лингвистической унификации. В частности, речевой узус жителей Москвы и Владивостока – несмотря на географическую дистанцию, превышающую восемь тысяч километров, – демонстрирует практически полную идентичность лексико-грамматических и фонетических структур, но в то же время речь двух столиц, расположенных на расстоянии чуть больше шестисот километров, неподготовленного обывателя немного удивит: «Парень в кенгурухе, прогуляйся-ка до пухто. Нечего свои хабарики около парадной разбрасывать!» Услышав такую фразу, носитель литературного русского

языка, приехавший в Санкт-Петербург в первый раз, поймёт в ней разве только слова «парень», «разбрасывать» и «свои», а смысл предложения окажется для него непонятен. В переводе с петербургского говора на московский (общепонятный) это всего лишь означает просьбу к молодому человеку в балахоне выбросить окурок в контейнер и не мусорить около подъезда.

В данной работе мы рассмотрим основные различия московского и петербургского говора в лексико-семантическом аспекте.

Достижению данной цели подчинено решение следующих задач:

- проследить историю возникновения различий в говоре москвичей и петербуржцев;
- охарактеризовать основные орфоэпические, лексические и интонационные расхождения в речи жителей двух столичных городов России.

Объектом исследования явилась литературная речь москвичей и петербуржцев конца XIX середины XX веков.

Материалом для лингвистического анализа послужили: научные труды, посвященные описанию московского и петербургского говора, описания произносительных явлений, стихотворные тексты XIX – начала XX века, записи звучащей речи жителей Москвы и Санкт-Петербурга и личные наблюдения автора исследования.

Исследование материалов проводилось главным образом методом аудиторского анализа автором исследования.

Анализ материала

Интерес к изучению диалектов русского языка появился в XVIII веке. М.В. Ломоносов в *Российской грамматике* писал: «Российской языкъ <главно> можно раздѣлить на три діалекта: 1) московской, 2) поморской, 3) малороссийской», из которых главным считал *Московское наречие*: «Московское наречие не токмо для важности столичного города, но и для своей отменной красоты прочим справедливо предпочитается, а особливо выговор буквы о без ударения, как а, много приятнее...»¹. С начала XIX века в России развёртывается работа по собиранию диалектных материалов, которые публикуются в *Трудах Общества любителей российской словесности*. В 1852 году благодаря усилиям А.Х. Востокова и И.И. Срезневского выходит *Опыт областного великорусского словаря*, а в 1858 году – *Дополнение к Опыту областного великорусского словаря*. В.И. Даль в 1852 году в статье *О наречиях русского языка*, написанной по поводу *Опыта*, дал сжатый очерк наречий великорусского языка. Большую роль в развитии русской диалектологии

¹ М.В. Ломоносов, *Российская грамматика*, Типография Императорской Академии Наук, Санкт-Петербург 1755, <http://runivers.ru/uploa> [дата обращения: 18.10.2025].

сыграл *Толковый словарь живого великорусского языка* В.И. Даля, в который он включил многие диалектные слова².

Конец XIX – начало XX вв. в области диалектологии ознаменовались крупными работами А. И. Соболевского и А. А. Шахматова. Соболевский собрал и систематизировал все достижения русской диалектологии того времени и создал *Опыт русской диалектологии* (1897). Шахматов составил программу для собирания сведений по русским говорам и широко использовал данные диалектологии для объяснения различных исторических процессов в развитии русского языка³.

После Октябрьской революции 1917 года интенсивное развитие диалектологии прекратилось. С середины 1930-х годов в научной и политической среде возникли идеи интернационализации и объединения национальных культур и языков для создания одного социалистического континуума, «где нет ни Эллина, ни Иудея» (Кол. 3:11), а будет единый «Homo sovieticus». Только со второй половины 40-х годов развернулась работа по сбору диалектного материала для составления диалектологического атласа русского языка. С 1957 по 1970 год составлены пять региональных атласов, на основе которых был создан сводный диалектологический атлас русского языка.

Различия в речи москвичей и петербуржцев

До сих пор точно не известны причины возникновения различий в говорах столиц. Основной причиной лингвисты обычно считают особенности истории становления двух столичных городов России. К процессу возведения Санкт-Петербурга царём Петром I было привлечено большое количество специалистов в различных областях техники и науки из разных областей России и из-за границы, из которых позже и сформировался слой столичной интеллигенции. Для быстрого карьерного роста в новой столице столичная элита была заинтересована не только в изучении иностранных языков, но и в первую очередь в овладении грамотной русской речью Российского государства. Но сразу же приходилось сталкиваться с проблемой: какое наречие из окружающих (которыми пользовались строители новой столицы) является наиболее близким и правильным, какой говор воспроизводит именно общерусскую языковую норму? Возможно, именно поиски этой общей языковой нормы и породили со временем различия, в результате которых горожане смешивали разные говоры окружающего их люда. Также одной из причин можно указать тяготение нового столичного класса

² Р.И. Аванесов, *Очерки русской диалектологии*, Министерство просвещения РСФСР, Москва 1949, с. 76.

³ См. там же, с. 82.

к литературно-канцелярской форме языка. Новое поколение чиновников столицы (часто иностранцев), не освоившие в должной мере русский язык, включали в его состав слова из своего родного языка, перемешивая их с словами русского языка. Поэт Николай Некрасов (1821–1877) в *Московском стихотворении* (1859) так описал подобную ситуацию:

...Столица новая возникла при Петре.
Возникнув с помощью чухонского народа
Из топей и болот в каких-нибудь два года,
Она до наших дней с Россией не срослась:
В употреблении там гнусный рижский квас,
С немецким языком там перемешан русский,
И над обоими господствует французский,
А речи истинно народный оборот
Там редок столько же, как честный патриот!

Московский говор (*московский акцент, (старо)московское произношение*) – способ произношения, характерный жителям Москвы и близлежащих к ней регионов. «Старомосковское произношение» выработалось в конце XIX – начале XX веков и на данный момент отмечается лишь у небольшого числа пожилых людей, а также поддерживается театральной традицией. Для московского произношения характерно аканье – реализация фонемы «а» в первом предударном слоге в звуке среднего ряда /e/: *М[л]ско́вое пр[ъ]изн[л]ше́ние х[ъ]р[л]шо́ для М[л]сквы́*. Аканье отражено, в частности, в известной дразнилке «С *М[л]сквы, с п[л]сада, с [л]в[л]инов[л] ряда*», включённой В.И. Далем в *Толковый словарь живого великорусского языка*. По мнению Л.В. Успенского, когда центр русской языковой культуры оказался в Москве, московское «акающее» произношение стало общепринятым⁴.

Присутствовавшее изначально эканье отошло на задний план на рубеже XIX—XX веков и было заменено характерным для московского просторечия того времени иканьем. Теперь стандартом московского и общероссийского литературного произношения является иканье (в безударных слогах после мягких согласных гласные «и» и «е» не различаются, произносятся как /i/), например: *в[и³]сна* «весна», *брянские л[и³]са* «брянские леса». Возвратный постфикс *-сь, -ся* согласно нормам старомосковского говора, произносился вопреки орфографии твёрдо, что позволило, например, Марине Цветаевой рифмовать слова «вкус» и «боюсь» в стихотворении *Любови старинные туманы* (1917):

Смывает лучшие румяна
Любовь. Попробуйте на вкус,

⁴ Л.В. Успенский, *Слово о словах*, Лениздат, Ленинград 1967, с. 102

Как слёзы солони. Боюсь,
Я завтра утром – мёртвой встану...

Подобные примеры, также встретим и в советской кинематографии. Так, в фильме «Бриллиантовая рука» (реж. Л. Гайдар, 1969) главный герой Семён Семёнович Горбунков говорит: «Я не трус, но я боюсь»⁵.

Орфоэпические особенности **говора петербуржцев** кроются в несколько разном произношении некоторых слов. В основном, во многих регионах России используют старомосковское произношение, тогда как петербуржцы – собственное, отличное от всех. Например, петербуржцы произносят чётко звук «ч» и звуко сочетание «сч» в словах: *було[тѣ]ная; яи[тѣ]ница; коне[тѣ]но; наро[тѣ]о; ску[тѣ]о; скворе[тѣ]ик; деви[тѣ]ик; ч[тѣ]то и тп.* В Москве звук «ч» и звуко сочетание «сч» произносится как /ɕ:/ (/ʍ' /): *ра[ɕ]ёска* «расческа» или [ɕ]ёт «счёт», а сочетания букв «чн», «чт» часто произносились как звуки /ʂn/ (/ʍn/) и /ʂt/ (/ʍt/): *було[ʂn]ая; коне[ʂn]о; наро[ʂn]о; деви[ʂn]ик; скворе[ʂn]ик; [ʂt]мб*⁶.

Петербургской речи характерен также более твёрдый звук «ж» в словах вожжи, дрожжи, дождь, вместо старомосковского «тетрального» – /z:/ (/ʒ' /) – *во[ʒ:z:]и, дро[ʒ:z:]и, до[ʒ:z:]*. В Петербурге услышим чёткий твёрдый «р» в словах: *первый, четверг, верх* вместо старомосковского мягкого /rʲ/ (/p' /): *пé[p']вый, че[т'вѣ p' x], ве[p' xь]*⁷.

В Москве ещё в 1960-е годы считалось хорошим тоном произносить «-кий» в прилагательных мужского рода и соответствующих фамилиях как заударное «-кой» – *чутк[ъ]й, ленинградск[ъ]й, интеллигэнтск[ъ]й, Мусоргск[ъ]й*; кроме того, опускалась мягкость, причём не только в тех случаях, когда её быть действительно не должно (а ближе к югу страны есть – *сосѣ[сь]ки*), но и в некоторых остальных: *застрелил[сь] (застрелился); ошибáл[сь] (ошибался); напѣю[с] (напѣюсь), поднимáйте[с]; небóйте[с], вóсе[м], се[м]*. Сходные моменты можно отметить и в Петербурге – например, звук «щ» в речи старых коренных петербуржцев произносится как «щч»: *[щч]ербáтый, [щч]у́ка, о[щч]у[щч]ѣние*. Жителей Петербурга часто можно узнать и по редуцированным предударным гласным. Если москвичи в слове «сестра» произносят нечто среднее между [еи], и [ие], у жителей Санкт-Петербурга там слышится «и» «с[и]стра». В безударных слогах «е» заменялось на долгое [и]: *н[и]с[ъ], б[и]р[ъ]*. Пограничным, регионально-социальным, случаем является произношение «э». Традиционное предназначение этой буквы и соответствующего звука – это использование в заимствованных

⁵ О.В. Антонова, *Система старомосковского произношения и её рефлексy в современной звучащей речи*, Институт русского языка им. В.В. Виноградова, Москва 2008, с. 27.

⁶ См. там же, с. 10.

⁷ См. там же, с. 12.

словах, особенно среди недавних заимствований, ещё не вполне усвоенных русским языком. Это приводит к тому, что написание и произношение через «э» обычно выглядят более иностранными – и, как следствие, статусными, столичными. Так Лев Успенский писал:

Строгое соблюдение резкой разницы между звуком «е» и звуком «э» в дореволюционные времена считалось признаком образованности, хорошего воспитания, культурного лоска, «Электричество» вместо «электричество», «экзамен», «экипаж» произносили простолюдины. Это забавно отразилось в творчестве одного из поэтов того времени, Игоря Северянина: в погоне за «светским тоном» своих стихов он простодушно нанизывал слова, содержащие «э» («Элегантная коляска в электрическом биении эластично шелестела...») или даже заменял букву «е» буквой «э» «просто для шика»: «Шоффэр, на Острова!» Это было понятно: Северянин боялся простонародности. Более странно, что сейчас многие у нас, неведь почему, допускают такую же «элегантность» в произношении. Не редко слышишь, как молодые люди выговаривают «рэльсы» вместо правильного «рельсы», «пионэр» вместо «пионер» и даже «шинэль» вместо «шинель». Вот уж это напрасно!⁸

Московская орфоэпическая норма предполагала, что безударные окончания глаголов **-ат** и **-ят** должны вместо /-эт/ (петербургская норма) произноситься как /-ут/, например, формы глаголов «дышат», «душат», «гонят», «любят», «пилят» звучат как *дыш[ут]*, *душ[ут]*, *гон[ю]*, *люб[ют]*, *пил[ют]*. Перечисленные выше орфоэпические особенности характеризуют московский и петербургский выговор. Кроме того, в Петербурге в отличие от Москвы и всей России имеется свой уникальный петербургский лексикон.

Наиболее известные примеры лексических различий в речи жителей двух российских столиц (Москва/Санкт-Петербург) представлены в следующей таблице.

Таблица 1. Различия в лексиконе Москвы и Петербурга⁹

Говорят москвичи	Говорят петербуржцы	Значение слова, понятия. Примечания
Город, дома		
Петербургский, петербуржка	Петербуржский, петербурженка	<i>Относящийся к Петербургу, живущий там.</i>
Финн, финны	Чухонец, чухня	<i>Дореволюционное название финнов и эстонцев, населявших окрестности Петербурга.</i>
Финляндский вокзал, Московский вокзал	Финбан, Мосбан	<i>Образовано от нем. Bahnhof.</i>

⁸ Л.В. Успенский, *Слово о словах*, Лениздат, Ленинград 1962, с. 99.

⁹ При составлении данной таблицы, автором в основном был использован электронный словарь: *Языки русских городов*, ред. В.И. Беликов, В.П. Селегей <http://community.lingvo.ru/goroda/dictionary.asp> [дата обращения: 18.10.2025].

Говорят москвичи	Говорят петербуржцы	Значение слова, понятия. Примечания
Подъезд	Парадная	<i>Общий вход с улицы в многоквартирный дом.</i>
Чёрный ход	Чёрная лестница	<i>Непарадный вход в дом, квартиру</i>
Башня	Точка, точечный дом	<i>Многоэтажный жилой дом.</i>
Контейнер, бак	(иногда) Пухто	<i>Уличный мусорный бак, сокр. от «пункт утилизации и хранения твёрдых отходов».</i>
Парк (в т. ч. зоопарк)	Сад (в т. ч. зоосад)	<i>Городской парк, сквер (в Москве «сад» только в составе топонимов: Александровский сад)</i>
Дороги, городской транспорт		
Бордюр	Поребрик	<i>Ступенька, отделяющая проезжую часть от тротуара.</i>
Тротуар	Панель	<i>Пешеходная дорожка по краям улицы.</i>
Эстакада	Виадук	<i>Надземный путепровод.</i>
Депо	Парк	<i>Место обслуживания и ремонта подвижного состава.</i>
Третий, седьмой [маршрут]	(чаще) Тройка, семёрка	<i>О городском наземном пассажирском транспорте.</i>
Маршрутка	Тэшка, микрик	<i>Маршрутное такси (рядом с номером написана буква «т» – такси).</i>
Конечная, круг	Кольцо, петля	<i>Конечная остановка наземного маршрутного транспорта с поворотным кругом для следования в обратном направлении.</i>
Проездной	Карточка	<i>Абонементный билет для проезда в общественном транспорте.</i>
Загородные реалии		
Сезонка	Проездной	<i>Абонементный билет для проезда в пригородных поездах.</i>
Свекла	Свёкла	<i>Корнеплод.</i>
Участок	Садоводство	<i>Индивидуальный надел в садово-огородном товариществе, дача.</i>
База	Точка	<i>Опорный пункт, пункт сбора объединённой совместной деятельностью группы людей.</i>
Автомобиль		
Занос	Вынос	<i>Отклонение задней части транспортного средства при повороте.</i>
Такси	Мотор	<i>Таксомотор (уст.).</i>
Каблук	Пирожок	<i>Автомобиль ИЖ-2715 (жарг.)</i>
Подкрылки	Локеры	<i>Защитные кожухи колёсных арок автомобиля. От англ. tolock – закрыть.</i>
Сидушка	Пендаль, пендель	<i>Мягкая подкладка для сидения автомобиля.</i>
Сход-развал	Развал-схождение	<i>Услуга автосервиса по корректировке углов установки колёс автомобиля.</i>
Шинномонтаж	Ремонт колёс	<i>Услуги автосервиса по замене камер и покрышек колёс автомобиля.</i>

Говорят москвичи	Говорят петербуржцы	Значение слова, понятия. Примечания
Торговля		
Палатка, киоск	Ларёк (<i>встречаются и надписи «Ларь от магазина №»</i>), киоск	<i>Небольшой продовольственный магазин.</i>
Пакет	Мешок, мешочек, кулёк	<i>Одноразовая полиэтиленовая сумка.</i>
Крайний	Последний	<i>В очереди.</i>
Учёт	Переучёт	<i>Инвентаризация в магазине, на время которой он закрывается.</i>
В (на) разлив	В (на) розлив	<i>Торговля пищевыми жидкостями без предварительной расфасовки.</i>
Пункт	Центр	<i>Место, где оказываются услуги по ремонту, приёму, обмену, заправке, доставке и тд.</i>
Пища		
Батон	Булка	<i>Буханка несдобного белого хлеба.</i>
Чёрный хлеб	Хлеб	<i>Буханка чёрного хлеба.</i>
Пончик	Пышка	<i>Обжаренное в кипящем масле сдобное изделие.</i>
Баранки	Бублики	<i>Хлебобулочное изделие в форме кольца.</i>
Хлебобулочные изделия	Хлеб-булка (<i>только ед. ч.</i>)	<i>Любое хлебобулочное изделие.</i>
Шаурма	Шаверма	<i>Блюдо из мяса, обжаренного на вертеле и завернутого в лаваш или питу.</i>
Вафельный рожок	Сахарная трубочка	<i>Вафельный конус, заполненный мороженым.</i>
Безе	Меренга (<i>мн. ч. – меренги</i>)	<i>Меренга от фр. meringue. Безе от нем. Baiser.</i>
Курица	Кура	<i>Тушка самки домашней птицы и готовое блюдо из неё.</i>
Солёная рыба	Рыба слабой соли	<i>«Слабая соль» употребляется только в ед. ч.</i>
Гречка	Греча	<i>Гречневая крупа.</i>
Подмокнуть, намокнуть	Подплыть	<i>Пропитаться влагой.</i>
Батон	Палка	<i>Единица измерения колбасных изделий.</i>
Бúтер	Бúтик	<i>Бутерброд (жарг.).</i>
Квартира, предметы		
Утятница, гусятница	Латка	<i>Род продолговатой толстостенной миски для тушения.</i>
Половник	Поварёшка	<i>Черпак для разливания супа по тарелкам.</i>
Колонка	Пенал	<i>Высокий кухонный шкаф от пола.</i>
Колонка	Водогрей	<i>Стационарное водонагревательное устройство.</i>
Сушилка, сушка	Посудница	<i>Кухонная секция с решёткой для сушки посуды.</i>
Щёлка	(чаще) Щёлка	<i>Небольшая щель.</i>
Пульт	(иногда) Лентяйка, ленивчик	<i>Устройство для дистанционного управления домашней электроникой.</i>

Говорят москвичи	Говорят петербуржцы	Значение слова, понятия. Примечания
Личинка	Секретка	<i>Часть замка.</i>
Мобила, мобильный	Труба, трубка, сотовый	<i>Мобильный телефон.</i>
Кредитка	Карточка, карта	<i>Банковская карта.</i>
Штука	Тонна	<i>Тысяча дензнаков (жарг.).</i>
Плойка	Завивалка	<i>Электрические щипцы для завивки волос.</i>
Бычок, (уст.) чинарик	Хабарик, хабец	<i>Окурок.</i>
Одежда, обувь		
Водолазка	Бадлон, бодлон	<i>Трикотажный облегающий свитер с высоким воротом (искаж. Van-Lon, торговая марка производителя трикотажа).</i>
Балахон	Кенгуруха	<i>Толстовка с капюшоном и карманами (жарг.).</i>
Телогрейка	Ватник, фуфайка, (редко) потник, фофан	<i>Верхняя зимняя стёганая одежда на вате.</i>
Фартук	Передник	<i>Предмет одежды для приготовления пищи.</i>
Изнанка	Левая сторона	<i>Изнаночная сторона одежды.</i>
Молния	Змейка	<i>Вид застёжки.</i>
Профилактика	Накат	<i>Дополнительная подошва на обувь (жарг.).</i>
Пуанты	(иногда) Колкй	<i>Специальная обувь в балете.</i>
Дети, образование, соцкультбыт		
Салочки, салки	Пятнашки	<i>Детская игра в догонялки.</i>
Прыгалки, прыгалка	Скакалка	<i>Шнур, через который прыгают, вертя и перекидывая его через себя.</i>
«Турецкий барабан»	«Пустая шоколадина»	<i>Детская дразнилка: «Жади́на-говя́дина, солёный огурец, на полу валяется, никто его не ест». Третий вариант – «солёный огурец» распространен на всей территории России.</i>
Мысок	Носок	<i>Область пальцев ноги.</i>
Ластик	Резинка, стёрка, стиралка	<i>Кусочек резины для стирания написанного.</i>
Ряд	Колонка	<i>Парты, стоящие одна за другой в школьном классе.</i>
Талон, талончик	Номерок	<i>Контрольный листок для посещения врача в поликлинике.</i>
Уголовно-милиейское		
Висяк (только в 1 знач.)	Глухарь	<i>1. Преступление с небольшими шансами на раскрытие (жарг.). 2. Безнадёжное, лишенное перспектив дело.</i>
Шпана	Гопники, гопакки (жарг.)	<i>Группа уличных хулиганов.</i>
Жулик	Мазурик	<i>Бранное, просторечное – вор, мошенник.</i>
Бобик	Кубик, козёл, (реже) козлик	<i>Милиейский уязик (VA3-469) (жарг.).</i>
Обезьянник	Акварнум	<i>Помещение для задержанных в отделении милиции (жарг.).</i>

Заключение

Анализ лексико-семантических особенностей речи москвичей и петербуржцев демонстрирует, что различия между ними выходят за рамки чисто языковых характеристик и отражают исторические и культурные традиции, коммуникативные нормы и особенности городской идентичности. Московский и петербургский варианты представляют собой два взаимодополняющих типа городской русской речи.

Проведённый анализ показал, что различия между московским и петербургским городскими говорами, традиционно фиксируемые на лексико-семантическом и частично фонетическом уровнях, сохраняются, однако их выраженность постепенно уменьшается. На современном этапе развития языка наблюдаются устойчивые процессы унификации, обусловленные высокой мобильностью населения, ростом межрегиональных контактов, цифровизацией коммуникации и доминированием общенациональных норм медиального языка. Под влиянием этих факторов региональные особенности утрачивают прежнюю системность и всё чаще выступают как стилистически маркированные, ситуативные или индивидуальные проявления.

Особенно показательно, что молодые поколения носителей демонстрируют менее выраженную приверженность локальным языковым моделям, что подтверждает снижение функциональной значимости традиционных городских вариантов. Это свидетельствует о формировании более однородного типа городской русской речи, в котором региональные черты сохраняются скорее на уровне символической идентичности, чем в повседневном языковом употреблении.

Таким образом, выявленные тенденции позволяют говорить о постепенном размывании границ между московским и петербургским вариантами, что открывает перспективы для дальнейших исследований, направленных на изучение динамики региональных особенностей языка в условиях культурной и коммуникативной глобализации.

Литература

- Аванесов Р.И., *Очерки русской диалектологии*, Министерство просвещения РСФСР, Москва 1949.
- Антонова О.В., *Система старомосковского произношения и её рефлекс в современной звучащей речи*, Институт русского языка им. В.В. Виноградова, Москва 2008.
- Даль В.И., *Толковый словарь живого великорусского языка: избранные статьи*, Издательство ОЛМА, Москва 2009.
- Успенский Л.В., *Слово о словах*, Лениздат, Ленинград 1962.
- Шахматов А.А., *История русского летописания*, Типография М.А. Александрова, Санкт-Петербург 1908.

Интернет-источники

Ломоносов М.В., *Российская грамматика*, Типография Императорской Академии Наук. Санкт-Петербург 1755, <http://runivers.ru/uploa> [дата обращения: 18.10.2025].

Беликов В.И., Селегей В.П., *Языки русских городов*, <http://community.lingvo.ru/goroda/dictionary.asp> [дата обращения: 18.10.2025].

Резюме

В статье рассмотрены различия в речи москвичей и петербуржцев в лексико-семантическом аспекте. Существует ряд орфоэпических, лексических и интонационных расхождений в речи жителей двух столиц. Оба варианта являются понятными для носителя русского литературного языка. Не все языковеды считают верным называть совокупности особенностей речи жителей Москвы и Санкт-Петербурга говорами. Они отмечают, что для такого однозначного выделения не так много оснований, разница с общерусской языковой нормой в настоящее время у них невелика и во многом ситуативная.

Ключевые слова: язык, языковая норма, диалектология, субдиалект, Москва, Санкт-Петербург

Differences in the Speech of Muscovites and Petersburgers in the Lexical-Semantic Aspect

Abstract

In this paper we will consider the main differences between Moscow and St. Petersburg pronunciation in orthoepic and lexical-semantic aspects. Both options are understandable to a native speaker of the Russian literary language. Not all linguists believe it is correct to call the sets of features of the speech of residents of Moscow and Saint Petersburg subdialects. They note that there are not many grounds for such an unambiguous distinction; the difference with the general Russian language norm is currently small and largely situational.

Keywords: language, linguistic norm, dialectology, subdialect, Moscow, Saint Petersburg

Екатерина Климович / Ekaterina Klimovich
doktorantka, Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie
<https://orcid.org/0009-0003-5761-2841>
ekaterinak197@gmail.com

Языковой облик современных социальных медиа (на примере Рунета)

Введение

За последние три десятилетия человечество совершило колоссальный технологический скачок, повсеместно внедрив компьютерные технологии. Массовое распространение персональных компьютеров, смартфонов и глобальное распространение Интернета породили новый вид взаимодействия между людьми, который уже на рубеже XX–XXI веков продемонстрировал явные преимущества по сравнению с традиционными способами личного общения. Так, сетевая коммуникация дала возможность общаться в режиме реального времени людям, находящимся на расстоянии десятков тысяч километров друг от друга. Протоколы онлайн-связи позволили пользователям создавать свою новую цифровую идентичность и реализовывать коммуникативные и социальные потребности. Неудивительно, что с конца XX века число пользователей Интернета каждое десятилетие возрастало в геометрической прогрессии и в настоящее время насчитывает свыше половины населения планеты¹.

Зарождение социальных сетей во второй половине 1990-х годов, развитие их инфраструктуры в 2000-х годах, обретение ими характеристик полифункциональных социальных медиа в 2010-х годах – все это способствовало

¹ Р. Щербаков, *Риски цифровизации: систематизация научного поля*, «Социологический журнал» 2025, т. 31, № 1, с. 82.

формированию глобальной коммуникационной среды со своей особой культурой и специфическим языком. Язык социальных медиа (или, как его еще называют, язык сетевой коммуникации) явился результатом стихийного преобразования как литературного языка, так и языка повседневного общения, в процессе стремительного освоения новых сфер своего функционирования.

В контексте данного исследования под сетевой коммуникацией понимается

опосредованное компьютером общение двух или более лиц, которое характеризуется невидимостью коммуникантов, письменной формой посылаемых сообщений, возможностью незамедлительной обратной связи, а также взаимным обменом и правом доступа к информации, хранящейся в компьютерах коммуникантов².

Сетевое общение является неотъемлемой частью современного общества.

В рамках данной статьи предполагается рассмотреть характерные особенности языка сетевого общения в Рунете, под которым понимается совокупность онлайн-ресурсов, сетевых сервисов и коммуникаций русскоязычного сегмента Интернета. Отличительными характеристиками Рунета являются его языковая доминанта (преобладание русского языка в контенте и интерфейсе), культурная специфика (отражение преимущественно социальных, политических и экономических реалий Российской Федерации и стран-членов Содружества Независимых Государств, в которых русский является языком межнационального общения) и техническая структура (частичная независимость от международной инфраструктуры, например, национальные домены *.ru*, *.pf* и российские узлы интернет-трафика)³.

Различные аспекты становления и развития Рунета, в том числе и его языковых моделей, рассматривались в научных трудах таких авторов, как Ирина Богдановская, Виктория Взятыешева, Илария Витулано и Юрген Пфеффер, Виктория Казяба, Андреа Калдераро, Евгений Крестинин и Юрий Чернышов, Тимур Кучников, Вячеслав Нестеров, Олег Смирнов, Сергей Степанов и Екатерина Иванова, Роман Щербаков, Даниэль Маттер и Елизавета Кузнецова, Александр Экслер⁴, и другие. Хотя в данных научных трудах

² И. Богдановская, *Медиа-коммуникация*, «Univsum: Вестник Герценовского университета» 2011, № 3–4, с. 81.

³ S. Kumar, *Digital Borders: Russia's Approach to RuNet Regulation*, "EDPACS" 2024, vol. 53, no. 1, p. 3.

⁴ См. И. Богдановская, *Медиа-коммуникация...*, с. 78–85; В. Казяба, *Самоминации с функцией антропонима в Рунете*, «Научный диалог» 2022, т. 11, № 7, с. 212–230; Е. Крестинина, Ю. Чернышов, *Использование интернет-блогов и «социальных сетей» в российской публичной политике*, «Известия Алтайского государственного университета» 2008, № 3–4, с. 288–296; Т. Кучников, *Общение в Интернет*, Альянс-Пресс, Москва

содержались ценные наблюдения за процессами формирования нового стиля русского языка в Сети, приоритетное внимание в них уделялось политической составляющей Рунета, в то время как в данном исследовании основной интерес будет уделен в первую очередь психолингвистическим аспектам языка сетевого общения в Рунете, что обуславливает его актуальность.

Таким образом, целью данного исследования является выявление и описание ключевых лингвистических особенностей языка сетевой коммуникации в русскоязычном сегменте Интернета (Рунете).

Объектом исследования служат наиболее популярные русскоязычные социальные сети VKontakte.ru (по данным авторитетной исследовательской компании Mediascope, в начале 2025 года аудитория ресурса достигала 92 миллионов пользователей в месяц и 60 миллионов пользователей в день) и Odnoklassniki.ru (45 миллионов пользователей в месяц и 36 миллионов уникальных посетителей в день)⁵, а также тексты в данных социальных сетях.

Эмпирическую базу исследования составил корпус текстов, отобранных из русскоязычного сегмента социальных сетей «ВКонтакте» (VK) и «Одноклассники» (OK). Общий объем проанализированного материала составил 400 публикаций (по 200 постов из каждой социальной сети), датированных периодом с августа по сентябрь 2025 года. Это позволило зафиксировать актуальное состояние языка и минимизировать влияние устаревших трендов. Выбор данных платформ обусловлен различием их целевых аудиторий, что позволяет проследить вариативность языковых особенностей в разных социально-возрастных группах.

Материал был собран методом целевой выборки из публичных сообщений информационной и развлекательной направленности.

Процедура анализа материала включала несколько этапов:

1. Сбор и первичная фильтрация – сбор публикаций и удаление спама, рекламных объявлений и дубликатов.
2. Классификация – распределение отобранных единиц по тематическим группам и типам лингвистических особенностей (например, использование сленга, сокращений, эмодзи).
3. Лингвистическое описание – анализ и описание наиболее репрезентативных примеров, иллюстрирующих выявленные особенности языка социальных медиа.

2004, 128 с.; О. Смирнов, *Искусство общения в Интернет*, Диалектика, Москва 2006, 240 с.; С. Степанов, Е. Иванова, *Проблема «суверенного интернета» в России*, «Вестник Российского университета дружбы народов» 2023, т. 10, № 2, с. 195–209; Р. Щербаков, *Риски цифровизации...*, с. 73–91; А. Экслер, *Общение в Интернете*, НТ Прес, Нижний Новгород 2006, 384 с., и другие.

⁵ 5 популярных социальных сетей, созданных в России, «GW2RU» 2025, <https://www.gw2ru.com/basic-facts/237025-popular-social-networks-russia> [дата обращения: 12.04.2026].

Новый стиль в русском языке

Появление русскоязычного сегмента Интернета пришлось на период распада Советского Союза. В 1990 году СССР получил доступ к Глобальной Сети через компьютеры Института атомной энергии. В 1991 году была создана национальная доменная зона *.su*. В апреле 1994 года был зарегистрирован домен верхнего уровня *.ru*, который стал официальной сетевой зоной России. После этого начали появляться первые российские сайты, поисковые системы Rambler (1996) и Yandex (1997), а также почтовый сервис Mail.ru. Со второй половины 1990-х годов русскоязычный сегмент Всемирной Паутины формировался как совокупность всех ресурсов, сервисов и сетевых сообществ, которые использовали русский язык и/или домены «*.ru*», «*.su*», а позже «*.рф*»⁶.

11 июня 1997 года автор русскоязычного блога *Мысли Великого Дяди Раффи* (Рафаэль) Асланбеков впервые употребил термин *Рунет* в своей колонке под названием *Надоело!!?*. Термин был образован от доменного имени *.ru* и постфикса *net* (связь) и быстро получил широкое распространение в Сети. Уже в 2001 году термин был включен в орфографический словарь Российской Академии наук под редакцией Владимира Лопатина. И хотя термин образован от домена *.ru*, он используется для обозначения всех русскоязычных интернет-ресурсов, а не только сайтов в зоне *.ru*⁸. Таким образом, с конца 1990-х годов понятие «Рунет» стало включать не только технический (доменный) аспект, но и культурно-языковой, а конкретно – русскоязычные ресурсы и сетевые сообщества по всему миру⁹.

В настоящее время в Рунете преобладают такие формы общения, как чаты, форум, ICQ и другие мессенджеры, социальные сети (из которых самыми массовыми являются VKontakte.ru и Odnoklassniki.ru), а также переписка по e-mail. В этой коммуникативной среде формировались новые языковые средства и трансформировались старые. Среднее время ежедневного пребывания русскоязычных пользователей в Сети неуклонно увеличивалось. В результате в пространстве Рунета уже на рубеже XX–XXI веков начали развиваться новые особенности речевого поведения и даже новый стиль в русском языке.

⁶ А. Бубнов, О. Дмитриева, В. Шаповалов, *Интенсивность вовлеченности россиян в Интернет-коммуникацию*, «Cyberleninka.ru» 2013, <https://cyberleninka.ru/article/n/intensivnost-vovlechenosti-rossiyan-v-internet-kommunikatsiyu> [дата обращения: 11.04.2026].

⁷ Р. Асланбеков, *Надоело!!*, «Cityline.ru» 1997, <https://web.archive.org/web/19970730114907/http://www.cityline.ru/uncle/thinks/110697.html> [дата обращения: 9.04.2026].

⁸ В. Казяба, *Самономинации...*, с. 221.

⁹ A. Calderaro, *Social Media and Politics*, [in:] *The SAGE Handbook of Political Sociology*, eds. W. Outhwaite, S. Turner, SAGE Publications, London 2018, vol. 2, p. 789.

По мнению исследовательницы Дарьи Борисовой, отличительными признаками этого стиля являлись его спонтанность (несмотря на письменное воспроизведение), обширные заимствования из иностранных языков, наличие ненормативной лексики, гиперинтертекстуальность и запечатленная разговорность¹⁰.

При этом уместно отметить, что процессы заимствования в национальные языки характерны не только сетевому общению в Рунете, но и лингвистическому ландшафту в других популярных языках Глобальной Сети. Например, даже в Великобритании, где, казалось бы, нет необходимости заимствования интернет-терминологии из чужого языка, еще в начале XXI века медиолог Сьюзан Херринг констатировала формирование нового функционального стиля, который произвольно включал в себя заимствования из разных языков (от испанского до русского) и которому она дала название *Веблиш* (*Web+English*)¹¹. Спустя почти два десятилетия исследователь Чунли Ши отмечал, что *Веблиш* неуклонно распространяется в среде пользователей Интернета по всему миру, охватывая все более широкие слои массовой аудитории¹².

В сетевом пространстве Рунета за последнюю четверть века под влиянием заимствования из чужих языков и активного словотворчества пользователей сформировались следующие характерные особенности языка сетевого общения: контаминация средств (например, устного и письменного варианта речи; разговорной речи и литературного языка; вербальной и невербальной составляющей кода; латиницы и кириллицы; русского и английского языков); усложнение одних языковых средств (компенсация, полифункциональность, коннотация, гипертекст) и упрощение других (языковая экономия, компрессия, аграмматизм); диффузность одних и дифференциация других средств (изменение функционально-стилистической характеристики существующих жанров в сторону разговорности; процессы терминологизации и детерминологизации лексики); экспрессивизация, «карнавализация», языковая игра¹³.

Таким образом, к настоящему времени в Рунете сформировался новый стиль языка, который формально является письменным, но

¹⁰ Д. Борисова, *Интернет-лингвистика как самостоятельное направление науки о языке: обзор основных направлений и понятий*, «Вестник Самарского университета» 2025, т. 31, № 2, с. 232.

¹¹ S. Herring, *Computer-Mediated Discourse*, [in:] *The Handbook of Discourse Analysis*, eds. D. Tannen, H.E. Hamilton, D. Schiffrin, Blackwell, Oxford 2001, vol. 2, p. 623.

¹² C. Shih, 'Webbish writing' for global communication in the Web 3.0., "The Journal of Internationalization and Localization" 2018, vol. 5, no. 2, p. 153.

¹³ А. Аренс, *Особенности языка Интернет-общения*, «Nsportal.ru» 2018, <https://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2018/01/22/osobennosti-yazyka-internet-obshcheniya> [дата обращения: 21.03.2026].

концептуально – устно-письменным (менее структурированным, с наличием устно-разговорных элементов). Данный стиль обозначался по-разному: *компьютерная форма речи, интернет-речь, киберязык, электронный язык* и другие¹⁴.

Сильное влияние на формирование данного стиля оказала латинизация кириллицы, которая была обусловлена воздействием английского языка на русский язык. Исследователь Александр Экслер выделял несколько ступеней сосуществования латиницы и кириллицы:

- полная латинская транслитерация русского текста;
- написание русских букв, по умолчанию указывающих на латинские, принадлежащие соответствующим клавишам (*З.Ы. = P.S., ину = bye, зды = pls*), что можно считать показателем языковой экономии, не имеющим аналога в других языках;
- создание слов на основе фрагментов кириллицы и латиницы (*выDOOMывать, заLOOPаться*);
- создание русских слов по принципу калькирования или воспроизведения отдаленной фонетической ассоциации (*мелкомяжкие, мелкомяжкость = microsoft; шаровары = shareware; девица = device; расшарить ресурсы = to share*)¹⁵.

Многие из приведенных случаев можно рассматривать как элемент игрового начала, а также считать проявлениями тенденций к усложнению или упрощению.

Усложнения и упрощения в языке общения в Рунете

С начала XXI века в сетевом пространстве Рунета наблюдалось стремительное упрощение языковых норм на уровне орфографии и пунктуации вследствие несоблюдения правил написания слов и расстановки знаков препинания. Данное явление носило преимущественно индивидуальный характер и могло трактоваться, с одной стороны, как элемент безграмотности, а с другой стороны, как элемент игры или экономии времени. Коммуниканты нередко игнорировали границы и статус синтаксических и номинативных единиц. Часто встречалось написание слова в начале предложения и собственных имен со строчной буквы. Наблюдалась произвольная расстановка точек, запятых, многоточий и других знаков препинания. Синтаксические структуры становились более фрагментарными. Встречались эллипсис, разные типы усечений. Высказывания становились короче, упрощалось их содержание. Вместе с тем, по мнению исследователя Тимура Кучникова, данные явления

¹⁴ А. Экслер, *Общение в Интернете...*, с. 42.

¹⁵ Там же, с. 84.

можно объяснить как низкой языковой компетенцией коммуникантов, так и элементарной экономией времени¹⁶.

На уровне лексики и словообразования тенденция к упрощению проявилась в компрессивном словообразовании и аббревиации:

- Образование сокращений путем пропуска гласных (*спс, спсб, плз, пж*).
- Возникновение аббревиатур, состоящих из начальных букв словосочетаний или высказываний. К этим явлениям относятся не только заимствованные из английского языка формы, но и созданные по аналогии на базе русского языка окказиональные аббревиатуры, например, *ПМСМ – по моему скромному мнению, ЕМНИП – если мне не изменяет память*, и так далее.
- Образование аббревиатур, состоящих из букв и цифр на основе тождества произношения буквы или цифры (например, *про100 – просто, 4ё – чё, 05 – опять, 1очество – одиночество*).
- Формы, которые образовались путем регрессивной деривации, например, *инет, винч, прога, модер, админ, инфа, дистр* и другие, либо путем сочетания универбизации и деривации, например, *реал, вирт, личка*¹⁷.

Усложнение орфографических и пунктуационных форм языка общения в Рунете, по мнению исследователя Вячеслава Нестерова, происходило в целях, во-первых, компенсации паралингвистической составляющей коммуникации; во-вторых, разных прагматических интенций (имеется в виду образование с помощью знаков клавиатуры так называемых *эмотиконов*, выражающих разные эмоции, например, *:)), :-((* и другие); и в-третьих, индивидуализации речи, языковой игры¹⁸.

На уровне лексики и словообразования усложнение наблюдалось, по мнению исследователя Елены Галичкиной, в области терминологизации, что проявлялось в заимствованиях из английского языка с постепенным морфолого-синтаксическим «обрусением» (например, *веб, онлайн, онлайн-овый, интернет, интернетовский, браузер, хакер, сиквел*), а также в образовании слов путем семантического наращения смысла (например, *падать, повисать, виснуть, глючить, тормозить*)¹⁹.

Возможность размещать сообщения под псевдонимом-ником активизировала ономаσιологический процесс. При образовании ников широко практиковались случаи трансформаций имен собственных (например,

¹⁶ Т. Кучников, *Общение в Интернет...*, с. 29.

¹⁷ О. Дедова, *О языке Интернета*, «Вестник Московского университета» 2010, № 3, с. 25–38.

¹⁸ В. Нестеров, *К вопросу об эмоциональной насыщенности межличностных коммуникаций в Интернете*, «Флогистон: психология из первых рук» 2004, <http://flogiston.ru/articles/netpsy/netemotions> [дата обращения: 12.04.2026].

¹⁹ Е.Х. Галичкина, *Интернет-дискурс: основные направления изучения и тенденции развития*, «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология» 2012, № 4, с. 123.

M@ry – Мария, *M@rt* – Марат, *Ден4ик* – Денис). Как правило, ники чаще создавались с использованием латиницы, нежели кириллицы, но нередко были случаи, когда при создании ника использовались оба алфавита (например, *Mila_Я*, *G_Нева*, *Дима-Nachal_Nick*)²⁰.

Электронное общение характеризуется широким использованием как традиционных, так и специфических графических средств. К последним относятся *эмотиконы* и *акронимы*, которые возникли в результате стремления восполнить недостаток эмоционального наполнения письменного сообщения. Эмотиконы (смайлы, смайлики) являются своеобразными символами, служащими для обозначения эмоций и состояний участников виртуального общения, а также иллюстрирующими некоторые коммуникативные ситуации (например, признание в любви или демонстрацию жгучей ненависти). Под акронимами понимают все разнообразие широкоупотребительных сокращений, образованных из начальных букв слов/словосочетаний и/или цифр, например, *по4ему*, *юзер*, *ВОВНЕ* (от ВОобще Все НЕнавижу). Вместе с тем, эмотиконы и акронимы могут употребляться без каких-либо очевидных синтактико-семантических связей с вербальным текстом, подобно «словам-паразитам», например, :(((... – аналогично, (... – постоянно просит авторизацию, ((– заколебала!!!²¹.

Широкий пласт новой лексики в Рунете представлял также компьютерный жаргон, который характеризовался высокой степенью экспрессивности. Особой популярностью пользовались жаргонизмы, которые были образованы от английских слов и благодаря фонетической близости оригинала оказывались ассоциативно и коннотативно связаны с разговорными, стилистически сниженными пластами лексики, в том числе с бранью, табуированными словами, вулгаризмами. Подобное явление дало основание исследователям Александру Гарцову и Татьяне Балыхиной предположить, что «превращения русского языка в Сети обусловлены не столько практическими потребностями упрощения кода, сколько игровыми условиями виртуального пространства»²².

Помимо данных явлений языковой игры, широкое употребление в Рунете получило написание кириллицей английских выражений (например, *сенкью вери мач, плиз, велком, хелоу, андерстэнд, хай, бай-бай*)²³.

Проявлениями карнавализации языковой коммуникации в новом стиле языка сетевого общения стали так называемое *албанское/аффтарское*

²⁰ С. Степанов, Е. Иванова, *Проблема...*, с. 202.

²¹ М. Кронгауз, В. Мерзлякова, Е. Литвин, *Словарь языка интернета.ru*, АСТ-Пресс, Москва 2018, с. 144.

²² А. Гарцов, Т. Балыхина, *Русский язык в сети как лингводидактический путь его глобализации*, «Мир русского слова» 2010, № 2, с. 92.

²³ Г. Мандрикова, *Русский язык и Интернет*, «Народное образование» 2013, № 6 (1429), с. 278.

письмо, жанр падонкафф, а также намеренное искажение орфографического облика слова согласно с его произношением. Такие эрративные лексемы и сочетания как *учаснег, мидвед, пака, какдила?, аффтар жжжет, аццкий сотона, аффтар выпей йаду*, стали «визитной карточкой» данного субъязыка Рунета. И если до начала 2020-х годов подобный субъязык был характерен преимущественно межличностному общению, то после 2022 года он широко практикуется при обсуждении на форумах на политические темы и общественно-политическую проблематику. Как правило, данный субъязык внедряется в программу ботов и призван продемонстрировать читателям, будто соответствующие заявления делает не искусственная программа, а реальный пользователь Рунета²⁴.

Таким образом, отмеченные особенности функционирования языка сетевой коммуникации в Рунете за последнюю четверть века свидетельствуют как о постоянном поиске новых языковых и графических средств, так и о трансформации старых. При этом необходимо учитывать, что динамика совершенствования языка общения в Рунете обуславливает необходимость дальнейшего разностороннего изучения и осмысления данной части речевой активности.

Заключение

В процессе становления и развития русскоязычного сегмента Интернета (Рунета) сформировались характерные особенности языка, активно используемого в сетевом общении:

1. Контаминация языковых средств (например, устного и письменного, разговорного и литературного вариантов языка, латиницы и кириллицы, русского и английского языков).
2. Частое использование аббревиатур, образованных путем пропуска букв (*спс – спасибо, спсб – спасибо большое, пж – пожалуйста*), либо состоящих из начальных букв слов в высказывании (*ПМСМ – по моему скромному мнению, ЕМНИП – если мне не изменяет память*).
3. Использование нумеронимов, состоящих из букв и цифр, когда числа заменяют часть слова на основе фонетического сходства с соответствующими звуками или морфемами (*про100 – просто, 05 – опять, 1очество – одиночество*).
4. Аллюзии на классические произведения, цитаты из популярных книг и кинофильмов (*Быть или не быть – из Гамлет Уильяма Шекспира, Все животные равны, но некоторые равнее других – из Скотный двор*).

²⁴ D. Matter, E. Kuznetsova, V. Vziatysheva, I. Vitulano, J. Pfeffer, *Temporally Stable Multilayer Network Embeddings: A Longitudinal Study of Russian Propaganda*, ArXiv.org. 2023, <https://arxiv.org/pdf/2307.10264v1> [дата обращения: 10.09.2025].

- Использование скобок, жирного шрифта, подчеркивания, символов. (Например, знак + может указывать на согласие с собеседником, автором текста, положительную оценку сообщения; знак = может обозначать *в результате, это то же самое, что и ..., соответствует*).
9. Тенденция к визуализации эмоций в цифровой среде посредством использования эмотиконов. Они представляют собой графические или текстовые символы, используемые для передачи эмоциональной окраски сообщений в цифровой коммуникации. Употребление эмотиконов в социальных медиа обусловлено необходимостью компенсировать отсутствие невербальных средств общения, которые играют ключевую роль в традиционном межличностном взаимодействии. (Например, использование смайлика 😊 (улыбающееся лицо) может подчеркнуть хорошее настроение автора, его доброжелательность; смайлик 😏 (подмигивание) может указывать на шутливый или ироничный подтекст сообщения).

Таким образом, изучение языка социальных медиа является актуальной задачей современной лингвистики, психолингвистики и коммуникационных исследований, поскольку именно в цифровой среде формируются новые языковые единицы, формы общения, влияющие на способы восприятия и передачи информации. Системное исследование языка социальных медиа способствует более глубокому пониманию языковых и социальных процессов, происходящих в цифровом обществе.

Литература

- 5 популярных социальных сетей, созданных в России, «Gw2ru.com» 2025, <https://www.gw2ru.com/basic-facts/237025-popular-social-networks-russia> [дата обращения: 12.04.2026].
- Аренс А., *Особенности языка Интернет-общения*, «Nsportal.ru» 2018, <https://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2018/01/22/osobennosti-yazyka-internet-obshcheniya> [дата обращения: 21.03.2026].
- Асланбеков Р., *Надоело!!*, «Cityline.ru» 1997, <https://web.archive.org/web/19970730114907/http://www.cityline.ru/uncle/thinks/110697.html> [дата обращения: 9.04.2026].
- Богдановская И., *Медиа-коммуникация*, «Universum: Вестник Герценовского университета» 2011, № 3–4, с. 78–85.
- Борисова Д., *Интернет-лингвистика как самостоятельное направление науки о языке: обзор основных направлений и понятий*, «Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология» 2025, т. 31, № 2, с. 228–236, <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-lingvistika-kak-samostoyatelnoe-napravlenie-nauki-o-yazyke-obzor-osnovnyh-napravleniy-i-ponyatiy> [дата обращения: 11.04.2026].
- Бубнов А., Дмитриева О., Шаповалов В., *Интенсивность вовлеченности россиян в Интернет-коммуникацию*, «Cyberleninka.ru» 2013, <https://cyberleninka.ru/>

- article/n/intensivnost-vovlechenosti-rossiyan-v-internet-kommunikatsiyu [дата обращения: 10.04.2026].
- Галичкина Е.Х., *Интернет-дискурс: основные направления изучения и тенденции развития*, «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология» 2012, № 4, с. 118–129, <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-diskurs-osnovnye-napravleniya-izucheniya-i-tendentsii-razvitiya> [дата обращения: 11.04.2026].
- Гарцов А., Балыхина Т., *Русский язык в сети как лингводидактический путь его глобализации*, «Мир русского слова» 2010, № 2, с. 90–94, <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yazyk-v-seti-kak-lingvodidakticheskiy-put-ego-globalizatsii> [дата обращения: 12.04.2026].
- Дедова О., *О языке Интернета*, «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология» 2010, № 3, с. 25–38, <https://cyberleninka.ru/article/n/o-yazyke-interneta> [дата обращения: 13.04.2026].
- Казяба В., *Самономинации с функцией антропонима в Рунете*, «Научный диалог» 2022, т. 11, № 7, с. 212–230, <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-117-212-230>.
- Крестинина Е., Чернышов Ю., *Использование интернет-блогов и «социальных сетей» в российской публичной политике*, «Известия Алтайского государственного университета» 2008, № 3–4, с. 288–296, <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-internet-blogov-i-sotsialnyh-setey-v-rossiyskoy-publichnoy-politike> [дата обращения: 14.04.2026].
- Кронгауз М., Мерзлякова В., Литвин Е., *Словарь языка интернета.ru*, АСТ-Пресс, Москва 2018, 288 с.
- Кучников Т., *Общение в Интернет*, Альянс-Пресс, Москва 2004, 128 с.
- Мандрикова Г., *Русский язык и Интернет*, «Народное образование» 2013, № 6 (1429), с. 275–280, <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yazyk-i-internet> [дата обращения: 13.04.2026].
- Нестеров В., *К вопросу об эмоциональной насыщенности межличностных коммуникаций в Интернете*, «Флогистон: психология из первых рук» 2004, <http://flogiston.ru/articles/netpsy/netemotions> [дата обращения: 12.04.2026].
- Степанов С., Иванова Е., *Проблема «суверенного интернета» в России*, «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление» 2023, т. 10, № 2, с. 195–209, <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-2-195-209>.
- Щербаков Р., *Риски цифровизации: систематизация научного поля*, «Социологический журнал» 2025, т. 31, № 1, с. 73–91, <https://doi.org/10.19181/soc-jour.2025.31.1.4>.
- Экслер А., *Общение в Интернете*, НТ Пресс, Нижний Новгород 2006, 384 с.
- Calderaro A., *Social Media and Politics*, [in:] *The SAGE Handbook of Political Sociology*, eds. W. Outhwaite, S. Turner, SAGE Publications, London 2018, vol. 2, pp. 781–796, <https://doi.org/10.4135/9781526416513>.
- Herring S., *Computer-Mediated Discourse*, [in:] *The Handbook of Discourse Analysis*, eds. D. Tannen, H.E. Hamilton, D. Schiffrin, Blackwell, Oxford 2001, vol. 2, pp. 612–634, https://www.blackwellpublishing.com/content/bpl_images/content_store/WWW_Content/9780631205951/031.pdf [дата обращения: 08.09.2025].

- Shih C., *'Webbish writing' for global communication in the Web 3.0*, "The Journal of Internationalization and Localization" 2018, vol. 5, no. 2, p. 142–163, <https://doi.org/10.1075/jial.18002.shi>.
- Kumar S., *Digital Borders: Russia's Approach to RuNet Regulation*, "EDPACS" 2024, vol. 53, no. 1, pp. 1–12, <https://doi.org/10.1080/07366981.2024.2327152>.
- Matter D., Kuznetsova E., Vziatysheva V., Vitulano I., Pfeffer J., *Temporally Stable Multilayer Network Embeddings: A Longitudinal Study of Russian Propaganda*, ArXiv.org, 2023, <https://doi.org/10.48550/arXiv.2307.10264>.

Резюме

Статья посвящена выявлению и описанию ключевых лингвистических особенностей языка сетевой коммуникации в русскоязычном сегменте Интернета (Рунете). В процессе становления и развития Рунета сформировались новые способы и формы общения, а также новый стиль русского языка и стереотипы речевого поведения. Характерными особенностями языка сетевого общения в Рунете являются частотное использование аббревиатур и нумеронимов; контаминация языковых средств и их экспрессивизация; языковая игра и тенденция к визуализации эмоций в цифровой среде посредством использования эмодиконов и другие. Динамика совершенствования нового стиля русского языка в сетевом пространстве делает его анализ актуальной научной задачей.

Ключевые слова: язык сетевого общения, Рунет, контаминация и экспрессивизация языковых средств, языковая игра, тенденция к визуализации эмоций в тексте.

Linguistic features of Contemporary Social Media (Based on the Runet)

Abstract

The article is devoted to identifying and describing the key linguistic features of the language of online communication in the Russian-language segment of the Internet (Runet). During the formation and development of Runet, new modes and forms of communication have emerged, along with a new style of the Russian language and new patterns of speech behavior. Characteristic features of online communication in Runet include the frequent use of abbreviations and numeronyms; the contamination and expressive intensification of linguistic means; language play; and the tendency to visualize emotions in the digital environment through the use of emoticons, among others. The ongoing evolution and refinement of this new style of the Russian language in online space makes its analysis a relevant scholarly task.

Keywords: language of online communication, Runet, contamination and expressive intensification of linguistic means, language play, tendency toward the visualization of emotions in text.

Екатерина Климович / Ekaterina Klimovich
doktorantka, Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie
<https://orcid.org/0009-0003-5761-2841>
ekaterinak197@gmail.com

Невербальные средства коммуникации в социальных медиа (на материале Рунета)

Введение

Актуальность исследования невербальных средств коммуникации в социальных медиа обусловлена тем, что социальные медиа породили феномен «устно-письменной коммуникации», при которой физическое отсутствие собеседника компенсируется специфическими графическими маркерами. Таким образом, выявление наиболее характерных невербальных средств коммуникации позволяет понять, как человеческое сознание адаптирует традиционные невербальные сигналы (мимику, жесты и др.) к технологическим ограничениям интерфейсов.

Научная значимость данной проблемы обусловлена необходимостью переосмысления классических теорий коммуникаций в контексте глобальной цифровизации. Современные социальные медиа создают уникальную знаковую систему, которая постоянно эволюционирует. Изучение этого процесса необходимо для лингвистического анализа новых способов передачи модальности и экспрессии, социологического понимания правил сетевого этикета и групповой идентификации, выявления паттернов передачи эмоций и распознавания манипулятивных стратегий.

Невербалика в социальных медиа перестала быть дополнением к тексту. Она превратилась в сложный контекстуальный фильтр, без которого адекватная интерпретация сообщения практически невозможна. Изучение

этих средств позволит выявить, как современный пользователь остается «человеком общающимся» (*homo communicans*¹) в условиях технологического посредничества.

Современный человек за день произносит примерно 16 тысяч слов (при этом самый «молчаливый» участник исследования произносил около 700 слов, в то время как самый разговорчивый – более 47 000 слов в сутки)². Трудно представить, какое количество невербальных средств коммуникации было при этом использовано и каков разброс как по количественным, так и по качественным показателям наблюдался, учитывая огромное множество способов и стилей общения.

Невербальные компоненты коммуникации передают огромную информацию, позволяя понять настроение, переживания, ожидания, чувства, намерения, а также морально-личностные качества общающихся людей. К невербальным средствам коммуникации относятся:

1. *Кинесика*, изучающая совокупность телодвижений, применяемых в процессе человеческого взаимодействия.
 - Мимика – динамические движения мышц лица, являющиеся главным индикатором эмоциональных состояний.
 - Жестикуляция – движения рук и головы, выполняющие функции иллюстрации, регуляции или замещения речи.
 - Пантомимика – моторика всего тела (поза, осанка, походка), отражающая общую психологическую установку индивида.
2. *Паралингвистика* и *экстралингвистика*, включающие систему вокализации, дополняющих вербальное сообщение.
 - Паралингвистика – качество голоса, его диапазон, тональность, тембр и логические ударения.
 - Экстралингвистика – включение в речь пауз, а также неречевых звуков (смех, плач, вздохи, темп речи).
3. *Проксемика*, определяющая влияние пространственных факторов на эффективность общения. Исследует дистанции между субъектами и их ориентацию в пространстве. Выделяет четыре основные зоны: интимную, личную, социальную и публичную.

¹ Данный термин был сформулирован французским исследователем Филиппом Бретоном, который еще в 1992 году в своей работе *L'utopie de la communication* обосновывал возникновение антропологического типа *Homo communicans* (*l'homme communicant*), для которого акт коммуникации становится высшей социальной ценностью и способом существования в информационной среде. См. Ph. Breton, *L'homme communicant, une nouvelle utopie?*, «Sciences Humaines» 1992, no. 18, p. 34–37.

² M.R. Mehl, S. Vazire, N. Ramirez-Esparza, R.B. Slatcher, J.W. Pennebaker, *Are Women Really More Talkative Than Men?*, “Science” 2007, vol. 317, no. 5834, p. 82.

4. *Окулесика*, включающая визуальный контакт или «язык глаз». Регулирует очередность реплик, транслирует уровень доверия и заинтересованности в собеседнике³.
5. *Такесика (Гаптика)*, изучающая роль тактильных контактов (рукопожатия, прикосновения, похлопывания) в коммуникативном акте. Такесика строго детерминирована статусом партнеров и культурными нормами⁴. По мнению И. Стернина, «сегодня наблюдается тенденция к сокращению общения с людьми за счет увеличения «общения» со средствами массовой коммуникации (ТВ, интернет, кино, видео, газеты)»⁵. Поэтому важно изучать вербальные и невербальные средства коммуникации, используемые в социальных медиа.

Целью данного исследования является описание невербальных средств общения в социальных медиа. Эмпирическую базу исследования составил корпус текстов, отобранных из русскоязычного сегмента социальных сетей ВКонтакте, Одноклассники и Facebook. Общий объем проанализированного материала составил 300 публикаций (по 100 постов из каждой социальной сети), датированных периодом с августа по сентябрь 2025 года. Это позволило зафиксировать актуальное использование невербальных средств коммуникации и минимизировать влияние устаревших трендов. Выбор данных платформ обусловлен различием их целевых аудиторий, что позволяет проследить вариативность языковых особенностей в разных социально-возрастных группах.

Материал был собран путем целевой выборки из публичных сообществ информационной и развлекательной направленности. Процедура анализа материала включала несколько этапов:

1. Сбор и первичная фильтрация – сбор публикаций и удаление спама, рекламных объявлений и дубликатов.
2. Классификация – распределение отобранных единиц по типам использованных невербальных средств коммуникации (например, использование эмодзи, стикеров, редупликация знаков препинания).
3. Лингвистическое описание – анализ и описание наиболее репрезентативных примеров, иллюстрирующих использование невербальных средств коммуникации в социальных медиа.

³ В.А. Лабунская, *Не язык тела, а язык души! Психология невербального выражения личности*, Феникс, Ростов-на-Дону 2009, 342 с.

⁴ R. Heslin, *Steps toward a taxonomy of touching*, Paper presented at the meeting of the Midwestern Psychological Association, May, Chicago 1974, <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED103690.pdf> [дата обращения: 14.04.2026].

⁵ И.А. Стернин, *Основы речевого воздействия*, Истоки, Воронеж 2012, с. 30.

Трансформация исследований невербальных средств коммуникации

Эволюция научных представлений о невербальных средствах коммуникации характеризуется переходом от описательного анализа отдельных жестов, интонаций и мимики к комплексным междисциплинарным исследованиям. Классическими работами второй половины XX века являются труды А. Мехрабиана и А. Пиза.

Альберт Мехрабиан (Albert Mehrabian) – известный американский социопсихолог, почетный профессор Университета Калифорнии в Лос-Анджелесе. Основные идеи Мехрабиана изложены в его фундаментальных работах *Silent Messages (Безмолвные сообщения)*⁶, впервые опубликованную в 1971 году, и *Nonverbal Communication (Невербальная коммуникация)*⁷. Наибольшую известность он получил благодаря исследованию того, как люди интерпретируют сообщения в условиях межличностного взаимодействия, при передаче чувств и отношений друг к другу.

На основе экспериментальных исследований А. Мехрабиан предложил модель, согласно которой в ситуациях, связанных с выражением эмоций и чувств, вклад различных средств коммуникации распределяется следующим образом: 7% информации приходится на вербальный компонент (т.е. сами слова), 38% – на вокальные характеристики речи (интонация, тембр, громкость), 55% – на невербальные сигналы (мимика, жесты, поза). Данная модель получила название «правило 7–38–55» и стала одной из самых цитируемых в области социальной психологии и коммуникационных исследований.

Однако важно подчеркнуть, что ключевым аспектом работ А. Мехрабиана является строгое ограничение сферы применимости модели. Сам автор подчеркивал, что соотношение «7–38–55» относится исключительно к ситуациям, в которых, во-первых, передаются эмоции, чувства или отношения, во-вторых, существует несоответствие между вербальными и невербальными сигналами. В подобных случаях реципиенты склонны доверять невербальной информации в значительно большей степени (до 93%), чем содержанию слов (7%). Например, если человек утверждает «Я спокоен», но при этом демонстрирует напряженную мимику, резкий тон и интенсивную жестикуляцию собеседник, как правило, интерпретирует это сообщение как проявление ярких эмоций говорящего.

Довольно частой ошибкой является распространение «правила 7–38–55» на всю коммуникацию в целом, включая передачу фактов, инструкций

⁶ A. Mehrabian, *Silent Messages: Implicit Communication of Emotions and Attitudes*, Wadsworth, Belmont 1971, 152 p.

⁷ A. Mehrabian, *Nonverbal Communication*, Routledge, New York 2017, 238 p.

или академических знаний. А. Мехрабиан неоднократно подчеркивал, что в подобных ситуациях вербальный канал играет ведущую роль, а его модель не предназначена для универсального применения.

Важно отметить, что научный вклад А. Мехрабиана заключается не столько в самих числовых соотношениях, сколько в акценте на значимости невербальных средств коммуникации в передаче эмоций и отношений.

На научных трудах А. Мехрабиана и Р. Бердвистелла⁸ базируется теория Алана Пиза⁹. Согласно его модели, вербальный канал (непосредственно лексические единицы) обеспечивает передачу 7% смысловой нагрузки сообщения. 38% занимают паралингвистические средства (*просодика, тембр, интонационные акценты*) и 55% – невербальные сигналы (*кинесика, проксемика*). Следует отметить, что А. Пиз популяризировал «правило 7–38–55», экспериментально выведенное А. Мехрабианом.

А. Пиз также утверждал, что жесты и мимика – это внешнее проявление внутренних эмоциональных состояний, что позволяет «читать» истинные чувства человека. Жесты объединяются в «предложения», которые дают более полное понимание, чем изолированные сигналы, и должны сравниваться со словами. Некоторые жесты имеют эволюционные корни, как у животных, показывая защитные реакции или агрессию (например, раздувание ноздрей, обнажение зубов). Жесты могут иметь разные значения в разных культурах (например, большой палец вверх в Греции и США), поэтому важен контекст.

Работы А. Пиза имеют большую практическую значимость, поскольку учат замечать несоответствия между словами и сигналами тела, понимать истинные намерения собеседника, избегая манипуляций, а также лучше понимать собственные эмоции.

Проблема невербальной передачи информации в последние годы претерпела значительную теоретическую трансформацию. В современных исследованиях акцент сместился на нейронауки, цифровые коммуникации и автоматическое распознавание эмоций искусственным интеллектом. В. Манусов¹⁰ отмечает трансформацию невербальных средств коммуникации, обусловленную цифровизацией и дистантным общением. Г. Крейдлин в книге *Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык*¹¹ описывает проведенное детальное лингвистическое исследование жестов как знаковой системы. В. Морозов в книге *Невербальная коммуникация:*

⁸ R.L. Birdwhistell, *Kinesics and Context: Essays on Body Motion Communication*, University of Pennsylvania Press, Philadelphia 1970, 338 p.

⁹ А. Пиз, Б. Пиз, *Новый язык телодвижений. Расширенная версия*, пер. с англ. Н. Романовой, Эксмо, Москва 2006, 416 с.

¹⁰ *The SAGE Handbook of Nonverbal Communication*, eds. V. Manusov, M. Patterson, SAGE Publications, Thousand Oaks 2023, 616 p.

¹¹ Г.Е. Крейдлин, *Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык*, Новое литературное обозрение, Москва 2002, 581 с.

Экспериментально-психологические исследования¹² приводит данные новейших психофизиологических экспериментов в области восприятия голоса и жестов. М. Газзанига¹³ описывает новейшие данные нейробиологии о том, как мозг обрабатывает невербальные сигналы.

В. Лабунская¹⁴ подчеркивает, что невербальное выражение личности не является статичным набором жестов. Она предлагает социально-перцептивный подход, согласно которому интерпретация невербалики зависит от «когнитивных схем» наблюдателя, что делает процесс декодирования субъективным и глубоко психологизированным.

Вопрос биологической детерминации жестов находит подтверждение в работах В. Морозова¹⁵. Его экспериментальные данные доказывают наличие у человека специализированных сенсорных систем для восприятия невербальной информации, которые работают на бессознательном уровне быстрее, чем вербальный анализ.

Важно упомянуть также работу В. Манусова и М. Паттерсона. В их обновленном руководстве *The SAGE Handbook of Nonverbal Communication*¹⁶ представлена концепция мультимодальности. Авторы доказывают, что разделение на «слова» и «жесты» во многом искусственно: мозг обрабатывает их как единый коммуникативный поток, где невербалика выполняет роль контекстуального фильтра.

Кросс-культурный аспект, затронутый еще Пизом, получил развитие в исследованиях Д. Мацумото¹⁷. С помощью современных методов фиксации микровыражений (*Facial Action Coding System*) Д. Мацумото выявил, что, несмотря на универсальность базовых эмоций, существуют строгие социокультурные правила «дисплея» (выражения) чувств, которые могут полностью блокировать невербальный сигнал в определенных сообществах.

В связи с глобальным переходом в онлайн-пространство, критически значимыми становятся работы по цифровой невербалике. Е. Дхаван¹⁸ вводит понятие «цифрового языка тела», описывает, как невербалика трансформируется в видеозвонках (Zoom, Teams) и переписке, анализируя, как паузы

¹² В.П. Морозов, *Невербальная коммуникация: экспериментально-психологические исследования*, 2-е изд., Институт психологии РАН, Москва 2019, 528 с.

¹³ M.S. Gazzaniga, T.F. Heatherton, D.F. Halpern, *Psychological Science*, 5th ed., W.W. Norton & Company, New York 2015, 864 p.

¹⁴ В.А. Лабунская, *Не язык тела...*

¹⁵ В.П. Морозов, *Невербальная коммуникация...*

¹⁶ *The SAGE Handbook...*

¹⁷ D. Matsumoto, H.C. Hwang, M.G. Frank, *Nonverbal Communication: Science and Applications*, SAGE Publications, Thousand Oaks 2022, 336 p.

¹⁸ E. Dhawan, *Digital Body Language: How to Build Trust and Connection, No Matter the Distance*, St. Martin's Press, New York 2021, 288 p.

в мессенджерах, использование эмодзи и ракурсы в видеоконференциях заменяют традиционные физические жесты, формируя новую систему паралингвистических знаков.

Е. Кененбаев проследил динамику развития невербальных средств коммуникации в социальных сетях в период 1990–2019 годов. Он отметил, что в конце 90-х и начале 2000-х годов участники сетевого общения только сокращали написание отдельных слов или подменяли их коннотативными словами, часто с оттенком просторечия и жаргона. (Например, эмоция смеха передавалась так: *ахахахах, ржунимагу, жжжжж, бугага, гыгыгы* и др.) Буквально через несколько лет эти сокращения заменились иконками, на которых знаками пунктуации рисовались определенные фигурки. (Например, *., – подмигивание, . ^ – задранный нос, обозначающий гордость, . @ – спутанные мозги, вызванные переутомлением.*) Еще через 2-3 года произошло видоизменение смайликов, из символьных они превратились в графические и в готовом иллюстративном виде обозначали необходимые эмоции, не требуя никакой предварительной подготовки. Подобное упрощение применения средств коммуникации, привело в кратчайший срок к вытеснению с полей интернета ранее использовавшихся символов¹⁹.

Таким образом, трансформация исследований невербальных средств общения отражает общую тенденцию к цифровизации, что требует пересмотра традиционного инструментария анализа коммуникативных актов.

Смайлики и эмодзи

Несмотря на широкую известность и повсеместное распространение «смайликов» в 21 в., их история уходит корнями в Древний Китай. Появление первых «смайликов» по некоторым источникам датируется XVI столетием до Рождества Христова. Китайские монахи оставляли их на скалах и на бамбуковой бумаге для фиксации списка жителей данной провинции. В одной из современных версий возникновения «смайликов» авторство их создания приписывают известному русскому писателю-эмигранту Владимиру Набокову. Согласно историческим данным, в 1969 году писатель в интервью газете «The New York Times» признался, что «надо придумать какой-нибудь типографический знак, обозначающий улыбку, – какую-нибудь закорючку или упавшую навзничь скобку»²⁰.

¹⁹ Е.Т. Кененбаев, *Изменение взаимодействия невербальных и вербальных средств коммуникации в социальной сети интернета*, «Ўзбекистонда хорижий тиллар» 2020, № 2 (31), с. 80–90.

²⁰ Е.С. Смагина, *Невербальные способы ответственности в интернет-коммуникации*, «Метеор-Сити. Наука развития» 2017, № 2, с. 59.

Американский информатик Скотт Фалман вошел в историю Интернета как создатель смайлика. 19 сентября 1982 года он отправил короткое сообщение на онлайн-доску объявлений внутренней сети университета с предложением использовать двоеточие, минус и закрывающуюся скобку :-) как маркеры шуток, при этом смотреть на них необходимо сбоку, и, наоборот, открывающуюся скобку :-(для текста, не имеющего такого смысла²¹.

Смайлик представляет собой 1) изображение лица или 2) совокупность знаков клавиатуры, воспроизводящих лицо, и используется для демонстрации эмоции. Эмотикон является научным обозначением смайлика.

Эмодзи – картинки, иллюстрирующие любой предмет, идею, состояние, в том числе и эмоции. Под эмодзи (от японского э – «картинка», модзи – «знак») следует понимать пиктограмму с небольшим изображением лица, животного, символа и любого иного объекта, которую можно использовать вместо текста или рядом с ним. Считается, что вхождению этого понятия в цифровой обиход мы обязаны японскому программисту Сигетаке Курите, который в 1999 году создал для мобильной связи 176 маленьких картинок с изображениями людей, мест, погоды, предметов и др.²².

Ученые рассматривают эмодзи как средство доступа к психологическому состоянию интернет-коммуникантов. Так, на материале 19179 реплик 299 пользователей социальной сети *ВКонтакте* К. Белоусов и И. Обухова отмечают 15 эмоциональных категорий эмотиконов и эмодзи, среди которых наиболее частотными являются следующие: 1) эмоции радости доминируют, 2) чувства любви выражают в 5 раз меньше, 3) эмоции печали испытывают интернет-пользователи в 39 раз реже, чем эмоции радости, 4) конкретные действия, например, подмигивания совершают в 81 раз реже. В то же время, несмотря на проявление позитивных настроений, направленных на создание комфортной среды для коммуниканта, фиксируется демонстрация негативных посылов, задевающих собеседника, 5) сарказм и ирония встречаются в 112 раз меньше. Еще реже представлены 6) удивление, 7) одобрение, 8) благодарность, 9) безразличие. Менее 10 примеров отводится в порядке убывания: 10) недоумению, 11) страху, 12) вине, 13) смущению, 14) задумчивости, 15) злости²³.

²¹ У.И. Турко, *Смайлик, эмотикон и эмодзи как невербальные средства общения в интернет-коммуникации*, «Филологические науки. Вопросы теории и практики» 2024, т. 17, вып. 9, с. 3007.

²² Е.А. Кольцова, Ф.И. Карташкова, *Мультимодальный характер цифровой коммуникации: функционирование эмодзи в межличностном общении*, «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика» 2022, т. 13, № 3, с. 776.

²³ К.И. Белоусов, И.А. Обухова, *Влияние пола и самооценки пользователей социальной сети на использование эмотиконов и эмодзи в процессе речевой коммуникации*, «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» 2019, т. 11, вып. 3, с. 9.

И. Космарская называет систему смайликов и эмодзи парязыком, обеспечивающим «трансформацию письменной интернет-речи в устную»²⁴. В. Егорова²⁵ считает, что люди оперируют эмодзи, комбинируя их с текстом или иллюстрациями, но эмодзи нельзя считать полноценной лингвистической системой.

Ежедневно в мире отправляется более 10 миллиардов эмодзи. Визуальный язык стал настолько повсеместным, что около 92% всех интернет-пользователей регулярно используют их в общении. В верхние строчки рейтингов по популярности в соцсетях стабильно входят «Громко плачущее лицо» (😭), «Лицо со слезами радости» (😄), «Красное сердце» (❤️), «Огонь» (🔥), «Блестки» (💎) и «Сложенные руки» (🙏). Наименее используемыми остаются специфические символы, такие как «Ввод латинских букв» (🌐) и «Непитьевая вода» (🚫)²⁶.

В 2026 году ожидается появление новых наборов эмодзи благодаря которым общее количество стандартизированных символов Unicode может приблизиться к 4000. В начале года внедряются 164 эмодзи (Unicode 17.0), а в сентябре планируется утверждение еще девяти («лицо с прищуром», «большой палец вправо/влево», «желтая бабочка», «огурец», «маяк», «метеорит», «ластик», «сачок»)²⁷.

Использование невербальных средств коммуникации в социальных сетях

Рассмотрим примеры, иллюстрирующие использование невербальных средств общения в популярных социальных сетях.

1. Кинесика. Как и в обычном общении, в цифровой коммуникации довольно широко представлена, репрезентируется символически и включает следующие компоненты:

- **Мимика.** В цифровом тексте смайлики, эмодзи и стикеры выполняют функцию мимики, позволяя подчеркнуть модальность высказывания (например, отличить юмор от серьезного утверждения).

²⁴ И.В. Космарская, *Формирование строевых элементов письменной интернет-речи (на материале смайлика и эмодзи)*, «Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» 2021, № 3 (845), с. 110.

²⁵ В.И. Егорова, *Гендерные особенности употребления эмодзи в интернет-среде*, «Russian Linguistic Bulletin» 2023, № 11 (47), с. 1–5.

²⁶ Unicode Consortium (2026), Unicode Home Page, <https://home.unicode.org/> [дата обращения: 25.03.2026].

²⁷ К. Broni, *Draft Emoji List for 2026-27*, “Emojipedia” 2026, <https://blog.emojipedia.org/draft-emoji-list-for-2026-2027/> [дата обращения: 25.02.2026].

Исследования²⁸ показывают, что мозг воспринимает эмодзи в социальных сетях аналогично реальным человеческим лицам, активируя те же нейронные механизмы:

Я так рад 😊 !

Я очень рада за вас 😊.

Я рад, что все так получилось 😊.

В данных трех предложениях эмодзи меняют смысл предложения, хотя семантически фразы подобны.

- **Жестикуляция.** В социальных сетях передается через эмодзи, стикеры и GIF-анимации:

Помогите, пожалуйста 🙏 !

И что лучше выбрать 🤔?

Устала с этим бороться 🧑 🚺...

- **Пантомимика.** Пользователи могут использовать эмодзи, GIF-анимацию для иллюстрации эмоционального состояния или психологической установки:

Скоро каникулы 🎉 !

Я справился (Анимация танцующего человека)!

Как же это ужасно (Анимация льющихся слез)!

2. Паралингвистика и экстралингвистика. В социальных медиа также присутствуют возможности проиллюстрировать систему вокализации, дополняющую вербальное сообщение.

- **Паралингвистика.** Использование только заглавных букв обычно интерпретируется как выражение повышенной эмоциональности или крика. Редупликация знаков препинания (???, !!!) или букв передает эмоциональный акцент и длительность звука. Выделение жирным шрифтом указывает на важность информации. Выбор слов, сленг, скорость набора, смайлики и пунктуация позволяют отобразить интонацию: **СКОЛЬКО МОЖНО ПИСАТЬ ОДНО И ТО ЖЕ! ЖЭЭЭСТЬ!**

Соглааааасен!!!

- **Экстралингвистика.** Использование многоточия часто заменяет значимые паузы, передавая неуверенность, сомнения или подтекст. Темп речи передается через скорость набора и отправки сообщений: быстрые ответы демонстрируют заинтересованность собеседника, долгие – неуверенность, отсутствие желания коммуницировать, размышления. Короткие сообщения, как правило, указывают на спешку. Смех, плач, вздохи могут передаваться с помощью эмодзи и GIF-анимации: *Он ушел ... вечером.*

²⁸ O. Churches, M. Nicholls, M. Thiel, H. Keage, M. Kohler, *Emoticons in mind: An event-related potential study*, "Social Neuroscience" 2014, no. 9 (2), p. 196–202.

Я купила билеты 🎫! Придется весь вечер смотреть футбол 🏈! На 8 марта пойдем вместе на оперу 🎭!

3. Проксемика. Настройки приватности и фильтры доступа определяют границы цифрового личного пространства, устанавливая дистанцию между «близкими друзьями» и остальной аудиторией. Выбор мессенджера (личные чаты, групповые чаты, форумы) указывает на разные уровни близости собеседников. Время отправки сообщения (ночью, в рабочее время, в выходные дни и т.д.) также относится к невербальным средствам коммуникации. Эмодзи также помогают показать дистанцию между собеседниками, время суток:

Хорошо, что ты рядом 🧑❤️🧑!

Дедуля, спасибо за помощь 🧑🧑!

Уже поздно это обсуждать 🌙, поговорим об этом утром 🌞.

4. Окулесика. Использование эмодзи, репрезентирующих направление взгляда или выражение глаз в момент коммуникации, является распространенной практикой общения в цифровом мире:

Я уже ничего не понимаю 😞.

Фильм просто прекрасен 😊!

Вот это платье 😍!

А может отказаться 😐?

Вот это новость 😬...

Что-нибудь придумаю 😏!

5. Такесика. Хотя физические прикосновения, конечно же, невозможны в цифровой среде, в социальных медиа существуют их символические эквиваленты: лайки и реакции, выступающие как форма «социального поглаживания». Могут использоваться также графические эмодзи и GIF-анимации, иллюстрирующие рукопожатие, похлопывание по плечу и др.:

Значит, мы договорились 🤝.

Пойдем вместе 👯.

Таким образом, в условиях отсутствия физического контакта («социального присутствия») пользователи социальных медиа выработали систему цифровых субститутгов, которые выполняют функции невербальных средств коммуникации.

Заключение

Коммуницируя в социальных медиа, собеседники не могут увидеть мимику, жесты, услышать интонацию собеседника. Однако поскольку невербальные компоненты общения крайне важны, возникает необходимость передать «какой-либо сигнал, свидетельствующий о хорошем отношении к собеседнику,

что будет способствовать успеху коммуникации»²⁹. В качестве таких сигналов выступают эмодзи, смайлики, GIF-анимации, а также оформление сообщения, скорость ответа, время ответа, использование CAPS LOCK, выбор платформы, формат общения. Это формирует своеобразный «язык медиа», в котором по-прежнему важны и актуальны невербальные средства общения.

Невербальные цифровые средства помогают выразить эмоции и отношение к прочитанному, уточнить окраску сообщения, снизить напряжение, подчеркнуть шутку или важность сообщения, и, конечно же, сделать общение более «живым».

Невербальные средства коммуникации в социальных медиа перестали быть лишь «украшением» текста. Они выполняют важные функции: уточняют модальность высказывания, отображают мимику и жесты (*кинесика*), регулируют психологическую дистанцию (*проксемика*), заменяют тактильный контакт (*такесика*), отображают контакт глаз (*окулесика*) и передают интонационные акценты (*паралингвистика*).

Сетевая невербалика прошла путь от простейших текстовых сокращений и пунктуационных смайликов к сложным графическим системам (эмодзи, смайлики, GIF-анимация), которые сегодня воспринимаются человеческим мозгом аналогично реальным мимическим реакциям. Ожидаемое расширение стандарта *Unicode* подтверждает запрос общества на дальнейшую детализацию визуального языка.

Таким образом, коммуникация в сети представляет собой адаптацию вербальных средств и создание новых символов для передачи всего спектра человеческого общения. При этом развитие «цифровой грамотности», знаний и умений «считывать» контекст и цифровые средства невербальной коммуникации, становится актуальной задачей при общении в социальных медиа.

Литература

- Белоусов К.И., Обухова И.А., *Влияние пола и самооценки пользователей социальной сети на использование эмодзи и эмодзи в процессе речевой коммуникации*, «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» 2019, т. 11, вып. 3, с. 5–18, <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2019-3-5-18>.
- Егорова В.И., *Гендерные особенности употребления эмодзи в интернет-среде*, «Russian Linguistic Bulletin» 2023, № 11 (47), с. 1–5, <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.47.3>.
- Кененбаев Е.Т., *Изменение взаимодействия невербальных и вербальных средств коммуникации в социальной сети интернета*, «Ўзбекистонда хорижий тил-лар» 2020, № 2 (31), с. 80–90, <https://doi.org/10.36078/1588575386>.

²⁹ Е.С. Пигина, *Смайлик как элемент эмоционального воздействия в организации общения в сети Интернет*, «Филологические науки. Вопросы теории и практики» 2013, № 11 (29): в 2-х ч., ч. II, с. 145.

- Кольцова Е.А., Карташкова Ф.И., *Мультимодальный характер цифровой коммуникации: функционирование эмодзи в межличностном общении*, «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика» 2022, т. 13, № 3, с. 769–783.
- Космарская И.В., *Формирование строевых элементов письменной интернет-речи (на материале смайлика и эмодзи)*, «Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» 2021, № 3 (845), с. 110–121, https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_3_845_110.
- Крейдлин Г.Е., *Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык*, Изд-во «Новое литературное обозрение», Москва 2002, 581 с.
- Лабунская В.А., *Не язык тела, а язык души! Психология невербального выражения личности*, Феникс, Ростов-на-Дону 2009, 342 с.
- Морозов В.П., *Невербальная коммуникация: экспериментально-психологические исследования*, 2-е изд., Институт психологии РАН, Москва 2019, 528 с.
- Пигина Е.С., *Смайлик как элемент эмоционального воздействия в организации общения в сети Интернет*, «Филологические науки. Вопросы теории и практики» 2013, № 11 (29): в 2-х ч., ч. II, с. 144–146, <https://www.gramota.net/article/phil20131838/fulltext> [дата обращения: 12.04.2026].
- Пиз А., Пиз Б., *Новый язык телодвижений. Расширенная версия*, перевод с английского Н. Романовой, ИздЭксмо, Москва 2006, 416 с.
- Смагина Е.С., *Невербальные способы воздеятвенности в интернет-коммуникации*, «Метеор-Сити. Наука развития» 2017, № 2, с. 58–62, <https://cyberleninka.ru/article/n/neverbalnye-sposoby-vozdeystvennosti-v-internet-kommunikatsii> [дата обращения: 13.04.2026].
- Стернин И.А., *Основы речевого воздействия. Учебное издание*, Истоки, Воронеж 2012, 178 с.
- Турко У.И., *Смайлик, эмотикон и эмодзи как невербальные средства общения в интернет-коммуникации*, «Филологические науки. Вопросы теории и практики» 2024, т. 17, вып. 9, с. 3005–3011, <https://doi.org/10.30853/phil20240427>.
- Birdwhistell R.L., *Kinesics and Context: Essays on Body Motion Communication*, University of Pennsylvania Press, Philadelphia 1970, 338 p.
- Breton P., *L'homme communicant, une nouvelle utopie?*, «Sciences Humaines» 1992, no. 18, pp. 34–37.
- Broni K., *Draft Emoji List for 2026-27*, «Emojipedia» 2026, <https://blog.emojipedia.org/draft-emoji-list-for-2026-2027/> [дата обращения: 23.02.2026].
- Churches O., Nicholls M., Thiel M., Keage H., Kohler M., *Emoticons in mind: An event-related potential study*, “Social Neuroscience” 2014, no. 9 (2), pp. 196–202, <https://doi.org/10.1080/17470919.2013.873737>.
- Dhawan E., *Digital Body Language: How to Build Trust and Connection, No Matter the Distance*, St. Martin's Press, New York 2021, 288 p.
- Gazzaniga M.S., Heatherton T.F., Halpern D.F., *Psychological Science*, 5th ed, W.W. Norton & Company, New York 2015, 864 p.
- Heslin R., *Steps toward a taxonomy of touching*, Paper presented at the meeting of the Midwestern Psychological Association, May, Chicago 1974, <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED103690.pdf> [дата обращения: 14.04.2026].

- Matsumoto D., Hwang H.C., Frank M.G., *Nonverbal Communication: Science and Applications*, SAGE Publications, Thousand Oaks 2022, 336 p.
- Mehl M.R., Vazire S., Ramírez-Esparza N., Slatcher R.B., Pennebaker J.W., *Are Women Really More Talkative Than Men?*, "Science" 2007, vol. 317, no. 5834, p. 82, <https://doi.org/10.1126/science.1139940>.
- Mehrabian A., *Nonverbal Communication*, Routledge, New York 2017, 238 p., <https://doi.org/10.4324/9781351308724>.
- Mehrabian A., *Silent Messages: Implicit Communication of Emotions and Attitudes*, Wadsworth, Belmont 1971, 152 p.
- Mehrabian A., *Silent Messages: Implicit Communication of Emotions and Attitudes*, Wadsworth, Belmont 1981, 196 p.
- The SAGE Handbook of Nonverbal Communication*, eds. V. Manusov, M. Patterson, 2nd ed., SAGE Publications, Thousand Oaks 2023, 616 p.
- Unicode Consortium (2026), Unicode Home Page, <https://home.unicode.org/> [дата обращения: 25.03.2026].

Резюме

Статья посвящена исследованию невербальных средств коммуникации в условиях цифровизации современного коммуникативного пространства (на материале Рунета). Приводится краткий теоретический обзор трансформации научных исследований от классических теорий невербалики (А. Мехрабиан, А. Пиз) к современным концепциям «цифрового языка тела». В работе описывается классификация цифровых субститутов традиционных невербальных средств общения, использующихся в социальных сетях (ВКонтакте, Одноклассники, Facebook). Традиционные невербальные компоненты коммуникации не исчезают, а адаптируются к интерфейсам платформ, превращаясь в разветвленную систему графических знаков.

Ключевые слова: социальные медиа, невербальные средства коммуникации, эмодзи, смайлики, Рунет

Nonverbal Means of Communication in Social Media (based on material from the Russian Internet)

Abstract

The article is devoted to the study of nonverbal means of communication in the context of the digitalization of contemporary communicative space (based on material from the Russian Internet). It provides a brief theoretical overview of the transformation of scholarly research from classical theories of nonverbal communication (A. Mehrabian, A. Pease) to contemporary concepts of "digital body language." The paper presents a classification of digital substitutes for traditional nonverbal means of communication used in social media platforms (VKontakte, Odnoklassniki, Facebook). Traditional nonverbal components of communication do not disappear; rather, they adapt to platform interfaces, transforming into an elaborate system of graphic signs.

Keywords: social media, nonverbal means of communication, emoji, emoticons, the Russian Internet

Егор Конев / Egor Konev
doktorant, Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie
<https://orcid.org/0009-0003-7440-9108>
egorkonev1970@gmail.com

Образ Польши в древнерусских литературных памятниках XII–XVI веков

Введение

С эпохи раннего Средневековья упоминания о Польше и поляках неоднократно присутствовали в летописях Древней Руси (XII–XVI века), а затем и в литературных памятниках Русского царства (1547–1721 годы). Трансформация оценок Польши и ее правителей находилась в сильной зависимости от политической ситуации, которая была обусловлена географическим соседством двух крупнейших славянских народов, историей их взаимодействия, а также разными моделями государственного развития – избирательной монархии с одной стороны и автократии с другой. По справедливому замечанию белорусского историка Тадеуша Кручковского,

Польша являлась для России [...] не только соседкой, но и выступала как важнейший политический, военный, а также и цивилизационный соперник и как центр передачи западного влияния¹.

В контексте данного исследования представляется важным рассмотрение истоков формирования представлений о Польше от первого упоминания о поляках в *Повести временных лет* до создания негативного стереотипа

¹ Т.Т. Кручковский, *История Польши и польский вопрос в России в оценке А.С. Будиловича*, „Zeszyty Naukowe Ostrołęckiego Towarzystwa Naukowego” 2022, nr XXXVI, s. 11.

«басурман» в посланиях русского царя Ивана IV. Данный стереотип, обусловленный чередой неудач русского царя на западном направлении своей внешней политики, оказывал деструктивное влияние на представление о Польше и поляках в русском общественном мнении в последующие столетия, а его отголоски можно обнаружить даже сегодня в российской блогосфере.

Вместе с тем, в правление Ивана IV, который культивировал негативный образ Польши, были зафиксированы первые признаки влияния польской материальной и духовной культуры на образованную часть русского общества.

Различные аспекты восприятия в русском общественном мировоззрении Польши как соседа, противника и культурного партнера рассматривались в научных трудах таких ученых, как Марек Барански, Владимир Васильев, Василий Ключевский, Тадеуш Кручковский, Александр Липатов, Владимир Петрухин и др. Тем не менее, до сих пор не были выявлены основные характеристики образа Польши в древнерусских памятниках литературы, а также истоки и причины радикальной трансформации образа Польши в конце XVI века, что придает актуальность данному исследованию.

Исходя из вышеизложенного, целью данного исследования является выявление наиболее существенных характеристик оценки Польши и поляков в древнерусских литературных памятниках XII–XVI веков. В качестве методов научного исследования используются теоретический анализ и обобщение.

Ляхи в древнерусском летописании XII–XIII веков

Первое упоминание о поляках присутствовало в *Повести временных лет*². В этом памятнике древнерусской литературы появление поляков датировано периодом после Вавилонского столпотворения, когда из племени Иафета (третьего сына Ноя) выделились славяне, которые первоначально жили по берегам реки Дунай на землях Венгрии и Болгарии, но затем под натиском валахов часть славян ушла на север, где образовались новые народности:

Когда волохи напали на славян дунайских, и поселились среди них, и притесняли их, то славяне эти пришли и сели на Висле и прозвались ляхами, а от тех ляхов пошли поляки, другие ляхи – лутичи, иные – мазовшане, иные – поморяне³.

² Наиболее ранняя из сохранившихся древнерусских летописей. Предполагается, что была написана в Киеве в 1110-х годах монахом Нестором Печерским.

³ *Повесть временных лет*, Наука, Санкт-Петербург 1996, с. 56. Здесь и далее перевод с церковно-славянского языка Д.С. Лихачева.

По мнению историка В. Васильева, поскольку *ляхи* были указаны в *Повести временных лет* в качестве основного народа, то данный термин в территориально-политическом значении станет основным в древнерусском летописании, в то время как названия остальных польских народностей переместились на языковую периферию⁴.

Первым польским правителем, описанным в *Повести временных лет*, был князь Болеслав I Храбрый, который в 1018 году во главе своей дружины явился на помощь зятю – киевскому князю Святополку Владимировичу. Летописец отмечал находчивость польского князя, который в канун битвы с другим претендентом на киевский трон – князем Ярославом Владимировичем – использовал нанесенное ему оскорбление для мотивации своих воинов на победу:

И был у Ярослава кормилец и воевода, именем Буда, и стал он укорять Болеслава, говоря: «Проткнем тебе колом брюхо твое толстое». Ибо был Болеслав велик и тяжек, так что и на коне не мог сидеть, но зато был умен. И сказал Болеслав дружине своей: «Если вас не унижает оскорбление это, то погибну один». Сев на коня, въехал он в реку, а за ним воины его. Ярослав же не успел исполниться, и победил Болеслав Ярослава⁵.

Таким образом, первое упоминание о поляках в русском летописании носило нейтральный информативный характер, а в первом описании польского политического деятеля отмечались его незаурядная внешность и находчивость.

Сдержанные и стилистически нейтральные оценки Польши и ее предводителей были характерны и более поздним древнерусским летописям. Это объяснялось тем, что, по мнению историка Бориса Рыбакова, древнеславянским народностям было характерно осознание этногенетической общности, при которой отношения с соседями понимались не в категории «свой-чужой», а диктовались «соображениями постоянного соседства славянских родичей и непостоянной политики их предводителей»⁶.

Так, для Лаврентьевской летописи⁷ характерны сдержанные оценки при описании языческого восстания в Польше в 1030 году («В то же время умер Болеслав Великий, и был мятеж в земле Ляшской: восстав, люди перебили епископов и попов и бояр своих...»⁸), похода русских князей на

⁴ В.Л. Васильев, *Ляхи и поляки в языковой истории Новгородской земли*, „Rozprawy Komisji Językowej” 2018, t. LXVI, s. 514.

⁵ *Повесть временных лет...*, с. 206.

⁶ Б.А. Рыбаков, *Язычество древней Руси*, Наука, Москва 1987, с. 78.

⁷ Известна в единственном пергаменном списке 1377 года. Название получила по имени основного писца – монаха Лаврентия.

⁸ *Лаврентьевская летопись*, Ростов, Санкт-Петербург 2017, с. 51. Здесь и далее перевод с церковно-славянского языка Г.М. Прохорова.

запад в 1031 году («Ярослав и Мстислав, собрав воинов многих, пошли на ляхов...»⁹) и др. В Первой Новгородской летописи¹⁰ поляки также оцениваются нейтрально при описании событий 981 года («пошел Владимир на ляхов, и пожег города их»)¹¹, 1073 года («Изяслав же ушел в землю Ляшскую со многим богатством, говоря, что «этим найду воинов». Все это ляхи отняли у него и выгнали его»)¹² и др. Безоценочная констатация фактов характерна для Галицко-Волынской летописи¹³ в описании событий 1204 года («... и пришли ляхи на Владимир, и отворили им ворота владимирцы... Ляхи попленили весь город...»¹⁴), 1229 года («Убит был Лестько, великий князь Ляшский, был он убит на сейме...»¹⁵), 1284 года («Поклялись друг другу русские и ляхи: если после этого между ними будет уособица, то не брать ляхам русской челяди, а русским – ляшской»¹⁶) и др.

Свидетельством тому, что Польша и ее народности находились на периферии государственных и торговых интересов Древней Руси, служит тот факт, что этноним *лях/ляхи*, равно как и любые указания на поляков, отсутствует в сохранившихся коллекциях древнерусских грамот (включая берестяные грамоты Новгорода и Пскова, долговые и семейные послания, а также записи о торговых операциях X–XIV веков)¹⁷.

Таким образом, в XII–XIII веках, когда Польша и княжества Древней Руси находились на ранней стадии формирования государственности, оценки деятельности польских правителей в древнерусских летописях носили преимущественно сдержанный, нейтральный характер. Из всех народностей, населявших польские земли в этот период, наиболее часто употребляемым этнонимом в территориально-политическом значении являлся *ляхи*, который был характерен древнерусскому летописанию и практически отсутствовал в других сохранившихся письменных источниках Древней Руси.

⁹ *Лаврентьевская летопись...*, с. 51.

¹⁰ Предположительная дата написания: XIII век.

¹¹ *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, Издательство Академии наук СССР, Москва–Ленинград 1950, с. 17. Здесь и далее перевод с церковно-славянского языка М.Н. Тихомирова.

¹² Там же, с. 261.

¹³ Дата написания – XIII век.

¹⁴ *Галицко-Волынская летопись*, Наука, Санкт-Петербург 1997, с. 215. Здесь и далее перевод с церковно-славянского языка О.П. Лихачевой.

¹⁵ *Галицко-Волынская летопись...*, с. 216.

¹⁶ Там же, с. 229.

¹⁷ *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*, Издательство Академии наук СССР, Москва–Ленинград 1949, с. 61.

Басурмане в полемических посланиях Ивана Грозного

Со второй половины XV века активизировался политический процесс подчинения древнерусских княжеств правителями Москвы (с 1363 года – Великого княжества Московского), который оказывал существенное влияние на формирование национальных характеристик русского народа и собственного ему самосознания. В сфере государственного устройства, по мнению историка Льва Гумилева, московские великие князья заимствовали у Византии и Золотой Орды исторический опыт и методы автократического управления¹⁸. В Польше в этот период складывалась иная с политико-правовой точки зрения государственная модель, которая, по мнению польского историка Ежи Топольского, определялась влиянием «римского права» в законодательстве, духовной культурой католичества и, вместе с тем, религиозной веротерпимостью¹⁹. И поскольку обе державы активно расширяли свои пределы в восточноевропейском регионе, столкновение между ними было неизбежным.

С конца XV века Великое княжество Московское (с 1547 года – Русское царство) вступило в череду войн с Великим княжеством Литовским, которым на правах личной унии с 1385 года (с перерывами) правили польские короли. Итогом стали утрата Великим княжеством Литовским 1/3 территорий и угроза полного завоевания Москвой²⁰. Заключение 1 июля 1569 года Люблинской унии (союза между Королевством Польским и Великим княжеством Литовским) положило начало новому витку Ливонской войны (1558–1583 годы) между федерацией Речь Посполитая и Русским царством²¹.

Изменившаяся геополитическая ситуация обусловила появление отрицательных характеристик Польши и ее правителей в русских литературных памятниках второй половины XVI века. В первую очередь речь идет об эпистолярном наследии первого русского царя Ивана IV Васильевича²².

Если в эпоху Раннего Средневековья раскол христианства в 1054 году не оказывал существенного влияния на представление правящих династий и народов польских и древнерусских земель друг о друге, то в середине 1560-х годов ситуация меняется. Поражения, которые начали терпеть

¹⁸ Л.Н. Гумилев, *Ом Руси к России*, Наука, Москва 1992, с. 126.

¹⁹ J. Topolski, *Historia Polski*, Wydawnictwo Poznańskie, Poznań 2015, s. 225.

²⁰ А.Е. Тарас, *Войны Московской Руси с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой в XIV–XVII вв.*, АСТ : Харвест, Москва–Минск 2006, с. 80.

²¹ В.Д. Корольюк, *Ливонская война. Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в.*, Издательство Академии наук СССР, Москва 1954, с. 42.

²² В 1533–1547 годах – великий князь московский, в 1547–1584 годах – царь. За репрессивные методы управления получил прозвище Иван Мучитель, которое позже в официальной российской историографии было заменено на Иван Грозный.

русские войска на землях Прибалтики, сподвигли царя Ивана Грозного заявить о невозможности мирного сосуществования православия и католичества. Во многом мировоззрение Ивана Грозного определялось стремлением к укреплению абсолютизма и поэтому влияние католической церкви на государственную политику, как это имело место в Европе, казалось ему кощунственным²³.

Враждебное отношение Ивана Грозного к католичеству дало ему основание заявить в *Первом послании князю Андрею Курбскому* (5 июля 1564 года) об отсутствии христианства на землях Польского королевства и Великого княжества Литовского: «Если же ты возразишь, что мы тоже воюем с христианами, то это совсем не то... Сейчас, как нам известно, в этих странах нет христиан...»²⁴. Также в послании Ивана Грозного подверглась уничижительной критике система выборности королей Польши, которая ограничивала власть монарха («Поэтому ты и нашел себе такого государя, который... хуже последнего раба – от всех получает приказания, а сам никем не повелевает»), а также неэффективное судопроизводство («Кто оградит тебя от насилий или защитит от обидчиков, если даже сиротам и вдовицам не внемлет суд...»²⁵).

Негативный образ Польши и ее аристократии присутствует и в других посланиях Ивана Грозного, в том числе от имени собственных бояр, что должно было придавать его мнению характер общественного. Так, в *Послании Сигизмунду II Августу от имени князя Ивана Дмитриевича Бельского* (2 июля 1567 года) утверждалось, что польская аристократия всегда была склонна к изменам: «Ты же, брат наш, советуешь нам поступить по обычаю твоих панов: они ведь привыкли служить тебе изменнически»²⁶. В *Послании Григорию Ходкевичу от имени князя Ивана Петровича Федорова* (6 августа 1567 года) отличительным качеством польской знати указана аморальность: «...вы, пан Григорий, добываете у своего государя высокие чины, заботясь о девках для государевой спальни и развлекаясь с ним скоморошеством»²⁷. В *Послании Григорию Ходкевичу от имени князя Михаила Ивановича Воротынского* (20 июля 1567 года) сделанный в XI веке выбор польской правящей элиты в пользу католичества трактовался как вероотступничество:

²³ См. А. Поссевино, *Исторические сочинения о России XVI века*, Издательство МГУ, Москва 1983, с. 136.

²⁴ *Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским*, Наука, Ленинград 1979, с. 44. Здесь и далее текст цитируется в переводе с древнерусского языка Я.С. Лурье.

²⁵ Там же, с. 53.

²⁶ *Послания Ивана Грозного*, Издательство Академии наук СССР, Москва–Ленинград 1951, с. 423. Здесь и далее текст цитируется в переводе с древнерусского языка Я.С. Лурье.

²⁷ Там же, с. 440.

Не следует вам вспоминать и о том, что Господь объединил нас всех своей святой кровью, ибо вы уже много лет тому назад латинской ересью разорвали это объединение и ныне... присоединились к антихристу... и ныне стали худшими врагами Бога, чем басурмане, и лживо носите на себе христианское имя...²⁸

Отождествление поляков с *басурманами* имело глубоко символическое значение, поскольку данным термином в значении «иноверцев, отступивших от бога»²⁹ наделялись татаро-монголы, которые поработили Древнюю Русь в XIII веке. Навязывая термин *басурмане* польским государственным деятелям, Иван Грозный приписал им качества лицемеров, которые внешне привержены христианству, но в действительности служат Антихристу, поскольку только дьявол, по его мнению, мог заставить поляков отказаться от власти православного царя, «помазанника Божьего»³⁰.

Критика западных *басурман* ослабла в середине 1570-х годов, когда после смерти первого короля Речи Посполитой Сигизмунда II Августа русский царь Иван Грозный предпринимал дипломатические усилия для своего избрания на вакантный трон³¹. Однако в 1576 году королем Речи Посполитой был избран князь Трансильвании Стефан Баторий, который нанес ряд поражений русским войскам и перенес военные действия на территорию Русского царства³².

Эти новые военные неудачи сподвигли русского царя в *Послании польскому королю Стефану Баторию* (10 сентября 1581 года) гневно обвинить его в *басурманстве*, поскольку княжество Трансильвания, где родился и правил Стефан Баторий, являлось вассалом Османской империи, то есть подчинялось мусульманскому султану. В том же послании Иван Грозный утверждал, что идеи Реформации, которые в этот период активно распространялись в Речи Посполитой, имеют своей целью уничтожение христианства³³.

В итоге нельзя не согласиться с историком В. Мочаловым в том, что сущность полемических утверждений Ивана Грозного сводилась к тому, что «польское государство в целом и лично польский король выступали как нарушители божественного миропорядка, а следовательно, оказывались

²⁸ *Послания Ивана Грозного...*, с. 436.

²⁹ А.В. Терещенко, *Быт русского народа*, Институт русской цивилизации, Москва 2014, с. 92.

³⁰ А.В. Липатов, *Польша в русском восприятии*, «Вестник Европы» 2015, № 42–43, с. 317.

³¹ См. К. Ерусалимский, *На службе короля и Речи Посполитой*, Нестор-История, Москва–Санкт-Петербург 2018, с. 596.

³² См. Р. Гейденштейн, *Записки о Московской войне (1578–1582)*, Издание Археографической комиссии, Санкт-Петербург 1889, с. 156.

³³ *Послания Ивана Грозного...*, с. 399.

вне пределов христианской системы ценностей»³⁴. И с конца 1560-х годов данные утверждения активно укоренились в русском общественном сознании, так как царские послания публично зачитывались в церквях и обладали непререкаемым авторитетом³⁵.

Лютый змей и самолучший татарин в древнерусском народном творчестве в конце XVI века

О том, как быстро укоренялся в русском письменном творчестве отрицательный стереотип поляков свидетельствует один из сохранившихся литературных памятников этой эпохи – *Повести о прихождении Стефана Батория на град Псков*³⁶. В этом произведении монарх Речи Посполитой характеризовался как «безбожный король», «неистовый зверь и неуголимый аспид», «всегда был рад кровопролитию»³⁷ и др., а его воины – «волки, всегда готовые к кровопролитию», «пожирающие трупы псы»³⁸ и др. Наличие данных эпитетов было призвано создать в сознании читателей и слушателей идейную доминанту, в рамках которой осада Пскова представляло не столько военным событием, сколько метафорой битвы за идеалы христианства с иноверцами.

Данную метафору углубляло сравнение короля Стефана Батория с мифическим Змеем:

как лютый великий змей ... полетел к Пскову... Аспидов же своих... из утробы извергнутыми остатками хвалился насытить. И так все, как змеи на крыльях, летели к Пскову и высокомерием своим, как крыльями, повалить его хотели³⁹.

В данном контексте защита Пскова уподоблялась битве Святого Георгия со Змеем, которая являлась важным мифом в системе русского мировоззрения. Через олицетворение со Змеем королю Стефану Баторию приписывалась функция предтечи Антихриста, победа которого предполагала гибель не только Руси, но и всего мира.

³⁴ В. Мочалов, *Польская тема в русских памятниках XVI в.*, [в:] *Поляки и русские в глазах друг друга*, Индрик, Москва 2000, с. 36.

³⁵ К. Валишевский, *Иван Грозный*, Сфинкс, Москва 1912, с. 214.

³⁶ Написана в 1580-х годах жителем Пскова иконописцем Василием. Посвящена осаде русского города Пскова войсками Стефана Батория. Неудачная осада побудила короля Речи Посполитой заключить в 1582 году мир с Русским царством.

³⁷ *Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков*, Издательство Академии наук СССР, Москва–Ленинград 1952, с. 27–28. Здесь и далее перевод с церковно-славянского языка В.И. Малышева.

³⁸ Там же, с. 35–36.

³⁹ Там же, с. 68.

Отрицательное отношение к личности второго короля Речи Посполитой получило распространение и в народном творчестве, о чем свидетельствует запись в Олонецкой губернии исторической песни, которая датируется концом XVI века и была посвящена осаде Пскова. В ней эпитетами «Степан земли Полоцкой / Собака царя Крымского» и «самолучший татарин»⁴⁰ подчеркивалась вассальная зависимость от турецкого султана Стефана Батория в бытность его трансильванским князем. Таким образом, в сознании русских слушателей и читателей формировалось представление об антихристианской составляющей в деятельности политических противников русского царя.

Влияние польской духовной и материальной культуры на русское общественное сознание в XVI веке

Наряду с демонстративным принятием официальной критики Польши, в образованной части русского общества (крайне немногочисленной в эту эпоху) наблюдалось стремление к заимствованию польских духовных и материальных ценностей. В первую очередь это касалось русских торговых и государственных деятелей, которые имели возможность лично ознакомиться с культурой Польши.

Примерами заимствования образцов польской духовной и материальной культуры служат свидетельства Самуила Маскевича и Станислава Немоевского.

В своем *Дневнике*, написанном в первой половине XVII века, Самуил Маскевич ссылался на беседу с русским князем Федором Головиным, который поведал, что в правление Ивана Грозного польский купец привез в Москву целый воз книг:

Узнав об этом, царь приказал принести ему часть этих книг, которые были, по его мнению, столь мудры, что и сам царь в них ничего не понимал; опасаясь, как бы люди не научились их понимать, он... приказал бросить их в огонь⁴¹.

Судя по тому, что рассказчик демонстрировал С. Маскевичу уцелевшие экземпляры этих книг, нетрудно предположить, что царский приказ не был тщательно исполнен, и напечатанная в Польше литература разошлась по Москве и за ее пределами.

⁴⁰ И.П. Сахаров, *Песни русского народа*, Типография Сахарова, Санкт-Петербург 1838, с. 346–347.

⁴¹ S. Maskiewicz, B.K. Maskiewicz, *Pamiętniki Samuela i Bogusława Kazimierza Maskiewiczów (wiek XVII)*, oprac. A. Sajkowski, red. W. Czapliński, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wrocław 1961, s. 156.

Станислав Немоевский в своих *Записках* рассказывал о доме, построенном в Москве по польскому образцу:

При Великом князе Иване один боярин, будучи послом в Польше, присматривался к нашему строительству, и вернувшись домой, велел поставить себе дом из тесаного дерева; узнав об этом, Великий князь приказал людям весь этот дом, забросавши грязью, разломать⁴².

Явным свидетельством недоверия официальной трактовке Польши и царящих в ней порядков служило бегство в ее пределы из Русского царства первопечатника Ивана Федорова, князей Семена Бельского, Ивана Ляцкого, Андрея Курбского и др. Одной из причин, побуждавших к побегу в Польшу и Литву, служило, по утверждению князя Андрея Курбского, «преобладание закона над прихотью монарха»⁴³.

Эти примеры свидетельствовали о наметившейся тенденции раскола во взглядах на Польшу высшей русской власти и части образованного русского общества. В последующие столетия данный раскол будет лишь углубляться, но при этом подавляющая часть русского общества продолжит демонстрировать безоговорочное согласие с воззрениями высшей власти на «польский вопрос».

Заключение

На основании вышеизложенного можно утверждать, что стилистически нейтральные оценки Польши и ее правителей в древнерусском летописании в XII–XIII веках объясняются, во-первых, осознанием этногенетической общности славянских племен, а во-вторых, отсутствием серьезных взаимных территориальных претензий в период, когда Польское королевство и княжества Древней Руси находились на ранней стадии формирования своей государственности.

Ситуация меняется во второй половине XVI века, когда в процессе расширения своих пределов в восточноевропейском регионе и развития разных политико-правовых систем произошло военное столкновение Польши и Московской Руси. Поражения в Ливонской войне 1558–1583 годов и неудача в борьбе за трон Речи Посполитой Побудили первого русского царя Ивана IV к насаждению в общественном сознании отрицательного образа Польши, ее монархов и государственных деятелей. В своих полемических посланиях русский царь распространил на поляков термин

⁴² *Записки Станислава Немоевского (1606–1608)*, Александрия, Рязань 2007, с. 247.

⁴³ С. Горский, *Жизнь и историческое значение князя Андрея Михайловича Курбского*, Издание книгопродавца Ивана Дубровина, Казань 1858, с. 239.

басурмане, которым прежде на Руси характеризовались противники христианства.

Непреерекаемый авторитет царских посланий способствовал тому, что отрицательный образ поляков и их правителей получил воплощение в древнерусском народном творчестве, о чем свидетельствуют литературные памятники конца XVI века.

Вместе с тем, уже во второй половине XVI века были зафиксированы факты влияния польской духовной и материальной культуры на просвещенную часть русского общества, вследствие чего между ней и высшей властью намечился мировоззренческий раскол в суждениях о Польше.

Литература

- Валишевский К., *Иван Грозный*, Сфинкс, Москва 1912, 416 с.
- Васильев В.Л., *Ляхи и поляки в языковой истории Новгородской земли*, „Rozprawy Komisji Językowej” 2018, t. LXVI, s. 509–522.
- Галицко-Волынская летопись*, перевод и комментарии О.П. Лихачевой, Наука, Санкт-Петербург 1997, 515 с.
- Гейденштейн Р., *Записки о Московской войне (1578–1582)*, Издание Археографической комиссии, Санкт-Петербург 1889, 312 с.
- Горский С., *Жизнь и историческое значение князя Андрея Михайловича Курбского*, Издание книгопродавца Ивана Дубровина, Казань 1858, 444 с.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова*, под редакцией С.Н. Валка, Издательство Академии наук СССР, Москва–Ленинград 1949, 592 с.
- Гумилев Л.Н., *От Руси к России*, Наука, Москва 1992, 256 с.
- Ерусалимский К., *На службе короля и Речи Посполитой*, Нестор-История, Москва–Санкт-Петербург 2018, 1010 с.
- Записки Станислава Немоевского (1606–1608)*, подготовка текста А.И. Цепков, Александрия, Рязань 2007, 493 с.
- Королюк В.Д., *Ливонская война. Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в.*, Издательство Академии наук СССР, Москва 1954, 114 с.
- Кручковский Т.Т., *История Польши и польский вопрос в России в оценке А.С. Будиловича*, „Zeszyty Naukowe Ostrołęckiego Towarzystwa Naukowego” 2022, nr XXXVI, s. 10–34.
- Лаврентьевская летопись*, подготовка текста и перевод Г.М. Прохорова, Росток, Санкт-Петербург 2017, 367 с.
- Липатов А.В., *Польша в русском восприятии*, «Вестник Европы» 2015, № 42–43, с. 313–321.
- Мочалов В., *Польская тема в русских памятниках XVI в.*, [в:] *Поляки и русские в глазах друг друга*, Индрик, Москва 2000, с. 33–44.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, под редакцией М.Н. Тихомирова, Издательство Академии наук СССР, Москва 1950, 640 с.

- Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским*, подготовка текста и перевод Я.С. Лурье, Наука, Ленинград 1979, 431 с.
- Повесть временных лет*, подготовка текста, перевод и комментарий Д.С. Лихачева, Наука, Санкт-Петербург 1996, 667 с.
- Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков*, подготовка текста В.И. Малышева, Издательство Академии наук СССР, Москва–Ленинград 1952, 135 с.
- Послания Ивана Грозного*, подготовка текста, перевод и комментарии Я.С. Лурье, Издательство Академии наук СССР, Москва–Ленинград 1951, 715 с.
- Поссевино А., *Исторические сочинения о России XVI века*, перевод, вступительная статья и комментарии Л.Н. Годовиковой, Издательство МГУ, Москва 1983, 272 с.
- Рыбаков Б.А., *Язычество древней Руси*, Наука, Москва 1987, 782 с.
- Сахаров И.П., *Песни русского народа*, Типография Сахарова, Санкт-Петербург 1838, 494 с.
- Тарас А.Е., *Войны Московской Руси с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой в XIV–XVII вв.*, АСТ : Харвест, Москва–Минск 2006, 800 с.
- Терещенко А.В., *Быт русского народа*, Институт русской цивилизации, Москва 2014, 857 с.

- Maskiewicz S., Maskiewicz B.K., *Pamiętniki Samuela i Bogusława Kazimierza Maskiewiczów (wiek XVII)*, opracowanie, wstęp i przypisy A. Sajkowski, redakcja i słowo wstępne W. Czapliński, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wrocław 1961, 332 s.
- Topolski J., *Historia Polski*, Wydawnictwo Poznańskie, Poznań 2015, 384 s.

Резюме

Целью является выявление наиболее существенных характеристик оценки Польши и поляков в древнерусских литературных памятниках XII–XVI веков. В качестве методов научного исследования используются теоретический анализ и обобщение. Выявлено, что в древнерусском летописании оценки Польши и ее правителей носили преимущественно сдержанный, нейтральный характер. Со второй половины XVI века полемические послания первого русского царя Ивана IV навязывали русскому общественному мнению отрицательный образ Польши и ее государственных деятелей. Культивируемый этими посланиями отрицательный образ поляков и их правителей получил распространение в русском литературном творчестве. Наряду с этим, уже в правление Ивана Грозного проявились первые факты влияния польской духовной и материальной культуры на просвещенную часть русского общества.

Ключевые слова: Польша, древнерусское летописание, литературные памятники, Иван Грозный, Стефан Баторий, *ляхи*, *басурмане*

The Image of Poland in Old Russian Literary Monuments of the 12th–16th Centuries

Abstract

The aim of this study is to identify the most significant characteristics of the evaluation of Poland and the Poles in Old Russian literary monuments of the 12th–16th centuries.

The research methods employed include theoretical analysis and generalization. It has been established that in Old Russian chronicles, assessments of Poland and its rulers were predominantly restrained and neutral. From the second half of the 16th century, the polemical letters of the first Russian tsar, Ivan IV, imposed a negative image of Poland and its statesmen on Russian public opinion. The negative image of the Poles and their rulers propagated through these letters became widespread in Russian literary works. At the same time, already during the reign of Ivan the Terrible the first signs of the influence of Polish spiritual and material culture on the educated segment of Russian society became evident.

Keywords: Poland, Old Russian chronicle writing, literary monuments, Ivan the Terrible, Stephen Báthory, *Lyakhi*, *Basurmans*

Егор Конев / Egor Konev
doktorant, Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie
<https://orcid.org/0009-0003-7440-9108>
egorkonev1970@gmail.com

Репрезентация образов Польши и поляков в русской письменности в эпоху Смутного времени (конец XVI – начало XVII веков)

Введение

Почти девять столетий, с XII века и по настоящее время, образ Польши, её правителей и народа находился в сфере внимания русской общественной мысли. Этот интерес был сопряжен с самыми разноречивыми оценками. Некоторые из них становились преобладающими в течение длительных исторических периодов.

Одним из таких ключевых периодов в истории польско-российских отношений стала эпоха Смутного времени¹, которая по-разному оценивается польскими и русскими историками и политиками². В настоящее время, когда

¹ Один из наиболее значительных государственно-политических и социально-экономических кризисов в истории России, который ознаменовался стихийными бедствиями, массовым голодом, многочисленными случаями самозванства, гражданской войной, а также войнами с Речью Посполитой и Шведским королевством.

² Периодизация Смутного времени остаётся вопросом не только хронологии, но и интерпретации сути этого кризиса. Например, российский историк С.Ф. Платонов датировал Смуту 1598–1613 годами (от смерти Федора Ивановича, последнего царя из династии Рюриковичей, до избрания на царство Михаила Романова) (см. С.Ф. Платонов, *Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII веков*, Москва 1995). Историк Р.Г. Скрынников расширял рамки Смуты до окончания войны с Речью Посполитой в 1618 году (см. Р.Г. Скрынников, *Самозванцы в России в начале XVII века*. Григорий

польско-российские взаимоотношения находятся на пике напряжённости, историко-культурный опыт Смутного времени чрезвычайно актуален, поскольку именно в этот период в русской литературной традиции окончательно закрепились зловещие образы Польши и поляков, которые до сих пор используются как в риторике политических деятелей, так и в российском сегменте социальных медиа³.

О том значении, которое придаётся в современной России историческому опыту Смутного времени, свидетельствует празднование с 2005 года 4 ноября как Дня народного единства, установленного «в честь освобождения Москвы от польских интервентов в 1612 году»⁴. В данном контексте события Смуты трактуются как важный этап защиты национального суверенитета и как урок о необходимости всенародной поддержки сильной централизованной власти для защиты от «происков Запада», проводником которого служит Польша.

Целью данного исследования является выявление специфики идейно-концептуального освещения событий Смутного времени через репрезентацию образов Польши и поляков в русских письменных источниках,

Отрепьев, Новосибирск 1987). В польской исторической науке этот период часто именовался *Димитриадами* (*Dymitriady*), которые означали серию военных походов с целью возведения на русский трон Лжедмитрия I (*Первая Димитриада*, 1604–1605 годы) и Лжедмитрия II (*Вторая Димитриада*, 1607–1609 годы) (см. A. Andrusiewicz, *Dzieje Wielkiej Smuty*, Katowice 1999). Историк А. Хиршберг дополнял *Димитриады* периодом Московской кампании 1609–1618 годов (см. A. Hirschberg, *Polska a Moskwa w pierwszej połowie XVII wieku: zbiór materiałów do historii stosunków obu państw*, Lwów 1901).

³ Речь идёт не только о критических высказываниях пресс-секретаря Министерства иностранных дел России Марии Захаровой в адрес Польши за поддержку российской оппозиции, что сравнивалось с подстрекательством к новой Смуте, но об антипольском дискурсе в Рунете, в создание которого внесли значительный вклад такие популярные публицисты и блогеры, как Егор Холмогоров (утверждал, что Смута была первой попыткой Запада применить против России технологии «цветной революции»), Николай Стариков (объяснял Смуту предательством национальных интересов московской элитой), Дмитрий Пучков (трактовал Смуту как попытку Польшу устранить геополитического соперника в Восточной Европе), Владимир Мединский (его книги из серии «Мифы о России» доказывали, что только сплочение русского народа вокруг центральной власти спасло страну от превращения в колонию Польши) и другие. Многолетние нарративы этих и многих других авторов были нацелены на укрепление в российском обществе представлений об «извечной» враждебности Польши по отношению к России.

⁴ Утвержден Федеральным Законом *О Днях воинской славы*, который был подписан Президентом России 29 декабря 2004 года. Данный праздник был призван заменить 7 ноября, который с 1918 года отмечался как *День Великой Октябрьской социалистической революции*, а в 1996–2004 годах – как *День согласия и примирения. День народного единства* восстановил традицию 1649 года, когда царь Алексей Михайлович объявил 22 октября (по старому стилю) *Днем Казанской иконы Божией Матери* в память об избавлении Москвы и России от поляков. Этот праздник отмечался до революции 1917 года.

которые были созданы в конце XVI – начале XVII века и обладали качествами непосредственного свидетельства событий русской истории этого периода, их оценки и обобщений. Под репрезентацией в данном случае понимается «способ производства смысла и опыта через формы представления»⁵. Таким образом, репрезентация как результат представления какого-либо явления через символ или текст создает определенный контекст данного явления, активно конструирует его смысл, в результате чего абстрактное понятие становится доступным через форму, которая его представляет, – в данном случае посредством образов, запечатленных на страницах памятников русской книжной традиции.

Источниковедческой базой исследования послужили летописные своды и хронографы *Новый летописец*, *Бельский летописец* и *Хронограф 1617 года*, *Сказание Авраамия Палицына*, *Послания к русским городам патриарха Гермогена*, а также «статейные списки», опубликованные в серии *Акты Московского государства*.

Дипломатические инициативы и конфессиональное противостояние в зеркале русской письменности конца XVI века

В начале XVII века представление о Польском королевстве и поляках в русском общественном мнении, которое формировалось преимущественно на основе ценностных установок представителей высшей аристократии и иерархов православной церкви, базировалось на сочетании враждебности и страха, явившихся результатом поражения в Ливонской войне (1558–1583 годы) с Речью Посполитой и Швецией

Смерть короля Стефана Батория в декабре 1586 года и ожесточённая борьба политических группировок в период выборов третьего монарха Речи Посполитой сподвигли магнатов Великого княжества Литовского (в первую очередь князей Радзивиллов и канцлера Льва Сапегу) выдвинуть идею унии Польши, Литвы и Русского царства⁶. Завязались дипломатические переговоры, в ходе которых русскому царю Фёдору Ивановичу предложили выдвинуть свою кандидатуру на вакантный трон, а после избрания объединить Речь Посполитую и Русское царство на правах личной унии, гарантировать дворянские вольности и религиозные свободы в пределах двух монархий, а также начать войну против Крымского ханства и Османской империи.

⁵ А.И. Донцов, И.А. Асланов, *Термин «репрезентация» в дискурсе медиаисследователей: попытка концептуализации термина*, «Медиаскоп» 2022, вып. 2, <https://www.mediascope.ru/2769> [дата обращения: 24.12.2025].

⁶ См. J. Wojas, *Unia polsko-rosyjska z 1815 r. na tle unii lubelskiej i projektów unii Rzeczypospolitej i Rosji z XVI i XVII w.*, „Studia Prawa Publicznego” 2017, nr 1 (17), s. 123–141.

Однако переговоры не дали положительных результатов, поскольку Москва отвергла идею федерации двух государств и настаивала на полном подчинении Польши и Литвы власти русского царя. В итоге кандидатура Фёдора Ивановича не была даже официально выдвинута для участия в выборах короля Речи Посполитой⁷.

Данная внешнеполитическая неудача Русского царства была крайне скупо отражена в русских письменных источниках конца XVI века, поскольку литературная традиция этой эпохи ориентировалась на легитимацию высшей власти и, соответственно, избегала сюжета, в котором царь всея Руси мог зависеть от воли иноземцев. По этой причине усилия русской дипломатии были зафиксированы лишь в *Разрядной книге 1475–1605 годов* («Тое же зимы послал царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси посольство к ляхом... промышляти, чтоб его, государя, обрали на королевство Польское и на Великое княжество Литовское»⁸), *Никоновской летописи* («И послаша к ляхом и к литве гонцов с листы, а в листах писано, чтобы они... послов своих присылали для доброго дела и соединенья христианского»⁹), а также в записях *Посольского приказа* («А послы наши, будучи в Польше... говорили, чтоб быть обоим государствам под одною высокою рукою»¹⁰).

Гораздо детальнее и экспрессивнее освещалась в русской письменности этого периода церковная Брестская уния¹¹, которая трактовалась преимущественно как «отступление от веры» под влиянием «латинства» и начало гонений на православных христиан. Так, в грамотах Посольского приказа, которые направлялись из Москвы в Варшаву, уния рассматривалась как нарушение древних прав и свобод («старины» и «правды») православной церкви, а в наказе («статейных списках») главе русского посольства князю Михаилу Салтыкову содержалось царское указание: «Писати к панам-раде, что в их землях чинится небывалое дело: веру греческую, в которой отцы

⁷ См. J. Malec, *Szkice z dziejów federalizmu i myśli federalistycznej w czasach nowożytnych. Unia Troista*, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków 1999, 173 s.

⁸ *Разрядная книга 1475–1605 гг.*, т. 3, ч. 2, сост. Н.Г. Савич, Наука, Москва 1984, с. 116.

⁹ *Новый летописец*, [в:] *Полное собрание русских летописей*, т. 14, Языки русской культуры, Москва 2000, с. 39.

¹⁰ *Посольская книга по связям России с Польшей (1587–1600 гг.)*, Институт российской истории Российской Академии наук, Москва 1994, с. 119.

¹¹ Решение ряда епископов Киевской митрополии Константинопольской православной церкви о переходе в подчинение папе римскому с одновременным сохранением богослужения византийской литургической традиции на церковнославянском языке. Акт о присоединении к Римско-католической церкви был подписан в Риме 23 декабря 1595 года и утверждён в Бресте 19 октября 1596 года. Церковная уния распространилась на белорусских землях Великого княжества Литовского и украинских землях Польского королевства, которые с 1569 года образовали федерацию Речь Посполитая.

их жили, ныне разоряют и людей к своей папешской вере неволею приводят...»¹². На страницах *Нового летописца*¹³ утверждалось, что православные в Речи Посполитой, которые отказались признать унию, подвергались насилию: «И бысть в Литве православным христианам великое стеснение и гонение: церкви их запечатываху, а священников к латинской службе нудяху, и за то многую кровь проливаху»¹⁴. Подобные трактовки в будущем послужат русским царям обоснованием в необходимости защиты единоверцев на землях Речи Посполитой с помощью военной силы.

Таким образом, если во второй половине XVI века в посланиях царя Ивана Грозного опаснейшей «ересью», которая распространялась из Польши на восток, указывалось лютеранство, то с этого момента и на следующие четыре столетия главной мишенью русской официальной полемической литературы становится католичество. Если в период и после окончания Ливонской войны (1558–1583 годы) «польские и литовские люди» олицетворялись с «басурманами» (безбожниками), то после Брестской унии характеристику злейших врагов православной Руси получили «латиняне» (католики).

Семантика вражды: аксиологические характеристики «ляхов» и «латинян» как «бича Божьего» в русском летописании Смутного времени

Начало XVII века в русской истории ознаменовалось началом Смутного времени, которое можно с полным основанием считать пиком негативно-го, конфессионально окрашенного и политизированного отношения русского национального сознания к Польше и полякам. В эту эпоху «ляхи» (так согласно традиции русского летописания продолжали именоваться жители Польши) и «латиняне» служили как основной причиной системного кризиса русского государства и общества, так и объяснением этой причины, поскольку являлись «бичом Божьим» за грехи русского народа.

Со второй половины 1600-х годов в лексиконе русских летописцев и публицистов наряду с такими терминами, как «нестроение» (означало «отсутствие строя», то есть хаос в управлении и раздор между сословиями), «скорбь» и «теснота» (состояние крайней нужды и нищеты, тяжелого

¹² Памятники дипломатических сношений с Польско-Литовским государством (с 1587 по 1598 год), [в:] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. 10, Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, Санкт-Петербург 1890, стб. 833. [Текст нумеруется по столбцам, а не по страницам].

¹³ Важнейший летописный свод XVII века, который завершил собой традицию русского летописания.

¹⁴ *Новый летописец*..., с. 48.

душевного состояния народа), широкое распространение получают такие характеристики поляков и союзных с ними «литовских людей» (подданные Великого княжества Литовского), как «прегордые ляхи», «разорители», «хищники», «мучители», «лукавые прельстители», «безбожные папешники» и другие. Подобные термины в большом количестве встречались на страницах *Нового летописца*, который отражал официальную точку зрения на события Смутного времени, а также *Пискарьевского летописца*, *Бельского летописца*, *Хронографа 1617 года* и других литературных памятников этой эпохи.

Например, в летописной повести *Иное сказание* (другое название – *Повесть о ростриге*) значительное внимание уделялось «лукавству» короля Речи Посполитой Сигизмунда III Вазы и его советников, которые якобы использовали Лжедмитрия I для разрушения Российского царства:

Король же Сигизмунд и паны-рада, видя таковое нежданное пришествие врага Божия и разорителя веры христианской, возрадовашася радостью велиею и начаша с ним советы творити, како бы им в Московское государство войти. И прельстили людей русских своим коварством, яко лисицы лукавые, и через того злого ростригу сотворили великое нестроение и мятеж во всей Русской земле, хотяще истинную веру православную искоренити и свою латинскую ересь утвердити¹⁵.

Понятие «прельщение коварством» в данном контексте являлось категорией, посредством которой русские книжники объясняли успех интервентов, полагая, что победа поляков была результатом не их воинской доблести, но «дьявольского лукавства» и греховности самих русских людей, поддавшихся обману и принявших беглого монаха Григория Отрепьева за подлинного царевича Дмитрия.

Такие важнейшие события Смутного времени, как правление Лжедмитрия I (1605–1606 годы), воцарение и крах Василия Шуйского (1606–1610 годы), приглашение «семибоярщиной» на русский трон польского королевича Владислава в 1610 году и многих других нашли на страницах *Нового летописца* своё отражение и, в то же время, тенденциозную и субъективную оценку. Так, проект Сигизмунда III об объединении Речи Посполитой и Русского царства на правах личной унии под властью своего сына Владислава автор *Нового летописца* объяснял намерением этого монарха уничтожить православие и насадить на Руси католицизм («римскую веру»):

Придоша бо под царствующий град Москву лютые враги, польские и литовские люди, и с ними многие изменники, русские воры, хотяще святую веру

¹⁵ *Иное сказание*, [в:] *Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени*, т. 13, Издательство Академии наук СССР, Ленинград 1925, стб. 16–17.

греческую разорити и свою латинскую веру утвердити, и Московское государство в конечное запустение привести¹⁶.

Безымянный автор *Бельского летописца* полагал, что вступление польско-литовского гарнизона в Кремль и разорение Москвы в 1611 году преисполнили врагов грехом гордыни, который, как всякий грех, сулил им неизбежную гибель:

Поляки же и литва, живуще в Москве, бяху прегорды и высоки умом, и над людьми московскими ругахуся, и веру нашу православную во многая прелести порицаху. И во входах во святяя Божия церкви со оружием и в шапках вхождаху, и великое бесчинство чиняху¹⁷.

С этого времени выражение «прегордые ляхи» надолго становится характеристикой польской шляхты, а тщеславие и высокомерие, порождённое военными успехами далёких предков, — чертами национального характера поляков.

Авторы летописного *Хронографа 1617 года*¹⁸ характеризовали поляков как мастеров обмана, сравнивая их с *лукавыми лисицами*, которые «лукавым своим мудрованием всех прообманили» и действуя не столько военной силой, сколько «прелестью» (обманом), разрушали Русское государство изнутри. «Свирепые люди польские и литовские» на страницах *Хронографа 1617 года* выступали в роли орудия Божьего гнева, который был вызван моральным падением русского общества:

И за сие наше безумное молчание и за вся злая дела наша попусти Господь на ны бич Свой: придоша бо на ны иноплеменицы, людие свирепии, польские и литовские, и до конца землю нашу разориша, и святяя Божия церкви оскверниша, и кровь христианскую, яко воду, пролиша¹⁹.

Однако патриотический подъём в русском обществе в ответ на «прегордость» и жестокость *ляхов*, восстановил союз русского народа с Богом, а посредником в этом единении выступил земский староста Кузьма Минин:

И воздвиже Господь Бог в Нижнем Новгороде мужа некоего, именем Козму Минина... и нача той вопити ко всем людям: «О братия! Се ныне время

¹⁶ *Новый летописец*..., с. 66–67.

¹⁷ *Бельский летописец*, [в:] *Полное собрание русских летописей*, т. 34, Наука, Москва 1978, с. 268–269.

¹⁸ Другое название *Хронограф второй редакции* — фундаментальный исторический памятник, который был создан вскоре после окончания Смуты предположительно книжниками из окружения келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына.

¹⁹ *Хронограф 1617 года*, [в:] *Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси)*, составитель Л.А. Дмитриев, Художественная литература, Москва 1969, с. 534

приспе, да поборем за святую веру и за дом Пречистые Богородицы». И тако собравшися многия рати, придоша под Москву и очистиша ю от скверных врагов наших, и град Божий из рук иноверных исхитиша, и паки тишина в земли нашей бысть²⁰.

Таким образом, *Хронограф 1617 года* обобщил репрезентацию образов Польши и поляков, которая присутствовала в более ранних русских литературных источниках. В данной системе политических координат они выступали в роли «бича Божьего», который с одной стороны объяснял причины «нестроения» и «тесноты» в эпоху Смуты, а с другой был призван сплотить русское общество перед угрозой со стороны «ляхов» и «латинян», которые едва не обрели Русское царство на исчезновение.

Эсхатологическая интерпретация Смуты: образы поляков как «губителей душ» в сочинениях Авраамия Палицына и патриарха Гермогена

Негативная репрезентация образов Польши и поляков в эпоху Смутного времени была характерна не только русскому летописанию, но и публицистической литературе. Наиболее яркое воплощение она обрела в таких произведениях, как *Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря*, написанного на основе личных наблюдений в 1620 году иеромонахом Авраамием Палицыным, и *Послания к русским городам*, написанных в 1610–1611 годах патриархом Гермогеном.

В русле уже сформировавшейся литературно-идеологической традиции Авраамий Палицын эмоционально сравнивал «ляхов» с «хищными волками», которые «церкви святые обнажиша» (грабили храмы), «кровь христианскую проливаху» и «землю Русскую пусту сотвориша». Вместе с тем в описании А. Палицыным занятия поляками Кремля в 1611 году обрело эсхатологическую интерпретацию:

И бысть у ляхов совет един: како бы град Москву до конца разорити. И начаша святыя церкви обдирати, и иконы чюдныя сокрушати, и вся сокровища царская износить; и в том своем злом совете не имеша милости ни к старым, ни к малым²¹.

В представлении мыслителей XVII века «совет» был высшим проявлением государственной воли, и поскольку поляки на своем совете пошли

²⁰ Там же.

²¹ А. Палицын, *Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря*, подготовка текста и комментарии О.А. Державиной, Е.В. Колосовой, под редакцией Л.В. Черепнина, Издательство Академии наук СССР, Москва–Ленинград 1955, с. 249.

против «правды» и «веры», решив уничтожить Русское государство, то это делало их не просто захватчиками, а врагами Божиими.

Таким образом, *Сказание Авраамия Палицына* развивало традицию, заложенную четырьмя десятилетиями ранее в *Повести о прихождении Стефана Батория на град Псков*, согласно которой военное противостояние Русского царства и Речи Посполитой уподоблялось «войне на небесах» – борьбе сил добра с воинством зла.

Аллегорический уровень репрезентации образа Польши и поляков присутствовал также в *Посланиях русским городам* (1610–1611 годы) патриарха Гермогена, который рассматривал события Смутного времени как глобальную трагедию, в ходе которой Россия стала полем битвы между истинной верой и антихристианством (к нему причислялось любое вероисповедание, кроме православного, в данном случае – «латинская ересь»). Сквозной мыслью посланий Гермогена служило утверждение о том, что смерть за веру в борьбе с «латинами» дарует прямой путь в рай. Данные утверждения стали катализатором создания Первого и Второго ополчений и придали национально-освободительной войне русского народа характер священной борьбы смиренных защитников веры против гордых иноплеменников. И поскольку тексты посланий Гермогена содержали призывы к вооруженному сопротивлению интервентам, то образ «латинян» (под которыми понимались «польские и литовские люди») в них был бескомпромиссен. Так, «латиняне» описывались как «прегорды и высоки умом», что, по мнению Гермогена, служило доказательством их «антихристовой» природы. Утверждение о том, что главной целью «латинян» является не политическое подчинение, а духовное уничтожение Руси, репрезентировалось через аллегорические сравнения с «лютými волками», которые ворвались в «стадо Христово» (русский народ), чтобы не только грабить, но «губить души». По этой причине Гермоген настаивал на том, что с поляками нельзя договариваться, и проклинал тех, кто поддерживал притязания королевича Владислава на русский трон:

А тем изменникам, которые стоят за королевича и за короля, и за польских и литовских людей, и хотят веру православную искоренити и латинскую утвердити, – да будут они от Господа Бога Вседержителя и от нашего смирения прокляты в сей век и в будущий!.. Да рассыплются кости их не погребены, и память их погибнет с шумом²².

Примечательно, что в 1610 году патриарх Гермоген являлся одним из активных инициаторов приглашения королевича Владислава на царский

²² Патриарх Гермоген, *Послание к русским городам и воеводам (1611 г.)*, [в:] *Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII веков*, Художественная литература, Москва 1987, с. 428.

трон, и только после отстранения «семибоярщиной» от власти и заключения в подвалы Кремля, приступил к написанию и рассылке воззвания, в которых Польша описывалась как источник «скверны», которую нужно «выместить» из Москвы. Смерть Гермогена от голода в заточении сделало его в глазах современников святым мучеником, а страх перед патриаршим «проклятием в будущий век» побудил многих россиян примкнуть к ополчению старосты Кузьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского. *Послания к русским городам* Гермогена придали вооруженному сопротивлению полякам характер испытания от Бога, и только победа в этой войне гарантировала Божье прощение.

Безусловно, репрезентация образа Польши и поляков в русской письменности в начале XVII века не отражала подлинной сложной ситуации взаимоотношений и противоборства как между правящими элитами Русского царства и Речи Посполитой, так и внутри самих дворянских группировок в период Смуты. В этой связи следует учитывать, что мы имеем дело с источниками, которые были созданы или отредактированы уже после изгнания польско-литовского гарнизона из Кремля в 1612 году, избрания на царство Михаила Романова в 1613 году и окончания русско-польской войны 1609–1618 годов. Однако даже после заключенного в декабре 1618 года Деулинского перемирия Польша и Литва еще длительное время оставались экзистенциальной угрозой для Москвы. В результате образы «ляхов» и «латинян» как коварных противников и носителей чуждой веры стали архетипическими и оказали длительное влияние на русскую общественную мысль в последующие века.

Заключение

Проведённое исследование репрезентации Польши и поляков в русской письменности в эпоху Смутного времени позволяет сделать следующие выводы:

1. Историко-культурный опыт русской Смуты актуален для нынешнего времени, когда польско-российские взаимоотношения достигли пика напряженности, поскольку в конце XVI – начале XVII веков окончательно сформировался образ поляков как извечных врагов русского народа, который в течение длительного времени оказывал влияние на русское общественное сознание и до сих пор активно используется в политике и пропаганде.
2. Репрезентация образа Польши и поляков в конце XVI века претерпела существенную трансформацию от сдержанной констатации внешнеполитических неудач до формирования устойчивого образа экзистенциального врага. Ключевым фактором этой трансформации стало наложение застарелого военно-политического конфликта (поражение

Русского царства в Ливонской войне 1558–1583 годов) на конфессиональное противостояние, которое усилилось после принятия в Речи Посполитой Брестской унии 1596 года. Если во второй половине XVI века главным духовным врагом русского православия являлось лютеранство, то отныне эта функция приписывается «латинству» (католическому вероисповеданию).

3. С началом Смутного времени описание «прегордых ляхов» и «коварных латинян» в русском летописании и публицистике обрело метафизическое измерение. «Польские и литовские люди» описывались не столько военными противниками, сколько проводниками «дьявольского лукавства» и орудием Божьего наказания за то, что русское общество признало Лжедмитрия I за подлинного сына Ивана Грозного. Использование устойчивых эпитетов («лукавые лисицы», «лютые волки») и антитез (смирненное православие против «латинской ереси», сулящей утрату национальной идентичности и христианской души) позволяло сакрализировать образ врага, который в момент глубочайшей национальной разобщенности позволил консолидировать силы русского народа вокруг идеи защиты веры и суверенитета.

Но вместе с тем, нельзя не отметить, что после завершения Смутного времени наступила эпоха постепенного культурного и политического сближения Польши и России, которое уже в последней трети XVII века ознаменовалось заключением политических союзов и коалиций, и в этой параллели можно увидеть надежду на то, что и нынешний кризис в польско-российских отношениях завершится новым витком дружеского взаимодействия двух крупнейших славянских государств.

Литература

- Бельский летописец*, [в:] *Полное собрание русских летописей*, т. 34, предисловие Б.А. Рыбакова и В.И. Буганова, Наука, Москва 1978, с. 238–271.
- Донцов А.И., Асланов И.А., *Термин «репрезентация» в дискурсе медиаисследователей: попытка концептуализации термина*, «Медиаскоп» 2022, вып. 2, <https://www.mediascope.ru/2769> [дата обращения: 24.12.2025].
- Иное сказание*, [в:] *Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени*, т. 13, Издательство Академии наук СССР, Ленинград 1925, стб. 910.
- Новый летописец*, [в:] *Полное собрание русских летописей*, т. 14, под редакцией С.Ф. Платонова, П.Г. Васенко, Языки русской культуры, Москва 2000, с. 23–154.
- Палицын А., *Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря*, подготовка текста и комментарии О.А. Державиной, Е.В. Колосовой, под редакцией Л.В. Черепнина, Издательство Академии наук СССР, Москва–Ленинград 1955, 308 с.

Памятники дипломатических сношений с Польско-Литовским государством (с 1587 по 1598 год), [в:] *Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными*, т. 10, под редакцией С.А. Белокурова, Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, Санкт-Петербург 1890, стб. 1–1504.

Патриарх Гермоген, *Послание к русским городам и воеводам (1611 г.)*, [в:] *Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII веков*, Художественная литература, Москва 1987, с. 569–578.

Платонов С.Ф., *Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII веков*, Памятники исторической мысли, Москва 1995, 469 с.

Посольская книга по связям России с Польшей (1587–1600 гг.), подготовка текста и вступительная статья Н.М. Рогожина, Институт российской истории Российской Академии наук, Москва 1994, 740 с.

Разрядная книга 1475–1605 гг., т. 3, ч. 2, составитель Н.Г. Савич, Наука, Москва 1984, 728 с.

Скрынников Р.Г., *Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев*, Наука, Новосибирск 1987, 218 с.

Хронограф 1617 года, [в:] *Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси)*, составитель Л.А. Дмитриев, Художественная литература, Москва 1969, с. 520–545.

Andrusiewicz A., *Dzieje Wielkiej Smuty*, Wydawnictwo Naukowe Śląsk, Katowice 1999, 497 s.

Malec J., *Szkice z dziejów federalizmu i myśli federalistycznej w czasach nowożytnych. Unia Troista*, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków 1999, 173 s.

Hirschberg A., *Polska a Moskwa w pierwszej połowie XVII wieku: zbiór materiałów do historii stosunków obu państw*, t. III, Wydawnictwa Zakładu Narodowego im. Ossolińskich, Lwów 1901, 370 s.

Wojas J., *Unia polsko-rosyjska z 1815 r. na tle unii lubelskiej i projektów unii Rzeczypospolitej i Rosji z XVI i XVII w.*, „Studia Prawa Publicznego” 2017, nr 1 (17), s. 123–141, <https://doi.org/10.14746/spp.2017.1.17.6>.

Резюме

Предметом рассмотрения является эволюция образов Польши и поляков в русских литературных памятниках рубежа XVI–XVII веков. Репрезентации Польши и поляков в русской письменности в данный период позволяют проследить основные этапы конструирования устойчивого образа экзистенциального врага. На основе анализа русских летописных сводов и хронографов, сочинений Авраамия Палицына и патриарха Гермогена выявляется роль конфессионального фактора в сакрализации антипольского нарратива. Показано, как в условиях системного кризиса Русского царства, который получил название Смутного времени, подданные Речи Посполитой нарекались «ляхами» и «латинянами» и наделялись метафизическими чертами «губителей душ». В русской письменности этой эпохи поляки служили причиной всех бед русского общества и, в то же время, объяснением этой причины, поскольку выполняли функцию «бича Божьего» за грехи русского народа. Сформулированный

в эпоху Смуты образ поляков как коварных врагов русского народа стал архетипическим и до сих пор используется в российской политике и блогосфере.

Ключевые слова: Смутное время, Польша, русские летописи, публицистика, репрезентация, *ляхи*, *латиняне*

The Representation of the Images of Poland and Poles in Russian Writing during the Time of Troubles (Late 16th – Early 17th Centuries)

Abstract

The subject of this study is the evolution of the images of Poland and Poles in Russian literary monuments at the turn of the 16th and 17th centuries. The representations of Poland and Poles in Russian writing during this period allow for the tracing of the key stages in the construction of a persistent image of the existential enemy. Based on an analysis of Russian chronicles (*letopisnye svody*), chronographs, and the works of Avraamy Palitsyn and Patriarch Hermogenes, the study identifies the role of the confessional factor in the sacralization of the anti-Polish narrative. It is shown how, under the conditions of the systemic crisis of the Russian Tsardom known as the Time of Troubles, the subjects of the Polish-Lithuanian Commonwealth were labeled as «*Lyakhs*» and «*Latins*» and endowed with the metaphysical traits of «*destroyers of souls*.» In the Russian writing of this era, Poles served both as the cause of all the Russian society's woes and as the explanation for that cause, fulfilling the function of the «*Scourge of God*» for the sins of the Russian people. The image of Poles as treacherous enemies of the Russian people, formulated during the Time of Troubles, became archetypal and continues to be utilized in contemporary Russian politics and the blogosphere.

Keywords: Time of Troubles, Poland, Russian chronicles, publicistic literature, representation, *Lyakhs*, *Latins*, image of the enemy

Елица Миланова / Elitsa Milanova

доц. д-р, Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского,
Пловдив, Болгария

<https://orcid.org/0009-0003-3590-0797>
elimilanova@uni-plovdiv.bg

Кому легче жить: Обломову, Бай Ганю или господину Чапудуо¹

Естественный порыв саморефлексии и критики общества, частью которого является и сам автор, находится в основе создания таких эмблематических произведений, как социально-психологический роман «Обломов» русского писателя Ивана Гончарова; собрание сатирических рассказов и фельетонов «Бай Ганю. Невероятные рассказы об одном современном болгарине» (болг. «Бай Ганьо. Невероятни разкази за един съвременен българин») фельетониста Алеко Константинова и сатирический рассказ «Жизнь господина Чапудуо» (кит. «差不多先生传») китайского литератора Ху Ши (кит. 胡适/Hú Shì). Имена главных героев стали нарицательными для обозначения этноспецифических стереотипных характеристик представителей русского, болгарского и китайского обществ.

С точки зрения феноменологии и теории прецедентности Обломов, Бай Ганю и господин Чапудуо – это *прецедентные имена* (ПИ) национального характера. Термин *прецедентное имя* является видовым понятием теории прецедентности и получает разные дефиниции у разных авторов. В понимании В. Красных ПИ – это «сложный знак, при употреблении которого осуществляется апелляция не к собственно денотату (референту), а к набору

¹ Это исследование профинансировано Европейским союзом – NextGenerationEU, через Национальный план восстановления и устойчивого развития Республики Болгария, проект ДУЕКОС BG-RRP-2.004-0001-C01 (ДУЕКОС D24-FIF-005).

дифференциальных признаков данного ПИ»². По мнению Д. Гудкова, оно указывает на некоторую эталонную совокупность определенных качеств³.

Помимо теории прецедентности, проблему «говорящих» имен можно рассмотреть и через призму *культурной эмблематики*. В своей статье «Прецедентика, как лингвокультурная эмблематика» (болг. «Прецедентиката като лингвокултурна емблематика») ⁴ Н. Чернева отмечает, что «*прецедентнику* во всем ее многообразии прецедентных феноменов можно рассматривать и как *лингвокультурную эмблематику*, а прецедентные единицы – как *лингвокультурные эмблемы*»⁵. *Лингвокультурная эмблема* – это «культурно обусловленный и личностно актуальный феномен памяти и сознания отдельной языковой личности, который предопределяется ее принадлежностью к конкретному лингвокультурному обществу и регулярно актуализируется в дискурсе той языковой личности»⁶.

В данной работе будем рассматривать «говорящие» имена как *лингвокультурные эмблемы* (конкретнее – *эмблематические имена*), так как слово *эмблема* более четко и ясно отражает их семиотическую природу и функцию в лингвокультуре.

В рамках своей лингвокультуры рассматриваемые нами *эмблематические имена* обладают высоким когнитивным потенциалом, эмоциональной нагрузкой и функцией культурного «маяка». Употребляя их как своеобразные слова-стимулы, говорящий вызывает у аудитории ряд ассоциаций с типичными чертами характера, поведенческими моделями, возможными ситуациями и т.д. Тем самым он «ориентирует» окружающих, передавая им аккумулированный поколениями опыт. *Эмблематические имена* вербализуют *культурную память* и кодируют этнические автостереотипы. Стереотипы (в том числе этностереотипы и их разновидности – гетеростереотипы и автостереотипы) – объект исследования разных смежных наук. Возникновение понятия связано с американским журналистом У. Липпманом⁷, который видит их устойчивость в том, что, задавая готовые модели, они создают комфорт для сознания и защищают ценности социума.

Вслед за Г. Димитровой принимаем, что «в когнитивной лингвистике и этнопсихолингвистике термин стереотип относится к содержательной

² В. Красных, *Этнолингвистика и лингвокультурология. Лекционный курс*, Гнозис, Москва 2002, с. 48.

³ Д. Гудков, *Теория и практика межкультурной коммуникации*, Гнозис, Москва 2003, с. 146–148.

⁴ Все переводы на русский язык в статье – наши – Е.М.

⁵ Н. Чернева, *Прецедентиката като лингвокултурна емблематика*, [в:] *Лингвокултурна емблематика: проекции и интерпретации (сборник научни статии)*, Пловдивско университетско издателство, Пловдив 2024, с. 13–14.

⁶ Там же, с. 14.

⁷ W. Lippmann, *Public Opinion*, BN Publishing, 2007.

стороне языка и культуры, т.е. понимается как ментальный стереотип, коррелирующий с наивной картиной мира»⁸. Инвариантные автостереотипы редко соответствуют действительности полностью, но они определяют призм, через которую представители этноса смотрят на себя и/или остальных членов сообщества.

Г. Тавадов считает, что автостереотипы «большой частью содержат комплекс положительных оценок. Народ, сознающий себя, склонен видеть себя и свои интересы, потребности и запросы как предпочтительные, бесспорные, правомерные и естественные»⁹. Подтверждение этому находим во многих исследованиях стереотипных образов русских, болгар и китайцев (см. Н. Лосский¹⁰, К. Касьянова¹¹, Н. Лебедева¹², И. Христов¹³, Лин Ютан¹⁴, Е. Доронина и Цзинь Чжи¹⁵). Символом русского национального характера является загадочная *русская душа*, а среди основных характеристик выступают широта *русской души*, доброта, религиозность, эмпатия, тонкая душевность, сила воли. В автостереотипы болгар вошли гостеприимство, трудолюбие, любовь и уважение к семье. Китайцы видят себя честными, учтивыми, трудолюбивыми, целеустремленными, патриотами.

Однако рассматриваемые нами *культурные эмблемы – Обломов, Бай Ганю и господин Чапудуо* – раскрывают другие стороны национального характера русских, болгар и китайцев. Своими характеристиками они противопоставляются традиционному положительному образу представителя этноса. Их пейоративность предопределена источником происхождения. Все они отсылают к прецедентным текстам, созданным как критика общества.

⁸ Г. Димитрова, *Тезаурусно моделиране на лингвокултурологичната терминология*, LiterNet, 27.05.2008, http://liternet.bg/publish22/g_dimitrova/tezaursyt/content.htm [дата обращения: 28.11.2025].

⁹ Г. Тавадов, *Этнология. Современный словарь-справочник*, Диалог культур, Москва 2007, с. 19.

¹⁰ Н. Лосский, *Характер русского народа*, Посев, Франкфурт-на-Майне 1957.

¹¹ К. Касьянова, *О русском национальном характере*, Институт национальной модели экономики, Москва 1994.

¹² Н. Лебедева, *Ценностный компонент в характеристике русского национального характера и его влияние на экономическое развитие России*, «Мир психологии. Научно-методический журнал» 2009, № 3(59), с. 58–68.

¹³ И. Христов, *Българският национален характер 19–20 век. Еволюции и трансформации*, Изток-Запад, София 2014.

¹⁴ 林语堂, *吾国与吾民*, 陕西师范大学出版社, 西安 2026. [Лин Ютан, *Быт и душевность моего народа*, Издательство Шэньсийского педагогического университета, Сиань 2006].

¹⁵ Цзинь Чжи, Е. Доронина, *Содержание авто- и гетеростереотипов современных российских и китайских студентов*, «Philological Class» 2022, т. 27, № 2, с. 172–185, <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-avto-i-geterostereotipov-sovremennyh-rossiyskih-i-kitayskih-studentov/viewer> [дата обращения: 30.11.2025].

Феномен сосуществования контрарных лингвокультурных единиц в рамках одной лингвокультуры встречается достаточно часто. В настоящей работе придерживаемся мнения М. Кузовой, что «одновременность контрарных оценок не аннулирует их, а в силу конкуренции усиливает их, странным образом дополняя их смыслы»¹⁶. Русские, болгары или китайцы могут обладать как положительными, так и отрицательными характеристиками, при том не теряя статуса типичного представителя своей лингвокультуры. Например, в русской *культурной памяти* закодировано знание как об обломовах, которые «легко ломаются», так и о русских, которые не сдаются.

Далее рассмотрим более подробно каждое из *эмблематических имен* в их основной пейоративной функции выражения неодобрения, критики или высмеивания.

1. Обломов

Происхождение *культурной эмблемы* связано с социально-психологическим романом «Обломов» (1859 г.) И. Гончарова¹⁷. По сюжету романа Илья Ильич Обломов – помещик, который раньше был чиновником, но из-за своей лени и равнодушия продержался только два года на работе. Со временем он теряет любовь, друзей и связь с обществом, так как считает, что поддерживать их требовало бы слишком много усилий. Вся его жизнь проходит мимо, пока он лежит на диване в своем халате, ленится и боится жить, потому что все в жизни слишком хлопотно. Мотивирующей основой фамилии Обломов стал глагол «обломить» (‘надавив на что-нибудь, сломить, заставить обрушиться’), который отражает отношение героя ко всем трудностям.

В лингвострановедческом словаре «Россия» указано языковое значение *культурной эмблемы* Обломов – «[ф]амилия Обломов для русских стала нарицательной для обозначения ленивого, безвольного человека, равнодушного к жизни»¹⁸.

Об этих особенностях русских пишет еще Н. Бердяев. Их первоисточником он видит избыточность «бабьего» в национальном характере и необъятность русской территории: «Власть шири над русской душой порождает целый ряд русских качеств и русских недостатков. Русская лень, беспечность, недостаток инициативы, слабо развитое чувство ответственности

¹⁶ М. Кузова, *Аксиологични црихи към образите на жената и мъжа в руската фразеология (динамика и полюси на оценката)*, „Научни трудове на Пловдивския университет „Паисий Хилендарски“ – Филология“ 2019, т. 57, кн. 1, сб. А, с. 306.

¹⁷ И. Гончаров, *Обломов. Роман в четырех частях*, <https://ilibrary.ru/text/475/index.html> [дата обращения: 30.11.2025].

¹⁸ *Лингвострановедческий словарь Россия*, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2014–2025, https://ls.pushkininstitute.ru/lsslovar/?title=Тематический_указатель:Перечень_тематик [дата обращения: 30.11.2025].

с этим связаны»¹⁹.

В современном языке от эмблематического имени Обломов (в эмблематической функции допускается и написание *обломов*) образовалось собирательное *обломовцы*, которое встречается чаще, чем исходная форма. Появилось и существительное *обломовщина* ('апатия, безволие, бездеятельность'), которое тоже приобрело статус культурной эмблемы. В Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) зарегистрировано 2260 примеров²⁰ употребления оного *Обломов/обломов* и 252 примера употребления слова *обломовщина*. Однако надо отметить, что больше половины этих примеров – референция оригинального текста/героя в литературных анализах. Как культурную эмблему **Обломов/обломов** употребляют в основном в художественной литературе и эссеистических текстах, реже – в публицистике и спорадично – в т. наз. журналах жизни и на форумах, которые мы считаем онлайн вариантом разговорной речи.

Примеры употребления²¹:

1. Современный **Обломов** приобрел телевизор и компьютер, подключился к всемирной паутине Интернет, поставил рядом с диваном мягкое низкое кресло, удобно раскинувшись в котором, он попивает чаек.
2. Конкретно это место выглядит достаточно привлекательным – историческим и современным разом, чтобы можно было послать сюда учиться своего ребенка, не тревожась, что из **обломова** здесь начнут лепить *штольца*, а из *штольца* – **обломова**.
3. Сплошь у нас **Обломовы**, лежат на диване и ждут чуда.
4. Сколько уже времени Россия с нетерпением ждёт, когда вместо мечтательных **Обломовых** народятся ухватистые *Штольцы*?
5. Если я ей скажу, что Андрей – это **Обломов** наших дней, она вообразит себя Ольгой Ильинской, которая пытается сделать из Облова активного члена общества.
6. Это маленькие **Обломовы**, их все устраивает, лишь бы их не трогали.
7. Это он не был на Галапагосах – вот где **обломовщина**, вот где лень, вот где апатия, вот где пассивность.
8. Этот урок должен подействовать на нашу проклятую **обломовщину**.

В примерах № 2 и 4 культурная эмблема **Обломов** используется в оппозиции с культурной эмблемой **Штолец**, которая, как и сам герой романа, является воплощением качеств, контрарных характеру Обломова – инициативность, стойкость и боевой дух.

¹⁹ Н. Бердяев, *Судьба России*, Москва 1998, с. 45.

²⁰ В это число не входят случаи употребления слова *обломов* как форма Р.П. мн. ч. слова *облом*.

²¹ Все примеры тут и далее в работе сохранены в оригинальной орфографии. Полужирный шрифт – наш – Е.М. Примеры с русского языка эксцерпированы из НКРЯ – см. Национальный корпус русского языка, <http://ruscorpora.ru> [дата обращения: 27.11.2025].

2. Бай Ганю

Происхождение культурной эмблемы связано с собранием сатирических рассказов и фельетонов *Бай Ганю. Невероятные рассказы об одном современном болгарине* (1895 г.) А. Константинова²². В рассказах Бай Ганю – грубоватый, необразованный, но зато очень напористый и бестактный продавец розового масла, который разъезжает по Европе, с огромным недоверием относится ко всему иностранному и всеми средствами стремится к наживе.

В современном болгарском языке *эмблематическое имя Бай Ганю* встречается почти во всех функциональных стилях и дискурсах (исключение – официально-деловой стиль) и означает ‘хитрый, наглый, невоспитанный, бесцеремонный, стремящийся к наживе человек’. От него образованы слова *ганювец*, *байганювец* и др. для описания человека и *байганювщина*, *ганювщина* для описания ситуации/проступка.

Примеры употребления:

1. *Пълно е с Байганювци! Огледайте се – те са навред!*²³ [*Полно Бай Ганювцами! Присмотритесь – они везде!*]
2. *Нация от байганювци не я очаква нищо добро*²⁴. [*Нацию, в которой одни Бай Ганювцы, ничего хорошего не ждет.*]
3. *За Грета и острата реакция на байганювци срещу едно 16-годишно дете*²⁵. [*О Грете и острой реакции Бай Ганювцев на шестнадцатилетнего ребенка.*]
4. *Искам светът да знае, че не сме байганювци! Затова винаги обяснявам на чужденците какви сме байганювци*²⁶. [*Хочу, чтобы мир знал, что мы не байганювцы! Поэтому всегда объясняю иностранцам какие мы все байганювцы!*]
5. *Байганювци, мислещи се за данколовци, вилнеят по родните пътища*²⁷. [*Бай Ганювцы, считающие себя данколовцами, бесчинствуют на родных дорогах.*]

²² А. Константинов, *Бай Ганю. Невероятни разкази за един съвременен българин*, Златно перо, София 2024.

²³ „Пълно е с Байганювци! Огледайте се – те са навред!“, Казанлък – Вашият виртуален град, 22.12.2005, <https://kazanlak.com/news-2745.html> [дата обращения: 1.12.2025].

²⁴ Т. Кристи, *Нация от байганювци не я очаква нищо добро щом подобни изяви предизвикват гордост у много „патриоти*, 168 часа, 10.01.2020, <https://www.168chasa.bg/article/8054802> [дата обращения: 2.12.2025].

²⁵ В. Марковски, *Уловени в мрежата*, Veni.com, 29.09.2019, <https://blog.veni.com/?p=5677> [дата обращения: 2.12.2025].

²⁶ *Искам светът да знае, че не сме байганювци! Затова винаги обяснявам на чужденците какви сме байганювци...*, Tribune.bg, 13.11.2023, <https://tribune.bg/bg/mrezhata/iskam-svetat-da-znae-che-ne-sm/> [дата обращения: 2.12.2025].

²⁷ *Байганювци, мислещи се за данколовци, вилнеят по родните пътища*, TrafficNews, 28.08.2016, <https://trafficnews.bg/komentari/baiganyovtsi-misleshti-se-dankolovtsi-vilneiat-po-rodnite-55186/> [дата обращения: 2.12.2025].

6. *А съвременният бай Ганьо живее както иска. Сякаш е сам на цялата Земя*²⁸. [Современный **Бай Ганю** живет, как ему нравится. Буд-то на Земле один он.]
7. *Съвременният Бай Ганьо е онзи комплексар, който си приписва заслугите и постиженията на чужди държави и народи*²⁹. [Современный **Бай Ганю** – это тот закомплексованный человек, который приписывает себе заслуги и достижения иностранных стран и народов.]
8. *Плажовете ни са пълни с бай Ганьовци*³⁰. [Наши пляжи полны **Бай Ганювцев**.]

Културната памет обладава динамическа природа. Тя е като «инкубатор на нови културни смислови пространства»³¹. Со временем ее единицы могут развиваться, наполняться новыми смыслами и коннотациями, поэтому неудивительно, что в разных дискурсах иногда наблюдаются контрастные презумпции по отношению даже к одним и тем же автостереотипам. С одной стороны, в повседневном общении и публицистике апелляция к культурной эмблеме **Бай Ганю** несет негативную коннотацию. Это «образ, насыщенный ярко выраженной пейоративной нагрузкой»³². С другой стороны, в анекдотах акцент – на его природное остроумие и способность выживать в любых условиях. Притом, именно то поведение, которое осуждается в дискурсах повседневного общения и публицистики, превращается в основу некой особой национальной «гордости» в анекдотах:

Идет международный чемпионат матерных слов. Первым выступает американец. Матерится полтора часа и уходит. За ним выступает русский – целых два часа мата. Серб продерживается даже три часа. Последним выходит **Бай Ганю**. Перед выходом на сцену спотыкается и падает лицом в пол. И тут такое начинается...и мать, и тетю, и дядю – никого упомянуть не пропустил. После семи часов пятидесяти минут непрерывного мата наконец успокаивается, приводит себя в порядок, подходит к микрофону и спрашивает:
– Ну, что? Начинаем?³³

²⁸ *Съвременният Бай Ганьо*, Добрич Онлайн, 17.03.2014, <https://www.dobrichonline.com/novini/22326/savremenniyat-bay-ganyo> [дата обращения: 2.12.2025].

²⁹ Д. Дахер-Ламот, *За съвременния бай Ганьо*, «Дума», 17.07.2023, <https://duma.bg/za-savremenniya-bay-gano-n277582> [дата обращения: 2.12.2025].

³⁰ *Плажовете ни са пълни с бай Ганьовци*, ФлагманБГ, 6.08.2024, <https://www.flagman.bg/article/327802> [дата обращения: 2.12.2025].

³¹ Ю. Чакърова, *Вербализация на културната памет в дискурса на европейските образователни програми*, [в:] *Лингвокултурна емблематика: проекции и интерпретации (сборник научни статии)*, Пловдивско университетско издателство, Пловдив 2024, с. 28.

³² М. Карталова, *Превръщането на някои антропоними в прецедентни феномени в българския език*, [в:] *Лингвокултурна емблематика...*, с. 118.

³³ *Вицове за бай ганьо*, Vicove.Biz, <https://www.vicove.biz/bai-ganio?page=2> [дата обращения: 30.11.2025].

В данном анекдоте отражен автостереотип «Бай Ганю (= болгарин) матерится». В повседневном общении это негативный автостереотип, который осуждается обществом. В дискурсе анекдотов желание быть лучше остальных трансформирует отношение к такому поведению. Оно рассматривается уже не только через призму автостереотипов, а в сравнении с гетеростереотипами об американцах, русских и сербах. Создается некое альтернативное пространство, в котором такое поведение не только оправдывается, но и поощряется во имя высшей цели (быть лучше других).

3. Господин Чапудуо

Происхождение *культурной эмблемы* связано с сатирическим рассказом *Жизнь господина Чапудуо* (1923 г.) китайского автора Ху Ши³⁴. Имя героя Чапудуо «говорящее». Оно переводится с китайского как ‘почти, не совсем до конца’. По сюжету господин Чапудуо никогда ничего не делал как положено – то недопонимал, то недоглядывал, то недоделывал. Если что-то было почти как надо, ему этого хватало. Всю жизнь провел, твердо веря, что «и так сойдет». Свою смерть он нашел, потому что по ошибке его лечил не врач гуманной медицины доктор Ван, а ветеринар доктор Ванг. Господин Чапудуо заметил ошибку, но не исправил ее, потому что «и так сойдет». Даже в последние минуты утверждал, что быть мертвым – почти то же самое, что и быть живым.

В современном китайском языке *господином Чапудуо* называют небрежных людей, действующих по принципу «и так сойдет» и не доводящих дела до конца.

В Корпусе китайского языка Пекинского университета (ККЯ) нами обнаружено 184 примера использования онима *господин Чапудуо* (差不多先生). Из них 30 примеров – референция оригинального текста/героя и 10 примеров относятся к одноименной песни рэпера MC HotDog. В самой песне оним господин Чапудуо употребляется в качестве *культурной эмблемы*. Среди эксцерпированного материала встречаются примеры употребления в дискурсах публицистики и рекламы, реже – в онлайн форматах разговорной речи.

Примеры употребления³⁵:

1. 现在的中国人不再是“差不多先生”，而是竞泳则争半掌之长，射卫星不出毛病的“精准先生” [Современный китаец уже не господин

³⁴ 胡适, 差不多先生传 [Hu Shi. Chebuduo xiansheng zhuang / Ху Ши, Жизнь господина Чапудуо], <https://www.jhrhead.com/edu/course/uploads/attachfile/2018-09-20/6492482e5d111b61bfa1a64b257c8c0c62142.pdf> [дата обращения: 1.12.2025].

³⁵ Все примеры эксцерпированы из Корпуса китайского языка Пекинского университета. См. 北京大学汉语语料库, http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/index.jsp [дата обращения: 1.12.2025].

Чапудуо, а «господин Пунктуальность», который стремится даже к самому небольшому отрыву в соревнованиях по плаванию, который запускает спутники без единой ошибки.]

2. 糟糕的是，当下在中国制造领域中，差不多先生不在少数。 [*К сожалению, в настоящее время в производственном секторе Китая довольно много господ Чапудуо.*]
3. 同时，戴世超敢于较真，坚决不做差不多先生。在质量管控方面，他开出的处罚单子就有1厘米厚。 [*В то же время Дай Шичао дотошен, он вам не господин Чапудуо. Что касается контроля качества, то выписываемые им штрафные квитанции могут быть толщиной в целый сантиметр.*]
4. 真的没有人喜欢“深爱”吗？身边的很多人，都将就着嫁给了差不多先生。没有那么爱也没有那么不爱，一切都是刚刚好，差不多，仅此而已。 [*Разве настоящая любовь уже совсем не встречается? Многие вокруг меня решили выйти замуж за господина Чапудуо. Они почти что любят друг друга; все почти что идеально, почти достаточно, ничего лишнего.*]
5. 在上大学时，我被宿舍同学称为差不多先生。我这个“差不多”体现在学习生活的方方面面。 [*В университетские годы мои соседи по комнате называли меня господином Чапудуо. Принцип «и так сойдет» проявлялся во всех аспектах моей учебы и личной жизни.*]
6. 次进入太空的中国航天员景海鹏曾说过：“航天员不能当差不多先生”。 [*Цзин Хайпэн, китайский астронавт, впервые побывавший в космосе, однажды сказал: «Астронавт не может быть господином Чапудуо».*]
7. 蘸起真实的墨汁，写下经得起求证的新闻，不做那个差不多先生，是我们肩上共同的责任。 [*Обмакнуть кисть в чернила правды и писать новости, которые выдержат критику, а не быть господином Чапудуо, – это наша общая обязанность.*]
8. 千万别做差不多先生、差不多女士，你才不是没有故事的差不多先生。抛开差不多做那个最具个性的航校人。 [*Никогда не будьте господином Чапудуо или госпожой Чапудуо – у вас есть своя история. Избавьтесь от ярлыка «и так сойдет» и станьте самым уникальным человеком в летной школе.*]

Специфика китайского языка, в котором мужские и женские имена не различаются, позволяет путем антонимической замены создать легко распознаваемый трансформированный (в терминологии Б. Тенчевой³⁶) вариант культурной эмблемы – *госпожа Чапудуо* (см. пр. № 8). Пример отражает

³⁶ Б. Тенчева, Някои същности характеристики на прецедентните феномени и трансформационни модели при употребата им в СМН, [в:] Лингвокултурна емблематика..., с. 60–93.

склонность рекламы не только заимствовать, но и трансформировать единицы *культурной памяти* для привлечения внимания.

Во многих китайских примерах *культурная эмблема* *господин Чапудуо* используется для отрицания стереотипного поведения в конструкциях типа «человек НЕ является/НЕ должен быть господином Чапудуо» (см. пр. № 1, 3, 6–8). Это своеобразное признание существования таких людей среди китайцев, но при одновременном отрицании причастности к ним. Это отражает важный для китайского менталитета психологический феномен – стремление «не терять лицо» (кит. 丢脸 diū liǎn).

Выводы

Чтобы наглядно представить сравниваемый материал, мы оформили его в табличном виде (см. таблица 1).

Таблица 1. Сравнение между эмблематическими именами

	Обломов	Бай Ганю	Господин Чапудуо
Значение	ленивый, безвольный человек, равнодушный к жизни	хитрый, наглый, невоспитанный, шумный, бесцеремонный, стремящийся к наживе	небрежный, действующий по принципу «и так сойдет», не доводящий дела до конца
Мотивирующая основа имени	обломить/облом	нет	差不多/chàbùduō ‘почти’
Символы, связанные с именем	халат	сумки (болг. дисаги)	нет
Производные слова в языке	обломовщина, обломовцы, обломовский (РЯ)	ганьовец, байганьовец, ганьовско, Бай-Ганьов, байганьовщина, ганьовщина (БЯ)	Нет, так как морфология языка не позволяет.

1. Основная культурологическая функция данных *эмблематических имен* – кодировать и транслировать негативные автостереотипы, что предопределяет их основную языковую функцию – пейоративность.
2. По сюжету все трое героев наделены отрицательными качествами, но сами авторы относятся к ним с некоторым снисхождением. Это не плохие люди, а продукт социума и исторических обстоятельств. *Культурная память* сохраняет дуалистическое отношение авторов и допускает переосмысление негативной оценки, например, в анекдотах.
3. Частотность, распознаваемость и продуктивность этих имен позволяет считать их *культурными эмблемами* с высоким лингвокультурологическим потенциалом.

Исследование *эмблематических имен* раскрывает не только языковые, но и психологические особенности этноса. С точки зрения носителей языка оно важно для сохранения *культурной памяти*. С точки зрения

внешнего наблюдателя – для углубления межкультурной коммуникации и взаимопонимания.

Литература

- Lippmann W., *Public Opinion*, BN Publishing, 2007.
- Бердяев Н., *Судьба России*, Москва 1998.
- Гудков Д., *Теория и практика межкультурной коммуникации*, Гнозис, Москва 2003.
- Димитрова Г., *Тезаурусно моделиране на лингвокултурологичната терминология*, LiterNet, 27.05.2008, http://litenet.bg/publish22/g_dimitrova/tezaurusyt/content.htm [дата обращения: 28.11.2025].
- Карталова М., *Превръщането на някои антропоними в прецедентни феномени в българския език*, [в:] *Лингвокултурна емблематика: проекции и интерпретации (сборник научни статии)*, Пловдивско университетско издателство, Пловдив 2024, с. 117–126.
- Касьянова К., *О русском национальном характере*, Институт национальной модели экономики, Москва 1994.
- Красных В., *Этнолингвистика и лингвокультурология. Лекционный курс*, Гнозис, Москва 2002.
- Кузова М., *Аксиологични щрихи към образите на жената и мъжа в руската фразеология (динамика и полюси на оценката)*, „Научни трудове на Пловдивския университет „Паисий Хилендарски“ – Филология“ 2019, т. 57, кн. 1, сб. А, с. 305–315.
- Лебедева Н., *Ценностный компонент в характеристике русского национального характера и его влияние на экономическое развитие России*, «Мир психологии. Научно-методический журнал» 2009, № 3(59), с. 58–68.
- Лингвострановедческий словарь Россия*, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2014–2025, https://ls.pushkininstitute.ru/lsslovar/?title=Тематический_указатель:Перечень_тематик [дата обращения: 30.11.2025].
- Лосский Н., *Характер русского народа*, Посев, Франкфурт-на-Майне 1957.
- Тавадов Г., *Этнология. Современный словарь-справочник*, Диалог культур, Москва 2007.
- Тенчева Б., *Някои същностни характеристики на прецедентните феномени и трансформационни модели при употребата им в СМИ*, [в:] *Лингвокултурна емблематика: проекции и интерпретации (сборник научни статии)*, Пловдивско университетско издателство, Пловдив 2024, с. 60–93.
- Цзинь Чжи, Доронина Е., *Содержание авто- и гетеростереотипов современных российских и китайских студентов*, «Philological Class» 2022, т. 27, № 2, с. 172–185, <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-avto-i-geterostereotipov-sovremennyh-rossiyskih-i-kitayskih-studentov/viewer> [дата обращения: 30.11.2025].
- Чакърова Ю., *Вербализация на културната памет в дискурса на европейските образователни програми*, [в:] *Лингвокултурна емблематика: проекции и интерпретации (сборник научни статии)*, Пловдивско университетско издателство, Пловдив 2024, с. 22–59.

- Чернева Н., *Прецедентиката като лингвокултурна емблематика*, [в:] *Лингвокултурна емблематика: проекции и интерпретации (сборник научни статии)*, Пловдивско университетско издателство, Пловдив 2024, с. 10–21.
- 林语堂, 吾国与吾民, 陕西师范大学出版社, 西安 2026. [Лин Ютан, Быт и душевность моего народа, Издательство Шэньсийского педагогического университета, Сиань 2006].

Источники примеров

- Байганьовци, мислеци се за данколовци, вилнеят по родните пътища*, TrafficNews, 28.08.2016, <https://trafficnews.bg/komentari/baiganyovtsi-misleshti-se-dankolovtsi-vilnei-at-po-rodnite-55186/> [дата обращения: 2.12.2025].
- Вицове за бай ганьо*, Vicove.Biz, <https://www.vicove.biz/bai-ganio?page=2> [дата обращения: 30.11.2025].
- Гончаров И., *Обломов. Роман в четырех частях*, <https://ilibrary.ru/text/475/index.html> [дата обращения: 30.11.2025].
- Дахер-Ламот Д., *За съвременния бай Ганьо*, «Дума», 17.07.2023, <https://duma.bg/zasavremenniya-bay-gano-n277582> [дата обращения: 2.12.2025].
- Искам светът да знае, че не сме байганьовци! Затова винаги обяснявам на чужденците какви сме байганьовци...*, Tribune.bg, 13.11.2023, <https://tribune.bg/bg/mrezhata/iskam-svetat-da-znae-che-ne-sm/> [дата обращения: 2.12.2025].
- Марковски В., *Уловени в мрежата*, Veni.com, 29.09.2019, <https://blog.veni.com/?p=5677> [дата обращения: 2.12.2025].
- Константинов А., *Бай Ганьо. Невероятни разкази за един съвременен българин*, Златно перо, София 2024.
- Кристи Т., *Нация от байганьовци не я очаква нищо добро щом подобни изяви предизвикват гордост у много „патриоти*, 168 часа, 10.01.2020, <https://www.168chasa.bg/article/8054802> [дата обращения: 2.12.2025].
- Национальный корпус русского языка*, <http://ruscorpora.ru/> [дата обращения: 27.11.2025].
- Плажовете ни са пълни с бай Ганьовци*, ФлагманБГ, 6.08.2024, <https://www.flagman.bg/article/327802> [дата обращения: 2.12.2025].
- „Пълно е с Байганьовци! Огледайте се – те са навред!“*, Казанлък – Вашият виртуален град, 22.12.2005, <https://kazanlak.com/news-2745.html> [дата обращения: 1.12.2025].
- Съвременният Бай Ганьо*, Добрич Онлайн, 17.03.2014, <https://www.dobrichonline.com/novini/22326/savremenniyat-bay-ganyo> [дата обращения: 2.12.2025].
- 北京大学汉语语料库 [Beijiang daxue hanyu yuliaoku], http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/index.jsp [дата обращения: 1.12.2025].
- 胡适, 差不多先生传 [Hu Shi. Chebuduo xiansheng zhuang / Ху Ши, Жизнь господина Чапудуо], <https://www.jhrhcad.com/edu/course/uploads/attachfile/2018-09-20/6492482e5d111b61bfa1a64b257c8c0c62142.pdf> [дата обращения: 1.12.2025].

Резюме

Настоящая работа посвящена «говорящим именам» Обломов, Бай Ганю и господин Чапудуо в русской, болгарской и китайской лингвокультурах. Их языковые и лингвокультурные проявления сравниваются и анализируются с точки зрения теории культурной эмблематики. Внимание уделяется их семантической структуре, деривационным возможностям и реализации в разных дискурсах. «Говорящие имена» рассматриваются как культурные эмблемы с высоким когнитивным и лингвокультурологическим потенциалом, которые функционируют как носители негативных автостереотипов, вербализующих культурную память и транслирующих социально значимые модели поведения. Приводятся и примеры, в которых пейоративная направленность данных эмблематических имен сочетается с возможностью их переосмысления в зависимости от контекста и коммуникативной установки. Делается вывод о важной роли подобных единиц в формировании национальной идентичности и обеспечении межкультурного взаимопонимания.

Ключевые слова: культурная эмблематика, культурная память, «говорящие» имена, русский язык, китайский язык, болгарский язык

Who Has an Easier Life: Oblomov, Bay Ganyu, or Mr. Chapuduo

Abstract

This work explores the “speaking names” Oblomov, Bay Ganyu, and Mr. Chapuduo within the Russian, Bulgarian, and Chinese linguocultural contexts. Their linguistic and linguocultural manifestations are compared and analyzed from the perspective of cultural emblematics. Particular attention is paid to their semantic structure, derivational potential, and realization across different types of discourse. “Speaking names” are examined as cultural emblems with high cognitive and linguocultural potential, functioning as carriers of negative autostereotypes that verbalize cultural memory and transmit socially significant patterns of behavior. Examples are also provided in which the pejorative orientation of these emblematic names coexists with the possibility of reinterpretation depending on context and communicative intent. The study concludes by emphasizing the important role of such units in shaping national identity and facilitating intercultural understanding.

Keywords: cultural emblematics, cultural memory, “speaking” names, Russian language, Chinese language, Bulgarian language

Ivan Smirnov

dr, Uniwersytet Łódzki

<https://orcid.org/0000-0003-3066-5591>

i.smirnow.edu@gmail.com

Исламская лексика в русскоязычных медиатекстах

Введение

Современные медиадискурсы не только интегрируют человека в глобальное цифровое пространство и обогащают сознание неструктурированной информацией, но и влияют на характер социальной коммуникации личности, формируют отношение к конфессиональным ценностям, толерантности или нетерпимости к другим этносам. В данной статье рассматривается исламская лексика, используемая в медийных текстах, представленных в интернете в открытом доступе. В поле исследования попали медиа, публикующие информацию на русском языке без географической принадлежности к определенному региону. На субъективный взгляд, таким образом, в статье представлены наиболее интересные релевантные примеры, которые активно используются журналистами, с обзором базисных характеристик использования исламской лексики, присущей русскоязычным медиа.

Специалисты в области языкознания внесли существенный вклад в изучение медийного дискурса, как подраздела исследований общей дискурсивной теоретической базы¹.

¹ D.L. Kirby, C.M. Cusack, *Religion and Media*, Routledge, London–New York 2017; P. Horsfield, M.E. Hess, *Belief in Media: Cultural Perspectives on Media and Christianity*, Routledge, London–New York 2004; M. Mrozowski, *Media masowe. Władza, rozrywka i biznes*, Oficyna Wydawnicza Aspra-JR, Warszawa 2001; K. Bullock, *Challenging Media Representations of the Veil: Contemporary Muslim Women's Re-veiling Movement*, „American Journal of Islam and Society” 2000, vol. 17, no. 3, pp. 22–53; S. Naguib, *Islam and Epistemo-*

Религиозная лексика, с одной стороны, используется в специальных религиозных дискурсах, которые скорее характеризуются герметичностью. С другой стороны, исламизмы все чаще попадают в медийное пространство и используются в различных контекстах: новостных, политических, социальных, спортивных и др. Медийная коммуникация заключается в сближении имеющихся в распоряжении медийных субъектов на базе семиотических ресурсов. Важной особенностью также является структура медиадискурса, в частности выделяется план содержания и поликодовость плана выражения².

Целью религиозного дискурса является приобщение людей к вере в рамках определенной конфессии. Особенностью религиозного дискурса является открытость в утверждении ценностей³. Подобная структура может быть транспонирована на медийный религиозный дискурс, который характеризуется ориентированностью на массового зрителя или читателя.

Можно с уверенностью сказать, что в СМИ в республиках и на территориях различных областей Российской Федерации, где преобладает ислам, журналистские материалы публикуются на русском языке, региональном (местном) языке и в отдельных случаях на английском, следовательно, исламский дискурс не имеет национальной принадлежности⁴. Российские мусульмане принимают активное участие в политической жизни страны, но в отдельных случаях разрозненность и внутренние противоречия, связанные с вариантами ислама и институтами, стоящими за ними, являются сдерживающими факторами⁵. Создавшаяся ситуация требует от государства комплексной политики, связанной с дерадикализацией, которая возможна только с учетом сохранения культурного религиозного разнообразия и доверия к религиозным структурам⁶.

logical Gender Politics: A Decolonial Moment, „American Journal of Islam and Society” 2021, vol. 38, no. 1–2, pp. 9–28.

² Ż. Ślădkiewicz, *Estetyczny aspekt audiowizualnych medytacji uwaŹności jako popularnego gatunku w przestrzeni medialnej*, „Przeglăd Rusycystyczny” 2023, nr 3 (183), s. 100.

³ В.И. Карасик, *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*, Гнозис, Москва 2002, с. 223.

⁴ См. М. Ал-Хилфи, *Общетаатарские и исламские СМИ как средство сохранения языка и культуры в национальных регионах Поволжья*, «Знак: проблемное поле медиаобразования» 2021, № 3 (41), с. 37–47.

⁵ Ксавье Ле Торривеллек, *Состояние и особенности «российского ислама»*, «Записка Аналитического центра Обсерво» 2013, № 4, с. 23.

⁶ М. Bektenova, N. Seitakhmetova, S. Zhandossova, L. Toktarbekova, *Formation of Islamic identity in Kazakhstan and the Central Asian region in conditions of religious revival*, „European Journal of Science and Theology” 2025, vol. 21, no. 4, p. 169.

Использование исламизмов в русскоязычных медиаресурсах

Стоит обратить внимание на то, что журналисты используют довольно ограниченное количество исламской терминологии при написании статей. Это обусловлено следующими факторами:

- 1) большая часть лексики не знакома русскоязычному населению, т.е. отсутствуют базовые знания об исламской догматике, данный фактор подтверждается тем, что исламская терминология используется произвольно, без учета исконного религиозного смысла.
- 2) исламская терминология предусматривает знание арабских традиций, что существенно затрудняет русскоязычную аудиторию в понимании базовой исламской лексики;
- 3) уровень владения исламской терминологией напрямую зависит от места проживания, например, в тех регионах РФ, в которых ислам традиционно является главенствующей религией, и большинство людей исповедуют ислам, – отсутствует некорректное использование исламизмов в местных и региональных медиа.

Данные аксиоматические рассуждения подтверждаются фактологическим материалом, который приводит исследователь Аль-Кадими Махмуд Гази Чаллюб: в русском языке зафиксировано порядка 450 арабизмов, которые соотносятся с исламской лексикой. Таким образом, большая часть арабизмов встречается только в текстах, относящихся к исламскому религиозному дискурсу и скорее используется в научных институтах⁷.

Однако арабо-тюрко-персидская и русская терминология может использоваться в религиозных текстах в качестве синонимического ряда. Трудность также заключается в том, что исламизмы обладают широкой семантической вариативностью, т.е. слово может использоваться в разных религиозных контекстах⁸.

Ислам по праву является политической религией, потому что политическая история исламского мира неразрывно связана с религией. Исламская теологическая традиция и религиозное видение мира базируются на отношении человека к Богу с акцентом на отсутствие посредника между верующим человеком и Богом⁹.

⁷ М.Г. Чаллюб, *Арабские заимствования в русском языке*, «Вестник ВГУ» 2009, № 1, с. 77.

⁸ А.М. Казиева, М.М. Ибрагимова, *Исламский дискурс в российском медиапространстве: некоторые аспекты семантики, прагматики и терминологического наполнения*, «Political Linguistics» 2024, № 6 (108), с. 175.

⁹ Н.С. Козьякова, *Современная политическая философия ислама*, «Journal of Political Research» 2025, vol. 8, no. 4, с. 73.

Существуют разные уровни понимания политического ислама, который ассоциируется на первом уровне с выстраиванием политической системы в исламских странах, и на втором уровне, связанном с выстраиванием отношений внутри религиозных сообществ без географической принадлежности¹⁰.

Лексема *джихад* является самой частотной и яркой дефиницией в журналистских текстах. В связи с этим следует внести ряд уточнений, касающихся функционирования данного термина. В частности, в академических словарях русского языка данное слово либо отсутствует, либо дается обобщенная трактовка, например: «Джихад – усилие, борьба. У мусульман: предписанная Кораном священная война против неверующих, язычников с целью распространения ислама»¹¹.

По сути дела, академические авторитетные издания участвуют в транслировании доступного массовому знанию толкования термина. Антитезой выступают специальные религиозные справочники и словари, ориентированные скорее на специалистов в конкретном научном направлении. Например, в Исламском энциклопедическом словаре дается следующее толкование: *джихад* как «борьба за веру, духовное самосовершенствование, без дальнейших уточнений обычно означает вооруженную борьбу с неверными во имя торжества ислама»¹². Утверждение несостоятельно, по всей видимости, представляется такая позиция для вовлеченных в проблематику ислама лингвистов, когда совершенно ясно обозначены семантические границы, характеризующие *джихад* как мирное, индивидуалистское и духовное усердие в постижении веры. Поэтому определение *джихада* как «священной войны» приводит к тому, что единственным возможным вариантом в полемике остается религиозная война за исламскую веру. Подобные формулировки требуют переосмысления в богословской среде, ведь и часть мусульман воспринимает понятие *джихад* только в рамках войны¹³.

Термин *джихад* в медийных текстах может соотноситься не только с исламскими контекстами, но, вполне возможно, и с другими конфессиональными религиями и различными религиозными течениями. В медийном пространстве закрепилось выражение *православный джихад*, которое, как указывает источник, впервые было провозглашено во время первой чеченской войны на территории РФ, а со временем приобрело популярность

¹⁰ A. Tausch, *Political Islam and Religiously Motivated Political Extremism: An International Comparison*, Springer, Cham 2023, p. 12.

¹¹ С.А. Кузнецов, *Большой толковый словарь русского языка*, «Норинт», Санкт-Петербург 2000, с. 75.

¹² Г.В. Милославский, Ю.А. Петросян, М.Б. Пиотровский, С.М. Прозоров, *Ислам: энциклопедический словарь*, Наука, Москва 1991.

¹³ A. Barlas, *Jihad, Holy War, and Terrorism: The Politics of Conflation and Denial*, „American Journal of Islam and Society” 2003, vol. 20, no.1, p. 47.

и стало использоваться русскоязычным населением в других странах, к примеру, в Сирии и Украине¹⁴.

(1) *Сложно назвать пиар-акцией то, что вокруг фильма творится – там уже какой-то православный джихад, жгут машины, кинотеатры*¹⁵.

Таким же образом могли появиться следующие словосочетания: *иудейский джихад*, *католический джихад*, *греко-католический джихад*. Подобные примеры имеют право на существование, но только с учетом уже имеющихся у читателей базовых знаний о джихаде.

Важно, что термин *джихад* может присутствовать в текстах, далеких от политической мысли, но само наличие исламизма в предложении задает смысловую политическую рамку всему контенту. Подобным примером является авторский проект российской журналистки и писательницы Надежды Кеворковой, которая является автором и ведущей документального сериала «Джихад русской литературы»¹⁶. Кеворкова много лет писала на темы религии, после начала работы на Кавказе и Ближнем Востоке. В последние годы специализировалась на освещении конфликтов в этих регионах, а также рассказывала о преследовании мусульман в мире. Подобные случаи использования термина приводят к тому, что конструкция *джихад русской литературы* однозначно лишает лексему *джихад* субъектности, тем самым данная иллюстрация способствует десубъективации действия. Иными словами, налицо нарушение семантической валентности, т.е. отсутствие обязательного субъекта или группы лиц, совершающих джихад.

Представленная аргументация подтверждает, что в исламизме *джихад* закодирована семантическая составляющая, базирующаяся на таких смысловых постулатах как террор, насилие, жестокость и т.д. По всей видимости, подобные коннотации могут встречаться в медиадискурсах и других стран. К слову, в Польше в интернете у пользователей возрос интерес к термину *джихад* после совершения террористических атак в Европе, что подтверждает сопричастность данного слова с контекстами войны и терроризма¹⁷. Интересные данные были получены с учетом анализа корпусных данных британской прессы в период с 1998 по 2009 год. В прессе исполь-

¹⁴ *Православный джихад: нация-агрессор пожинает плоды преступной идеологии*, Sprotyv.info, 13.12.2021, <https://sprotyv.info/obshchestvo/pravoslavnyj-dzhihad-naciya-agressor-pozhinaet-plody-prestupnoj-ideologii/> [дата обращения: 26.12.2025].

¹⁵ *«Огромный красный мужик лапает синюю тощую женщину» Егор Кончаловский о разнице между сексом на экране и в жизни*, Lenta.ru, 17 октября 2017, <https://lenta.ru/articles/2017/10/17/konchalovskiy/> [дата обращения: 26.12.2025].

¹⁶ *Джихад русской литературы*, Алиф ТВ, <https://alif.tv/category/documental/djihad-russkoy-literaturi/> [дата обращения: 26.12.2025].

¹⁷ P. Mazur, *Czy dżihad to ideologia? O niekonsekwencjach terminologicznych wokół „walki na ścieżce Boga”*, „Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia de Securitate” 2019, t. 9, nr 2, s. 2.

зуются исламофобские представления, особенно в правоориентированных медиа, неудивительно, что политическая составляющая базировалась на антагонистических публикациях¹⁸.

Важнейшим понятием в исламе является лексема *шариат*, которая «обозначает совокупность религиозных и юридических норм мусульманского феодального права, основанных на Коране»¹⁹.

(2) *Шариат вместо законов: мигранты создают параллельную реальность в России*²⁰.

(3) *В России начинают внедряться законы шариата – член СПЧ*²¹.

Дефиниция *шариат* в журналистских текстах определенно имеет негативные коннотации, которые выстраиваются путем противопоставления шариата светской правовой системе. Иными словами, нарушения мусульманами законов в конкретной стране могут относиться в текстах к шариатскому праву, тем самым создавая положительный образ светского права в противовес исламскому шариату.

Догматическая исламская религиозная лексика, используемая в обычном контексте и политической полемике, однозначно занимает в предложении центральную позицию, т.е. семантика религиозного термина задает смысловое содержание всему предложению. Исключением может быть авторский политический конструкт – *исламский рейх*, который философ Павел Щелин ввел в медийный дискурс. В массовом европейском понимании *рейх* обладает негативной коннотацией, сохраняемой исторической памятью. Прилагательное *исламский* усиливает и так нагруженный смыслами термин *рейх*, тем самым делая его яркой языковой формулировкой.

(4) *Исламский Рейх по хазарской модели в Европе*²².

(5) *Исламский Рейх ЕС*²³.

¹⁸ P. Baker, C. Gabrielatos, T. McEnery, *Discourse Analysis and Media Attitudes: The Representation of Islam in the British Press*, Cambridge University Press, Cambridge 2013, p. 254.

¹⁹ *Шари́ат*, Словарь русского языка (МАС), <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/25/ma470205.htm?cmd=0&istext=1> [дата обращения: 26.12.2025].

²⁰ *Шариат вместо законов: мигранты создают параллельную реальность в России*, AsiaToday, 27.06.2025, <https://asia-today.news/27062025/6342/> [дата обращения: 26.12.2025].

²¹ Е. Чернышёв, *В России начинают внедряться законы шариата – член СПЧ*, Накануне.RU, 21.05.2025, <https://www.nakanune.ru/news/2025/05/21/22821353/> [дата обращения: 26.12.2025].

²² *Философские Диалоги с Павлом Щелиным. «Исламский Рейх по хазарской модели в Европе»*, Ru.pinterest.com, <https://ru.pinterest.com/pin/640777853271300187/> [дата обращения: 26.12.2025].

²³ Автор – I. Smirnov.

Подобные примеры стали возможны в силу обоснованных причин, таких как увеличение в Европе мигрантов, исповедующих ислам, включенность мусульманского населения в политическую жизнь и социальные институты в европейских странах.

Духовные лица или люди, соотносимые с исламским вероисповеданием, также часто маркируются в медийных текстах негативной смысловой окраской. Например, слова *исламист*, *имам*, *мусульманин* иногда в текстах соотносятся с правонарушениями или реже – с радикальными взглядами. Стоит обратить внимание на тот факт, что академические справочники не транслируют негативные примеры, связанные с исламской верой, например, дефиниция *исламист* имеет толкование «сторонник исламизма; приверженец ислама; мусульманин». По сути дела получается, что не научная литература формирует негативный образ представителя исламской веры, налицо результат конфронтации академического дискурса с профанным массовым представлением ислама. Немаловажно, что в медийных текстах не указывается конкретный человек, а дается обобщающий социальный конструкт (исламист, мусульманин), который совмещает множество личностей. Учитывая аналогичные ситуации в европейских странах, следует обратить внимание на то, что в англоязычной прессе самым частотным исламизмом является лексема *исламист*, что также подтверждается в русскоязычных медиа²⁴.

Современные трактовки исламизмов в массмедийном пространстве настолько противоречивы, что исследователь С.А. Рагозина считает исламскую лексику инструментом процесса секьюритизации исламской религии не только на уровне СМИ, но и академических институций, создающих негативный образ ислама в политическом медийном дискурсе²⁵.

Представленная аргументация относится не только к русскоязычным медиа, подобные процессы наблюдаются также и в западных медиаконтентах. Особенно активизируется появление негативных контекстов после публикаций о совершении правонарушений последователями исламского вероисповедания. В американских медиа, например, негативный образ активно используется в политических полемиках с целью выстраивания у аудитории определенного представления об исламских странах²⁶. Немаловажно, что религиозная полемика и аргументация привязаны к террористическим актам с выделением «хороших и плохих»²⁷. Отдельной проблемой является

²⁴ Т.А. Полетаева, *Петроспективная динамика англоязычных исламских концептов*, «Russian Linguistic Bulletin» 2023, № 7 (43), с. 5.

²⁵ С. Рагозина, *Защита «традиционный» ислам от «радикального»: дискурс исламофобии в российских СМИ*, «Государство, религия, церковь в России и за рубежом» 2018, № 2, с. 273.

²⁶ K.A. Powell, *Framing Islam / Creating Fear: An Analysis of U.S. Media Coverage of Terrorism from 2011–2016*, „Religions” 2018, vol. 9, p. 11.

²⁷ B. Quraishy, *Islamic Images and Terminology Used in the Western Media*, „Mediator” 2005, vol. 6, no. 1, p. 70.

поиск компромисса в предоставлении информации, касающейся исламского мира, в частности, анализ нарративов, в которых формируется исламофобская позиция. Трудности выстраиваются и с учетом культурных особенностей ислама, и политической полемики вокруг исламского дискурса²⁸.

Заключение

Сформированное массовое представление об исламской терминологии базируется на устоявшихся семантических моделях, предсказывающих прагматические механизмы воздействия на аудиторию в медийной сфере. Тем не менее журналисты не разделяют присущий исламу набор аксиоматических положений, что формирует недостаточно обоснованные представления о догматических основах религии, и нередко создает разрыв между социальными группами. Не стоит исключать и причины, скрывающиеся в непонимании сотрудниками массмедийной сферы особенностей исламской религии, различных направлений ислама, существующих в странах проживания последователей, обособленностей религиозных исламских институций.

Фрагментарный обзор медийных интернет-источников подтверждает, что несмотря на возрастающее воздействие на общество медиакультуры, нередко исламская лексика преподносится в искаженном толковании, стоит при этом отметить, что исключение составляет информация о публичных мероприятиях, касающихся ислама. Можно сделать вывод, что в ряде случаев фиксируется нарушение этических норм сотрудниками массмедиа, допускаются случаи использования произвольных, ошибочных форм догматических постулатов, а унифицированное восприятие мусульман является одним из факторов искаженного понимания ислама. Устойчивые неправильные трактовки исламской лексики формируются в недрах медийных дискурсов, участники которых зачастую слабо разбираются в религиозных конфессиях и при этом, возможно, не имели контактов с представителями исламской веры.

В тех субъектах Российской Федерации, где большинство проживающего населения являются мусульманами, или ислам является исконной религией региона, использование исламской лексики в массмедийных дискурсах регламентировано, и по всей видимости, не допускаются вольные формулировки исламизмов. Следует обратить внимание на тот факт, что ислам на территории России не имеет национальной принадлежности, а русский язык выступает в качестве посредника в толковании религиозных текстов

²⁸ *Современный ислам: между политикой и традицией (интервью с профессором Московского государственного института международных отношений МИД РФ Алексеем Малащенко)*, <https://magazines.gorky.media/nz/2002/6/sovremennyyj-islam-mezhdu-politikoj-i-tradiciej.html> [дата обращения: 25.12.2025].

и приобщении к вере, в связи с этим было бы некорректно приписывать исламские традиции гражданам только определенных национальностей.

Литература

- Baker P., Gabrielatos C., McEnery T., *Discourse Analysis and Media Attitudes: The Representation of Islam in the British Press*, Cambridge University Press, Cambridge 2013.
- Barlas A., *Jihad, Holy War, and Terrorism: The Politics of Conflation and Denial*, „American Journal of Islam and Society” 2003, vol. 20, no. 1, pp. 46–62.
- Bektenova M., Seitakhmetova N., Zhandossova S., Toktarbekova L., *Formation of Islamic identity in Kazakhstan and the Central Asian region in conditions of religious revival*, „European Journal of Science and Theology” 2025, vol. 21, no. 4, pp. 145–174.
- Bullock K., *Challenging Media Representations of the Veil: Contemporary Muslim Women's Re-veiling Movement*, „American Journal of Islam and Society” 2000, vol. 17, no. 3, pp. 22–53.
- Horsfield P., Hess M.E., *Belief in Media: Cultural Perspectives on Media and Christianity*, Publ. Routledge, London–New York 2004.
- Kirby D.L., Cusack C.M., *Religion and Media*, Routledge, London–New York 2017.
- Mazur P., *Czy dżihad to ideologia? O niekonsekwencjach terminologicznych wokół „walki na ścieżce Boga”*, „Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia de Securitate” 2019, t. 9, nr 2, s. 20–33.
- Mrozowski M., *Media masowe. Władza, rozrywka i biznes*, Oficyna Wydawnicza Aspra-JR, Warszawa 2001.
- Naguib S., *Islam and Epistemological Gender Politics: A Decolonial Moment*, „American Journal of Islam and Society” 2021, vol. 38, no. 1–2, pp. 9–28.
- Powell K.A., *Framing Islam / Creating Fear: An Analysis of U.S. Media Coverage of Terrorism from 2011–2016*, „Religions” 2018, vol. 9, pp. 1–15.
- Quraishy B., *Islamic Images and Terminology Used in the Western Media*, „Mediator” 2005, vol. 6, no. 1, pp. 67–74.
- Ślaskiewicz Ż., *Estetyczny aspekt audiowizualnych medytacji uważności jako popularnego gatunku w przestrzeni medialnej*, „Przegląd Rusycystyczny” 2023, nr 3 (183), s. 93–109.
- Tausch A., *Political Islam and Religiously Motivated Political Extremism: An International Comparison*, Springer, Cham 2023.
- Ал-Хилфи М., *Общетаатарские и исламские СМИ как средство сохранения языка и культуры в национальных регионах Поволжья*, «Знак: проблемное поле медиаобразования» 2021, № 3 (41), с. 37–47.
- Казиева А.М., Ибрагимова М.М., *Исламский дискурс в российском медианпространстве: некоторые аспекты семантики, прагматики и терминологического наполнения*, «Political Linguistics» 2024, № 6 (108), с. 170–177.
- Карасик В.И., *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*, Гнозис, Москва 2002.

- Козьякова Н.С., *Современная политическая философия ислама*, «Journal of Political Research» 2025, vol. 8, no. 4, с. 61–78.
- Ксавье Ле Торривеллек, *Состояние и особенности «российского ислама»*, «Записка Аналитического центра Обсерво» 2013, № 4, с. 1–24.
- Кузнецов С.А., *Большой толковый словарь русского языка*, «Норинт», Санкт-Петербург 2000.
- Милославский Г.В., Петросян Ю.А., Пиотровский М.Б., Прозоров С.М., *Ислам: энциклопедический словарь*, Наука, Москва 1991.
- Полетаева Т.А., *Ретроспективная динамика англоязычных исламских концептов*, «Russian Linguistic Bulletin» 2023, № 7 (43), с. 1–7.
- Рагозина С., *Защита «традиционный» ислам от «радикального»: дискурс исламофобии в российских СМИ*, «Государство, религия, церковь в России и за рубежом» 2018, № 2, с. 272–299.
- Чаллюб М.Г., *Арабские заимствования в русском языке*, «Вестник ВГУ» 2009, № 1, с. 75–77.

Интернет-источники

- Джихад русской литературы*, Алиф ТВ, <https://alif.tv/category/documental/djihad-russkoj-literaturi/> [дата обращения: 26.12.2025].
- «Огромный красный мужик лапает синюю тощую женщину» Егор Кончаловский о разнице между сексом на экране и в жизни, Lenta.ru, 17 октября 2017, <https://lenta.ru/articles/2017/10/17/konchalovskiy/> [дата обращения: 26.12.2025].
- Православный джихад: нация-агрессор пожинает плоды преступной идеологии*, Sprotyv.info, 13.12.2021, <https://sprotyv.info/obshchestvo/pravoslavnyj-dzhihad-naciy-a-gressor-pozhinaet-plody-prestupnoj-ideologii/> [дата обращения: 26.12.2025].
- Современный ислам: между политикой и традицией* (интервью с профессором Московского государственного института международных отношений МИД РФ Алексеем Малашенко), <https://magazines.gorky.media/nz/2002/6/sovremennyj-islam-mezhdu-politikoj-i-tradicziej.html> [дата обращения: 25.12.2025].
- Философские Диалоги с Павлом Щелиным. «Исламский Рейх по хазарской модели в Европе», Ru.pinterest.com, <https://ru.pinterest.com/pin/640777853271300187/> [дата обращения: 26.12.2025].
- Чернышёв Е., *В России начинают внедряться законы шариата* – член СПЧ, Накануне.RU, 21.05.2025, <https://www.nakanune.ru/news/2025/05/21/22821353/> [дата обращения: 26.12.2025].
- Шариат*, Словарь русского языка (МАС), <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/25/ma470205.htm?cmd=0&istext=1> [дата обращения: 26.12.2025].
- Шариат вместо законов: мигранты создают параллельную реальность в России*, AsiaToday, 27.06.2025, <https://asia-today.news/27062025/6342/> [дата обращения: 26.12.2025].

Резюме

В статье рассматриваются особенности функционирования исламской лексики в современном русскоязычном медиадискурсе. Цель исследования заключается в выявлении семантических, прагматических и контекстуальных характеристик употребления исламских терминов в материалах средств массовой информации. В качестве эмпирической базы использованы тексты новостных агентств, аналитических публикаций и медиаматериалы за последние годы, представленные в открытом доступе. В работе применяются методы дискурсивного, контекстуального и лексико-семантического анализа. Особое внимание уделяется процессам адаптации заимствованных религиозных терминов в русском языке, их интерпретации в массовом сознании, а также трансформации значений под влиянием социально-политического контекста. Показано, что в медиадискурсе исламская лексика нередко приобретает оценочную окраску и используется не только в религиозном, но и в идеологическом аспектах, что может приводить к упрощению или искажению исходных понятий. Полученные результаты позволяют глубже понять роль СМИ в формировании представлений об исламе и мусульманской культуре в русскоязычном информационном пространстве.

Ключевые слова: исламская лексика, медиадискурс, религиозная лексика, русскоязычные СМИ, оценочная лексика

Islamic Lexicon in Russian Media

Abstract

The article examines the peculiarities of Islamic lexicon in contemporary Russian media discourse. The study aims to identify the semantic, pragmatic, and contextual characteristics of the use of Islamic lexicon in mass media materials. The empirical basis consists of texts from news agencies, analytical publications, and media materials from recent years, all available in the public domain. The work applies methods of discursive, contextual, and lexical-semantic analysis. Particular attention is paid to the processes of adaptation of borrowed religious terms in the Russian, their interpretation in the mass consciousness, and their transformations under the influence of the socio-political context. It is shown that in media discourse, Islamic terminology often acquires an evaluative connotation and is used not only in religious but also in ideological contexts, leading to the simplification or distortion of the original concepts. The results obtained provide a deeper understanding of the media's role in shaping perceptions of Islam and Muslim culture in the Russian information space.

Keywords: Islamic lexicon, media discourse, religious vocabulary, Russian media, evaluative lexicon

Natalia Zaremba

mgr, Szkoła Doktorska, Uniwersytet w Białymstoku

<https://orcid.org/0009-0008-2585-9205>

n.zaremba@uwb.edu.pl

Reinterpretacja słowiańskiej demonologii w literaturze
współczesnej na przykładzie wybranych utworów
Wojciecha Leszczyńskiego oraz Aleksandry
Dobrowolskiej

Wszelkie religie oraz wierzenia od zawsze stanowiły jeden z najważniejszych elementów kultury. Polska tradycja najczęściej kojarzona jest z obrzędowością chrześcijańską, lecz współcześnie kultywowane zwyczaje w dużej mierze wywodzą się z dawnego dziedzictwa ludów słowiańskich. Leonard Pełka zwrócił uwagę, że w archetypie rodzimych kultur ludowych wyraźnie zarysowana była tendencja do mitologiczno-symbolicznej personifikacji zjawisk i procesów zachodzących w otaczającej człowieka rzeczywistości przyrodniczej lub społecznej¹. Nasi przodkowie nie byli świadomi natury niebezpiecznych wydarzeń, dlatego przypisywali demonom, diabłom oraz innym stworzeniom sprawstwo niepowodzeń osobistych albo klęsk uderzających we wspólnotę². Co istotne, dawni Słowianie posiadali rozbudowaną demonologię i jak zauważa Andrzej Szyjewski, fakt ten znajduje odzwierciedlenie w sposobie opisywania wierzeń, opartym na wyodrębnianiu poszczególnych sfer działania przypisywanych tym istotom. W ramach takiego podziału wyróżniano, na przykład duchy losu i przeznaczenia

¹ L.J. Pełka, *Polska demonologia ludowa*, Replika, Warszawa 2020, s. 5.

² B. i A. Podgórcy, *Wielka księga demonów polskich. Leksykon i antologia demonologii ludowej*, Kos, Katowice 2005, s. 11.

o charakterze opiekuńczym, demony wodne oraz przybrzeżne, a także istoty związane z przestrzenią domową lub światem zmarłych³.

Słowiańskie motywy wielokrotnie pojawiały się w polskiej literaturze. W epoce romantyzmu twórcy sięgali po rodzimą tradycję ludową, by kształtować narodową tożsamość. Pisarze tamtego okresu rezygnowali z mitologii klasycznej na rzecz swojskiego sztafażu. Brak politycznej suwerenności sprawiał, że nie można było zapomnieć o przeszłości, a troska o zachowanie ciągłości kulturowej stała się szczególnie ważna⁴, o czym przypomniał Adam Mickiewicz słowami: „Jak długo trwa jakiś naród, jak długo istnieje jakieś plemię, póty przeszłość jego nieustannie przez teraźniejszość styka się z przyszłością”⁵. Romantyczne zainteresowania kulturą słowiańską pojawiły się ponownie w Młodej Polsce. „Duch pogański» budził zaufanie moderny, ponieważ kierowały nim prawa natury i nie pozwalał zapomnieć o «duchu narodu». Twórcy wracali chętnie do idei «piastowskiej Polski etnograficznej» i «matecznika czasów zamierzchłych»”⁶. Do najważniejszych powodów młodopolskiego zwrotu ku prasłowiańszczyźnie należały narastające nadzieje na odzyskanie niepodległości, dostrzeżenie istotnego udziału chłopów w przyszłym procesie odbudowy państwa oraz potrzeba przeciwstawienia się naporowi niemieckiemu⁷. Słowiańszczyzna była dla modernistów narzędziem podwójnego oddziaływania. Z jednej strony odwoływano się do niej, aby wzmacniać poczucie utraconej wolności i suwerenności, z drugiej, zaś by w oparciu o mity tworzyć wzorce literackie, kulturowe oraz duchowe dla odbiorców. Współcześnie zaś dziedzictwo słowiańskie funkcjonuje przede wszystkim jako atrakcyjna konwencja w literaturze popularnej, pozwalająca na nowo definiować lokalną tożsamość w świecie zdominowanym przez globalne wzorce popkulturowe.

Celem niniejszego artykułu jest omówienie sposobów reinterpretacji słowiańskich motywów demonologicznych w literaturze współczesnej na przykładzie dwóch bajek – *Bies z bagien* oraz *Bieda* ze zbioru *Niepoprawne bajki słowiańskie* (2024) Wojciecha Leszczyńskiego, a także utworu *Mamuna* Aleksandry Dobrowolskiej, zamieszczonego w *Bestiariuszu słowiańskim. Opowiadaniach demonicznych* (2021), wydanym we współautorstwie z Łukaszem Wodzińskim. Poniższa praca ma za zadanie ukazać obecny stosunek społeczeństwa względem rodzimych wątków demonologicznych. Z opracowań Bohdana

³ A. Szyjewski, *Religia Słowian*, Wydawnictwo WAM, Kraków 2003, s. 159–160.

⁴ T. Linkner, *W romantycznym kręgu słowiańskich wierzeń*, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, Gdańsk 2014, s. 15.

⁵ A. Mickiewicz, *Literatura słowiańska. Kurs trzeci i czwarty, wykład VIII*, [w:] tegoż, *Dziela*, t. XI, przeł. L. Płoszewski, Spółdzielnia Wydawnicza „Czytelnik”, Warszawa 1955, s. 60.

⁶ T. Linkner, *Mitologia słowiańska w literaturze Młodej Polski*, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, Gdańsk 1991, s. 7.

⁷ A. Gajda, *Pogańska Słowiańszczyzna w literaturze polskiej*, „Państwo i Społeczeństwo” 2008, nr 4, s. 182.

Baranowskiego wynika, że kwestia ta zmieniała się nawet na przestrzeni ubiegłego stulecia. Jeszcze w latach pięćdziesiątych XX wieku część mieszkańców społeczności wiejskich głęboko wierzyła w działanie złych mocy demonicznych lub w przyjazne człowiekowi duchy, bądź byty domowe⁸. Światopogląd ten znacząco się zmienił już w latach osiemdziesiątych. Przywołany powyżej badacz w pracy z 1982 roku wprost pisał, że „nawet najstarsi mieszkańcy wsi nie chcą się przyznać do wiary w istoty demoniczne. Zdają sobie sprawę, że są to rzeczy wstydliwe, można nawet powiedzieć kompromitujące”⁹. Warto również zaznaczyć, iż Kościół Katolicki w dużej mierze był odpowiedzialny za zwalczanie wszelkich zabobonów na naszych ziemiach. Szczególnie w okresie Polski Ludowej dawne wierzenia zaczęły być postrzegane jako wstydliwe, dlatego duchowieństwo prowadziło szeroko rozumianą działalność wymierzoną w pozostałości dawnej wiary. Ten historyczny wątek tłumaczy, czemu dzisiejsza interpretacja postaci diabła znacząco odbiega od jego tradycyjnego obrazu wywodzącego się ze słowiańskiej kultury.

Na przestrzeni ostatnich dekad zauważalne jest ożywienie zainteresowania słowiańskim dziedzictwem. Zwrot ku ludowości wyraźnie zaznacza się w literaturze, w której motywy demonologiczne podlegają reinterpretacji. W niniejszej analizie omówione zostaną postaci biesa, biedy oraz mamuny. Istoty te we współczesnej twórczości podlegają znaczącym przekształceniom. Wybór tych figur nie jest przypadkowy, ponieważ każda z nich uosabia inny typ lęku zakorzenionego w doświadczeniu jednostkowym lub zbiorowym. Artykuł ma również na celu ukazanie, w jaki sposób wykorzystanie kategorii groteski oraz grozy pozwala twórcom nie tylko na dekonstrukcję tradycyjnych wyobrażeń demonicznych, lecz także na krytyczną refleksję nad współczesną kondycją człowieka.

W badanych utworach ważną rolę odgrywa groteska. Termin ten należy do najbardziej wieloznacznych kategorii. „Bywa stosowany jako kwalifikacja estetyczna albo jako nazwa motywu, jako kategoria gatunkowa albo – rzadziej – stylistyczna, jako nazwa specyfiki znaczeniowej utworu lub jako nazwa nurtu w sztuce”¹⁰. Historycznie groteska wiązana była ze zjawiskami, takimi jak fantastyka, satyra, parodia, *science fiction*, teatr absurdu oraz inne nurty artystyczne¹¹. Zanim ukształtowało się jej współczesne rozumienie, funkcjonowały określenia takie jak „tragikomedia”, „tragikomiczny” czy „komikotragedia”¹².

⁸ B. Baranowski, *W kręgu upiórów i wilkołaków. Demonologia słowiańska*, Wydawnictwo Łódzkie, Łódź 1982, s. 48.

⁹ Tamże.

¹⁰ W. Bolecki, *Od potworów do znaków pustych. Z dziejów groteski: Młoda Polska i Dwudziestolecie Międzywojenne*, „Pamiętnik Literacki” 1989, z. 1, s. 76.

¹¹ Tamże.

¹² T. Banaś, *Pomiędzy tragicznością a groteską. Studium z literatury i kultury polskiej schyłku renesansu i wstępnej fazy baroku*, Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, Katowice 2007, s. 8.

U źródeł tego typu twórczości

leży zarówno czysto ludyczna potrzeba igrania z formą, jak i głęboko odczuwane poczucie absurdałności świata oraz niezgoda na rzeczywistość w jej kształcie zastanym. Groteska podejmuje grę z absurdem i w ten sposób usiłuje nad nim zapanować¹³.

Jej istotą jest przede wszystkim sposób ukazywania rzeczywistości. Pokazuje ona świat, który „uległ alienującemu przeobrażeniu, świat, w którym władzę przejęły obce, bezosobowe siły. Jest to zarazem zawsze świat czyjś, komus odslaniający się jako niepokojąco zmieniony”¹⁴. W tym kontekście groteska odpowiada za osławianie ludzkich lęków. Przerysowanie oraz ironia pozwalają twórcom podważać utrwalone wyobrażenia o świecie nadprzyrodzonym, jednocześnie obrazując ukryte napięcia społeczne. Utwory groteskowe wyróżniają się zespołem współdziałających właściwości, takich jak obecność fantastyki, ekscentryzmu, wyolbrzymienia i deformacji. Charakterystyczna jest również absurdałność, wynikająca z braku jednolitego systemu zasad rządzących światem przedstawionym oraz z równoczesnego wprowadzania wielu, często sprzecznych porządków motywacyjnych. Do cech groteski należy także niejednolitość nastroju, a w szczególności przemieszczenie pierwiastków komizmu i tragizmu, błazenady i rozpacz¹⁵.

Groteska została zastosowana między innymi w bajce *Bies z bagien* Wojciecha Leszczyńskiego. Autor celowo narusza klasyczne motywy baśniowe oraz poddaje reinterpretacji demoniczną postać słowiańskiego biesa. Opowieść rozpoczyna się od pozornie tradycyjnej podróży inicjacyjnej młodego Dobka, który pragnie poznać, czym jest prawdziwy lęk. Protagonista, w trakcie swojej wyprawy, podejmuje wyzwanie polegające na uwolnieniu porwanej księżniczki. Motyw przetrzymywania młodej panny przez leśnego stwora jest charakterystyczny dla bajek magicznych¹⁶, dlatego początek nadanego tekstu przypomina klasyczną baśń. Podczas poszukiwań Dobek spotkał Biesa, moment ten rozpoczyna grę autora z konwencją literacką. Przywołane stworzenie według religii Słowian było uosobieniem bliżej nieokreślonych złych sił, z czasem bies stał się demonem zła lub potworem zamieszkującym bagna¹⁷. Jednakże, nie można go przyrównywać do chrześcijańskiego diabła czy czarta. Termin „bies” był stosowany jako

¹³ E. Sidoruk, *Groteska w poezji Dwudziestolecia. Leśmian – Tuwim – Gałczyński*, Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, Białystok 2004, s. 14.

¹⁴ M. Wołk, *Groteska i pierwsza osoba*, „Ruch Literacki” 2014, z. 2, s. 144.

¹⁵ A. Okopień-Sławińska, *Groteska*, [hasło w:] *Słownik terminów literackich*, red. M. Głowiński, T. Kostkiewiczowa, A. Okopień-Sławińska, J. Sławiński, Ossolineum, Wrocław 1988, s. 173.

¹⁶ V. Wróblewska, *Królowna/Księżniczka*, [hasło w:] *Słownik polskiej bajki ludowej*, red. V. Wróblewska, <https://bajka.umk.pl/slownik/lista-hasel/haslo/?id=90> [dostęp: 9.12.2025].

¹⁷ B. i A. Podgórcy, *Wielka księga...*, s. 46.

ogólne określenie złego ducha szkodzącego ludziom w ich codzienności¹⁸. Z kolei, w dziele Leszczyńskiego demoniczny bohater w pewnym stopniu pełni funkcję baśniowego donatora¹⁹. Przede wszystkim jest on jednak postacią tragiczną, naczyną groteskowością. Jego fizyczna potworność, na którą składa się między innymi łeb żubra czy końskie kopyta, została skontrastowana z elementami komicznymi, na przykład nawykiem jedzenia węgla drzewnego „na trawienie”. Co ciekawe, akt krzesania ognia palcami w celu podpalenia patyka oraz późniejsze spożycie zwęglonej końcówki przez demona jest naśladowaniem ludzkiego rytuału palenia, które ma przynieść chwilowe rozluźnienie.

Po zapoznaniu się bohaterów Bies podzielił się swoją życiową historią, ujawniając przy tym, że niegdyś był człowiekiem. Jego opowieść rozpoczęła się słowami: „Kiedyś byłem takim śmiałkiem jak ty”²⁰. W ten sposób demon zmniejszył dystans w relacji człowiek-demon. Przywoływane kolejno wspomnienia stanowią jego osobliwą narrację o życiowym rozczarowaniu. Osierocony bohater zmagał się początkowo z drobnymi problemami domowymi, wywołanymi przez działalność Kłobuka, odpowiadającego za kradzież wszelkiego dobra. Codzienne nieprzyjemności stopniowo pogłębiały u bohatera poczucie niesprawiedliwości. W konsekwencji dążył on do poprawy swego losu poprzez awans społeczny, który przybrał groteskową formę. Za radą gumienika bohater przygotował jajecznicę, mającą zwabić Kłobuka. Stwór w zamian za ulubiony posiłek obdarzył mężczyznę kosztownymi szatami. Okazało się jednak, że zewnętrzne atrybuty bogactwa nie zapewniały Biesowi życiowej stabilizacji oraz trwałego spełnienia. Wątek ten bez wątpienia można odczytać jako krytykę współczesnej obsesji na punkcie własnego wizerunku. Następnie, bohater doświadczał zdrady, tym bolesnej, że dokonanej przez rodzeństwo, które nie mogąc znieść jego awansu na stanowisko zarządcy stajni, pomówiło go przed księciem. W wyniku fałszywych oskarżeń władca reagował przemocą, groził bohaterowi utratą życia oraz zmuszał go do wykonywania rozkazów. Groteskowość przedstawionej sytuacji polega na kontraście między pozornie błahym źródłem konfliktu, a skrajnymi konsekwencjami poniesionymi przez mężczyznę. Gwałtowna reakcja władcy potęguje poczucie absurdu sytuacyjnego. Przytoczona opowieść niewątpliwie obrazuje niezdrową rywalizację oraz brak solidarności nie tylko w rodzinie, lecz także w całej zbiorowości.

Kulminacyjnym momentem bajki Leszczyńskiego jest absurdalna, a zarazem tragiczna przemiana bohatera w potwora. Jako zwykły wieśniak, błędząc po bagnach, przypadkiem trafił do chaty starego biesa. Dawny demon jawił się jako

¹⁸ J. Strzelczyk, *Mity, podania i wierzenia dawnych Słowian*, Dom Wydawniczy Rebis, Poznań 1998, s. 59.

¹⁹ Zob. W. Propp, *Morfologia bajki*, tłum. W. Wojtyga-Zagórska, Książka i Wiedza, Warszawa 1976, s. 86–90.

²⁰ W. Leszczyński, *Niepoprawne bajki słowiańskie. Bogi i demony*, t. 1, Sorus, Poznań 2024, s. 378.

istota zmęczona długim istnieniem, pozbawiona demonicznej agresji. Podczas pierwszego spotkania udzielił przybyszowi pomocy, przekazując mu zaczarowane zwierciadło, którego pragnął książę. W trakcie następnej wizyty demon-staruszek zaproponował mężczyźnie, aby zajął jego miejsce, ponieważ sam chce już odejść do Wyraju. Człowiek natychmiast przystał na propozycję, gdyż nie dostrzegał innego sposobu, by przestać być nękanym przez niewdzięcznego władcę, zazdrosne rodzeństwo oraz innych podstępnych ludzi. W tym przypadku przemiana nie jest elementem moralnej kary, której mógł spodziewać się czytelnik. Transformacja w istotę zaświatową stała się dla parobka jedynym sposobem na ucieczkę przed doczesnymi problemami.

Należy zaznaczyć, że wyprawa inicjacyjna Dobka nie polegała na uratowaniu księżniczki, lecz na spotkaniu z odczłowieczonym demonem. Opowiedziana przez Biesa historia demaskuje mechanizmy alienacji, toksycznej rywalizacji oraz powierzchowności wizerunku. Prawdziwy lęk, z którym musiał zmierzyć się protagonista, nie został wywołany przez nadprzyrodzone zagrożenie, lecz przez brutalne zderzenie z prawdą o cynicznej ludzkiej naturze oraz niesprawiedliwości. W tym kontekście ważne są słowa demona: „Tylko głupi się nie boją, bo co do martwych nie mam pewności”²¹. Podważają one postawę Dobka, a także ukazują, że odwaga nazbyt często mylona jest z brawurą. Istotne jest również abstrakcyjne zakończenie bajki. Bies, który przez cały utwór był przyjazny, nagle okazał się być drapieżnikiem, gotowym pożreć chłopca. Brak jednoznacznej puenty oraz gwałtowne przejście od nostalgicznej retrospekcji do aktu brutalnej przemocy sprawiają, że odbiorca pozostaje w stanie głębokiego niepokoju i konsternacji. Zamiast oczekiwanego pouczenia, czytelnik otrzymuje drastyczny pokaz dominacji instynktu nad empatią.

Innym utworem Leszczyńskiego, w którym znajdują się elementy groteski jest bajka *Bieda*. Tytułowa bohaterka jest jedną z najbardziej charakterystycznych słowiańskich postaci demonicznych. Wierzano, że była istotą nieśmiertelną, zwykle przedstawiano ją jako chudą kobietę wysysającą z człowieka krew lub siły witalne. Bieda miała uosabiać wszelkie plagi nękających ludzi²². Tematyka utworu koncentruje się wokół motywu chciwości. Ważnymi bohaterami analizowanej bajki są dwaj bracia. Autor w kreacji postaci bazuje na klasycznej zasadzie kontrastu, oznacza to, że poszczególne postacie odgrywają określone, maksymalnie uproszczone role²³. Nagod, pierwszy z rodzeństwa trudnił się pracą garncarza, lecz zajęcie te nie przynosiło mu godnego zarobku. Mimo to, mężczyzna był poczciwym, hojnym człowiekiem oraz kochającym mężem. Z kolei, drugi brat – Sędowin, pracował jako młynarz. Był on człowiekiem

²¹ Tamże., s. 284.

²² B. i A. Podgórcy, *Wielka księga...*, s. 44–45.

²³ W. Kostecka, *Baśń postmodernistyczna: przeobrażenia gatunku*, Wydawnictwo Stowarzyszenia Bibliotekarzy Polskich, Warszawa 2014, s. 119.

okrutnie łasym na pieniądze, a przy tym niezwykle skąpym. Nie zatrudniał ani jednego pomocnika czy parobka, nie miał też żony. Wszystko chciał robić sam, żeby nie musieć się z kimkolwiek czymkolwiek dzielić. Sens jego życia stanowiły pieniądze, które kochał ponad wszystko²⁴.

Za nędzę pierwszego z braci odpowiadała demoniczna Bieda, którą Nagod kiedyś przypadkowo przyniósł z lasu. Według narratora:

Nieproszony gość zakwaterował się wygodnie na zapiecku i nie dawał o sobie zapomnieć. Wyjadał zapasy, tłukł garnki, podpalał rozmaite sprzęty, a nocami pisał żałośnie [...] ²⁵.

Pewnego dnia w biednym domostwie pojawił się tajemniczy staruszek. Wyróżniały go długa siwa broda, zgarbiona sylwetka oraz niechlujne odzienie. W jednym ręku trzymał brudny, stary worek, a w drugiej sękaty kij. Leszczyński wykorzystał tutaj klasyczny motyw dziada wędrownego. W tradycyjnych tekstach pojawia się on jako postać dysponująca szczególną, ambiwalentną mocą. Siła ta „może przejawiać się zarówno w użytecznych praktykach leczniczych, jak i w formie rzucania klątw na ludzi łamiących określone normy moralne czy obyczajowe”²⁶. W badanym tekście ubodzy gospodarze przyjęli do domu przybysza oraz dali mu pożywienie. W ramach wdzięczności starzec zdecydował się zareagować na skargi gospodarzy, mianowicie chciał zakończyć działalność demonicznej Biedy. Zaproponowana przez niego pomoc ma jednak charakter abstrakcyjny, gdyż polega na fizycznym schwytaniu demona. Groteskowość tej sytuacji wynika z radykalnego odwrócenia porządku świata. Potężna siła nadnaturalna zostaje przyrównana do materialnego obiektu, który można zamknąć w worku. Dodatkowo komizm sceny potęguje zestawienie brutalnego aktu z żartobliwą reakcją starca, który śmieje się z piszczącej Biedy i traktuje ją jak uciążliwego domowego szkodnika. W ten sposób Leszczyński wykorzystuje groteskę, aby następnie podważyć przekonanie o możliwości prostego rozwiązania złożonych problemów ludzkiej egzystencji.

Kiedy wędrowiec udał się do drugiego z braci. Sędowin, całkowicie pochłonięty pracą, początkowo zignorował prośby nieznajomego. Żebrak wielokrotnie prosił o niewielką ilość jedzenia. Niestety, młynarz każdorazowo odmawiał mu pomocy, ponieważ uważał, że człowiekowi nic się nie należy, jeśli nie podejmie się żadnej pracy. Zdziwienie czytelnika wywołuje moment uwolnienia Biedy przez staruszka. Demon zamiast zaatakować niegodziwego Sędowina, uduślił wędrowca. Dalsza część bajki ma równie groteskowy charakter. Bieda zauważyła w niegodziwym człowieku pozytywne cechy oraz paradoksalnie usprawiedliwiła

²⁴ W. Leszczyński, *Niepoprawne bajki...*, s. 339–340.

²⁵ Tamże, s. 339.

²⁶ P. Grochowski, *Dziad*, [hasło w:] *Słownik polskiej bajki ludowej*, red. V. Wróblewska, <https://bajka.umk.pl/sownik/lista-hasel/haslo/?id=55> [dostęp: 3.01.2026].

jego zachowanie. Demon zapowiedział także, że uczyni figiel, polegający na całkowitym odwróceniu porządku świata. Bieda oświadczyła, że zamieszka u młynarza i zaprzestanie swojej działalności. W ten sposób wszelkie ubóstwo miałoby zniknąć ze świata, a wszyscy ludzie staną się bogaci.

Początkowo, zniknięcie Biedy poskutkowało powszechnym wzbogaceniem się społeczeństwa. Autor ironicznie opisywał przypadkowo pojawiające się skarby. Ta pozornie idealna sytuacja w groteskowym świecie szybko jednak przerosła się w niebezpieczeństwo. Dobrobyt paradoksalnie doprowadził do zaniku wartości pracy, a konsekwencją tego, stał się powszechny głód. Nikt nie chciał wytwarzać oraz sprzedawać pożywienia. Jedynie Sędowin nie zmienił swojego światopoglądu. Jako jedyny nieustannie ciężko pracował, co przyniosło mu późniejszy zysk. Groteskowość tej postawy polega na paradoksie. Mężczyzna nieustannie doświadczał fizycznego trudu, aby w przyszłości móc zgromadzić bogactwo, lecz jednocześnie bohater ignorował własne zdrowie, co doprowadziło do jego nagłej śmierci. Dopiero po tym wydarzeniu nastąpił powrót Biedy, która odebrała ludziom nienależne im kosztowności. Autor wykorzystał w analizowanej bajce postać słowiańskiej Biedy, by podkreślić znaczenie pracy. Jej chwilowy brak prowadzi do zaniku poczucia odpowiedzialności, a w konsekwencji do rozpadu ładu społecznego. Niewątpliwie, uczciwa praca zapewnia stabilność, jednakże należy pamiętać, że pracoholizm oraz chciwość mogą doprowadzić człowieka do autodestrukcji.

Groza, obok groteski, stanowi równie istotną kategorię estetyczną w literaturze. Wywodzi się ona z folkloru, w którym uczucie przerażenia towarzyszyło człowiekowi jako reakcja na niezrozumiałe zjawiska świata. Jak zauważa Katarzyna Slany, pierwotne lęki człowieka z czasem ulegały krystalizacji w mitach, bajkach magicznych, legendach oraz podaniach wierzeniowych. W tekstach tych, za pomocą symboli, archetypów, motywów, toposów oraz powtarzalnych schematów fabularnych, wyrażano głęboko zakorzenione obawy psychologiczne czy egzystencjalne. Dzięki takiej formie narracji doświadczenia lęku mogły zostać oswojone, uporządkowane, a później przekazane kolejnym pokoleniom²⁷. Wskazana kategoria szczególnie obecna była w romantyzmie. Wówczas, groza wyrastała zarówno z doświadczeń ludu, jego cierpienia, jak i z ludowości rozumianej jako zespół wierzeń, obrzędów oraz motywów demonologicznych wykorzystywanych w literaturze²⁸. Współcześnie jednak tradycyjne podania często ulegają komicznemu przekształceniu, co prowadzi do osłabienia dawnej grozy diabolicznych postaci²⁹.

²⁷ K. Slany, *Groza w literaturze dziecięcej. Od Grimmów do Gaimana*, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego im. Komisji Edukacji Narodowej, Kraków 2016, s. 7.

²⁸ K. Barski, *Lud i ludowość jak źródła grozy w literaturze romantyzmu. Próba syntezy*, „Facta Ficta. Journal of Theory, Narrative & Media” 2022, nr 2, s. 29.

²⁹ V. Wróblewska, *Od potworów do znaków pustych. Ludowe demony w polskiej literaturze dla dzieci*, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, Toruń 2014, s. 8.

Tradycyjne motywy grozy występują w opowiadaniu *Mamuna* Aleksandry Dobrowolskiej. Tytułowa istota w wierzeniach naszych przodków była boginką, która złośliwie dokuczała ciężarnym, szkodziła położnicom, a przede wszystkim podmieniała lub porywała noworodki. Geneza tego demona wiązała się z duszami kobiet zmarłych tragicznie w trakcie ciąży lub porodu³⁰. Literacka kreacja Mamuny w analizowanym tekście znacząco odbiega jednak od jednoznacznego, ludowego pierwowzoru. W ujęciu Dobrowolskiej groza nie wynika z samej agresji potwora, lecz z dramatycznego dysonansu poznawczego. Demoniczna kobieta, słysząc w zagajniku płacz dziecka reaguje instynktownie: „A cóż to tak kwili? [...] O Bogi! Pacholę ludzkie! Toż ono tak żałościwie piska!”³¹, po czym pod wpływem impulsu zabiera je ze sobą. Zjawia nie planowała wyrządzić dziecku krzywdy, lecz pragnęła wypełnić własną wewnętrzną pustkę. Groza tej sceny budowana jest na swoistej niesamowitości – przerażająca istota wykazuje się empatią oraz macierzyńską delikatnością, tuląc dziecko do swych piersi. Sytuacja, w której Mamuna jest przekonana, że będzie lepszym rodzicem, niż człowiek z pewnością wywołuje głęboki niepokój odbiorcy. Przedstawiony wątek podważa społecznie przyjęty porządek świata. Znamienny jest również fakt, iż niemowlę nie odczuwa strachu przed metafizyczną istotą. Noworodek ufnie splata rączki na jej sierści, a później zasypia. Brak lęku u dziecka paradoksalnie potęguje niecodziennność oraz grozę sytuacji. Należy zaznaczyć, że w dawnej wierze przodków małe dzieci były istotami transgresyjnymi, zatem w tej scenie dochodzi do niemal naturalnego zacierania się granic dwóch światów³². Interesujący jest moment duchowej konfrontacji Mamuny ze zrozpaczoną matką dziecka. Krzyk kobiety stał się dla demona odbiciem własnej, dawno wypartej ze świadomości traumy. Dźwięk ten przywołuje u demonicznej bohaterki wspomnienie poprzedniego życia – „Jako piorun nagły stał przed nią poprzedni jej żywot... Niegdyś ona toż samo była... na Bogi wielkie!”³³. Boginka uświadomiła sobie, że niegdyś sama była kobietą, która doświadczyła straty ukochanego maleństwa. W tym wątku realizuje się specyficzna funkcja grozy, która wykracza poza zwykły lęk przed potworem. Źródłem przerażenia nie jest świadomość zagrożenia życia dziecka. Strach wynika z makabrycznego odkrycia dwoistej tożsamości Mamuny – dawna ofiara przejmując rolę kata. Emocjonalne załamanie potęguje gest ludzkiej matki, która na widok potwora żegna się znakiem krzyża. Reakcja ta ostatecznie definiuje boginkę jako istotę przynależną do sfery mroku. Gest ten potwierdza, że na metafizycznej bohaterce ciąży klątwa, od której jedyną ucieczką jest pełne przejście do sfery *sacrum*. Zrozumiawszy to, demonica oddała dziecko i odeszła

³⁰ B. i A. Podgórcy, *Wielka księga...*, s. 285.

³¹ A. Dobrowolska, *Mamuna*, [w:] A. Dobrowolska, Ł. Wodziński, *Bestiariusz słowiański. Opowiadania demoniczne*, Mysikrólik, Warszawa 2021, s. 43.

³² P. Kowalski, *Dziecko. Rajska niewinność, wróżby, magia. Wstęp do lektury postaci*, „Literatura Ludowa” 1999, nr 4/5, s. 18.

³³ A. Dobrowolska, *Mamuna...*, s. 44.

w głąb boru, gdzie ostatecznie zamieniła się w proch. Przytoczona historia dowodzi, że czasem nie da się pogodzić z poczuciem straty, ale szukanie pocieszenia za wszelką cenę prowadzi do nieuchronnej zguby.

Powyższe rozważania dowodzą, że współczesna literatura nadaje dawnym słowiańskim demonom nowe znaczenia, czyniąc z nich narzędzia do opisu skomplikowanej kondycji ludzkiej. Dzięki wykorzystaniu kategorii groteski oraz grozy, postacie takie jak bies, bieda czy mamuna przestają funkcjonować wyłącznie jako elementy dawnego folkloru, a stają się figurami ujawniającymi uniwersalne doświadczenia samotności, traumy oraz społecznego wykluczenia. Reinterpretacja tych motywów pozwala autorom na dekonstrukcję tradycyjnych wyobrażeń w celu podjęcia krytycznej refleksji nad mechanizmami współczesnego świata, takimi jak toksyczna rywalizacja, obsesja wizerunku czy lęk przed innością. W efekcie, postacie demoniczne w nowym ujęciu nie tylko budzą niepokój, ale przede wszystkim obrazują ukryte napięcia społeczne i psychiczne jednostki.

Literatura

Literatura podmiotowa

Dobrowolska A., *Mamuna*, [w:] A. Dobrowolska, Ł. Wodziński, *Bestiariusz słowiański. Opowiadania demoniczne*, Mysikrólik, Warszawa 2021.

Leszczyński W., *Niepoprawne bajki słowiańskie. Bogi i demony*, t. 1, Sorus, Poznań 2024.

Literatura przedmiotowa

Banaś T., *Pomiędzy tragicznością a groteską. Studium z literatury i kultury polskiej schyłku renesansu i wstępnej fazy baroku*, Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, Katowice 2007.

Baranowski B., *W kręgu upiorów i wilkołaków. Demonologia słowiańska*, Wydawnictwo Łódzkie, Łódź 1982.

Barski K., *Lud i ludowość jak źródła grozy w literaturze romantyzmu. Próba syntezy*, „Facta Ficta. Journal of Theory, Narrative & Media” 2022, nr 2, s. 27–51.

Bolecki W., *Od potworów do znaków pustych. Z dziejów groteski: Młoda Polska i Dwudziestolecie Międzywojenne*, „Pamiętnik Literacki” 1989, z. 1, s. 73–121.

Gajda A., *Pogańska Słowiańszczyzna w literaturze polskiej*, „Państwo i Społeczeństwo” 2008, nr 4, s. 167–188.

Grochowski P., *Dziad*, [hasło w:] *Słownik polskiej bajki ludowej*, red. V. Wróblewska, <https://bajka.umk.pl/slownik/lista-hasel/haslo/?id=55> [dostęp: 3.01.2026].

Kostecka W., *Baśń postmodernistyczna: przeobrażenia gatunku*, Wydawnictwo Stowarzyszenia Bibliotekarzy Polskich, Warszawa 2014.

Kowalski P., *Dziecko. Rajska niewinność, wróżby, magia. Wstęp do lektury postaci*, „Literatura Ludowa” 1999, nr 4/5, s. 19–30.

Linkner T., *Mitologia słowiańska w literaturze Młodej Polski*, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, Gdańsk 1991.

- Linkner T., *W romantycznym kręgu słowiańskich wierzeń*, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, Gdańsk 2014.
- Mickiewicz A., *Literatura słowiańska. Kurs trzeci i czwarty, wykład VIII*, [w:] tegoż, *Dzieła*, t. XI, przeł. L. Płoszewski, Spółdzielnia Wydawnicza „Czytelnik”, Warszawa 1955.
- Okopień-Sławińska A., *Groteska*, [hasło w:] *Słownik terminów literackich*, red. M. Głowiński, T. Kostkiewiczowa, A. Okopień-Sławińska, J. Sławiński, Ossolineum, Wrocław 1988.
- Pełka L.J., *Polska demonologia ludowa*, Replika, Warszawa 2020.
- Podgórcy B. i A., *Wielka księga demonów polskich. Leksykon i antologia demonologii ludowej*, Kos, Katowice 2005.
- Propp W., *Morfologia bajki*, tłum. W. Wojtyga-Zagórska, Książka i Wiedza, Warszawa 1976.
- Sidoruk E., *Groteska w poezji Dwudziestolecia. Leśmian – Tuwim – Gałczyński*, Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, Białystok 2004.
- Slany K., *Groza w literaturze dziecięcej. Od Grimmów do Gaimana*, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego im. Komisji Edukacji Narodowej, Kraków 2016.
- Strzelczyk J., *Mity, podania i wierzenia dawnych Słowian*, Dom Wydawniczy Rebis, Poznań 1998.
- Szyjewski A., *Religia Słowian*, Wydawnictwo WAM, Kraków 2003.
- Wołk M., *Groteska i pierwsza osoba*, „Ruch Literacki” 2014, z. 2, s. 141–151.
- Wróblewska V., *Królewna/Księżniczka*, [hasło w:] *Słownik polskiej bajki ludowej*, red. V. Wróblewska, <https://bajka.umk.pl/slownik/lista-hasel/haslo/?id=90> [dostęp: 9.12.2025].
- Wróblewska V., *Od potworów do znaków pustych. Ludowe demony w polskiej literaturze dla dzieci*, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, Toruń 2014.

Streszczenie

Celem niniejszego artykułu jest omówienie sposobów reinterpretacji słowiańskich motywów demonologicznych we współczesnej literaturze polskiej na przykładzie wybranych dzieł Wojciecha Leszczyńskiego oraz Aleksandry Dobrowolskiej. Praca skupia się na analizie wykorzystania kategorii groteski i grozy do dekonstrukcji tradycyjnych wyobrażeń o takich postaciach jak bies, bieda czy mamuna. W tekście wykazano, że we współczesnych utworach figury te stają się narzędziami do krytycznej refleksji nad kondycją człowieka, uniwersalnymi lękami oraz toksycznymi mechanizmami społecznymi. Dawne wierzenia, po przejściu przez proces literackiego przekształcenia, przestają być jedynie elementem folkloru, a zaczynają obrazować ukryte napięcia psychiczne oraz problemy alienacji jednostki.

Słowa kluczowe: demonologia słowiańska, literatura współczesna, groza, groteska, reinterpretacja

Переосмысление славянской демонологии в современной
литературе на примере избранных произведений Войцеха
Лещинского и Александры Добровольской

Резюме

Цель данной статьи — рассмотреть способы переосмысления славянских демонологических мотивов в современной польской литературе на примере избранных произведений Войцеха Лещинского и Александры Добровольской. Исследование сосредоточено на анализе использования категорий гротеска и ужаса для деконструкции традиционных представлений о таких фигурах, как биес, беда и мамуна. Текст демонстрирует, что в современных произведениях эти фигуры становятся инструментами критического осмысления человеческого состояния, универсальных страхов и токсичных социальных механизмов. Пройдя процесс литературной трансформации, древние верования перестают быть лишь элементами фольклора и начинают иллюстрировать скрытые психологические напряжения и проблемы индивидуальной отчужденности.

Ключевые слова: славянская демонология, современная литература, ужас, гротеск, реинтерпретация

A Reinterpretation of Slavic Demonology in Contemporary
Literature, as Illustrated by Selected Works
by Wojciech Leszczyński and Aleksandra Dobrowolska

Abstract

The aim of this article is to discuss ways in which Slavic demonological motifs are reinterpreted in contemporary Polish literature, using selected works by Wojciech Leszczyński and Aleksandra Dobrowolska as examples. The study focuses on analysing the use of the categories of the grotesque and horror to deconstruct traditional conceptions of figures such as the *bies*, the *bieda* and the *mamuna*. The text demonstrates that in contemporary works, these figures become tools for critical reflection on the human condition, universal fears and toxic social mechanisms. Having undergone a process of literary transformation, ancient beliefs cease to be merely elements of folklore and begin to illustrate hidden psychological tensions and the problems of individual alienation.

Keywords: slavic demonology, contemporary literature, horror, grotesque, reinterpretation

Varia

Marina Borowik

dr, Uniwersytet Komisji Edukacji Narodowej w Krakowie

<https://orcid.org/0009-0007-0686-858X>

marina.borowik@uken.krakow.pl

Michał Jankowicz

dr, Uniwersytet Komisji Edukacji Narodowej w Krakowie

<https://orcid.org/0000-0002-7787-1491>

michal.jankowicz@uken.krakow.pl

Sprawozdanie z konferencji naukowej *Tradycja słowiańska w dialogu z nowoczesnością*

11 grudnia 2025 r. w Instytucie Neofilologii UKEN (filologia rosyjska) odbyła się konferencja naukowa *Tradycja słowiańska w dialogu z nowoczesnością*. W konferencji uczestniczyli pracownicy naukowcy z ośrodków krajowych oraz zagranicznych, m.in. University of Greifswald, Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie, Uniwersytetu Łódzkiego, Uniwersytetu Jagiellońskiego, Uniwersytetu w Białymstoku, Uniwersytetu Rzeszowskiego oraz Uniwersytetu Komisji Edukacji Narodowej. Wygłoszone referaty dotyczyły aktualnych zagadnień badawczych z zakresu literatury, językoznawstwa, przekładoznawstwa i kulturologii w nawiązaniu do szerokiego dorobku nauk humanistycznych i społecznych. Językami roboczymi konferencji były języki słowiańskie: rosyjski, polski, ukraiński, białoruski.

Konferencja została otwarta przez oficjalne powitanie uczestników, słowo wstępne wygłosił Dyrektor Instytutu Neofilologii ds. filologii rosyjskiej i ukraińskiej prof. UKEN dr hab. Bogumił Ostrowski, po czym rozpoczęły się obrady pierwszego panelu. Jako pierwsza wystąpiła Agnieszka Lis-Czapiga (Uniwersytet Rzeszowski), prezentując referat poświęcony problematyce urbanistycznej

w liryce Tatiany Ratgauz – poetki rosyjskiej emigracji pierwszej fali. Prelegentka ukazała miasto jako przestrzeń egzystencjalnego napięcia, w której doświadczenie nowoczesnej metropolii splata się z poczuciem przytłoczenia codziennością oraz potrzebą ucieczki w świat poezji i wyobraźni. Analiza twórczości Ratgauz pozwoliła odczytać jej lirykę jako świadectwo kondycji jednostki uwikłanej w dynamikę nowoczesnego świata.

Następnie Galyna Iarotska (Uniwersytet w Białymstoku) omówiła zagadnienie językowej i narodowej tożsamości ukraińskich migrantów na podstawie prozy Mariny Lewyckiej. Referat ukazał tożsamość jako proces dynamiczny i negocjowalny, kształtowany w przestrzeni międzykulturowej. Szczególną uwagę zwrócono na rolę języka jako narzędzia samookreślenia, pamięci oraz mediacji między „swoim” a „obcym”, co wpisuje się w szersze badania nad literaturą migracyjną i diasporą słowiańską.

Kolejne wystąpienie, wygłoszone przez Martina Henzelmana (University of Greifswald), dotyczyło funkcjonowania języka polskiego w Niemczech. Prelegent scharakteryzował rozmieszczenie geograficzne polskojęzycznych społeczności, typologie użytkowników języka oraz zróżnicowane motywacje do jego nauki. Referat podkreślał znaczenie nowoczesnych strategii dydaktycznych oraz potrzebę rozwiązywania praktycznych problemów związanych z nauczaniem języka polskiego w kontekście migracyjnym.

Następnie Lesława Korenowska (UKEN w Krakowie) przedstawiła referat poświęcony ukraińskim przekładom tragedii *Romeo i Julia* Williama Szekspira. Wystąpienie ukazało ewolucję tradycji przekładowej – od pierwszych tłumaczeń Pantelejmona Kulisa po współczesne interpretacje Jurija Andruchowycza – oraz zwróciło uwagę na językowe i stylistyczne wyzwania związane z oddaniem dramatycznej ekspresji oryginału.

Panel zamknęła Izabela Kozera-Sławomirska (Uniwersytet Jagielloński), prezentując porównawcze studium dotyczące serializacji czasownikowej w perspektywie rosyjsko-tureckiej. Referat, osadzony w kontekście badań typologicznych, ukazał istnienie funkcjonalnie ekwiwalentnych konstrukcji werbalnych w językach niespokrewnionych, co stanowi istotny wkład w dyskusję nad uniwersalnością zjawisk językowych.

Część popołudniową otworzył referat Ivana Smirnova (Uniwersytet Łódzki), poświęcony funkcjonowaniu leksyki islamskiej w rosyjskojęzycznym dyskursie medialno-politycznym. Prelegent wykazał, że islamizmy, używane poza kontekstem religijnym, często tracą swoje pierwotne znaczenie i wysoką stylistyczną rangę, stając się elementem ekspresywnej narracji medialnej, szczególnie w tytułach prasowych.

Następnie Ekaterina Klimovich (Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie) zaprezentowała analizę języka mediów społecznościowych na przykładzie Runetu. Referat ukazał charakterystyczne cechy komunikacji internetowej, takie

jak hybrydyczność kodów, ekspresywizacja wypowiedzi, gra językowa oraz wykorzystanie nowych form przekazu symbolicznego (emoji, memy, hashtagi), podkreślając aktualność badań nad językiem wirtualnej przestrzeni komunikacyjnej.

Kolejne wystąpienie, autorstwa Egora Koneva (Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie), dotyczyło obrazu Polski w staroruskich zabytkach literackich od XII do XVI wieku. Referat ukazał ewolucję tego wizerunku – od neutralnych wzmianek kronikarskich po negatywne stereotypy utrwalone w polemicznych pismach Iwana IV – jednocześnie wskazując na równoległe przenikanie elementów polskiej kultury do rosyjskiego kręgu kulturowego.

Następnie Natalia Zaremba (Uniwersytet w Białymstoku) przedstawiła reinterpretacje słowiańskiej demonologii w najnowszej literaturze polskiej. Analiza współczesnych retellingów ukazała demony ludowe jako metafory lęków egzystencjalnych i kryzysów tożsamościowych, wpisując omawiane teksty w nurt odnowy słowiańskiej wyobraźni kulturowej.

W dalszej części obrad Radosław Sławomirski (Uczelnia Jańskiego w Łomży) omówił *street art* jako formę współczesnego manifestu kulturowego i społecznego. Referat ukazał sztukę uliczną jako narzędzie krytyki władzy, medium pamięci historycznej oraz przestrzeń dialogu społecznego, szczególnie istotną w kontekście polskich doświadczeń XX wieku.

Ostatnie wystąpienie wygłosił Artur Zachar (Uniwersytet w Białymstoku), prezentując analizę poezji Jana Czykwina w perspektywie pogranicza kulturowego. Referat ukazał, w jaki sposób intertekstualne strategie autora łączą słowiańską tradycję z uniwersalnymi archetypami kultury światowej, tworząc model tożsamości zakorzenionej w wielojęzycznym i wielokulturowym doświadczeniu.

Referaty spotkały się z zainteresowaniem uczestników konferencji. Dwa bloki konferencji zostały zwieńczone dyskusją podczas której, prelegenci mieli okazję odpowiadać na liczne pytania słuchaczy. Obrady stanowiły przyczynek do wspólnych rozważań naukowych i wymiany myśli akademickiej. Spotkanie ukazało tradycję słowiańską jako dynamiczny i otwarty obszar refleksji naukowej, zdolny do twórczego dialogu z nowoczesnością i globalnymi procesami kulturowymi.

Konferencja odbyła się dzięki zaangażowaniu Komitetu Organizacyjnego, w skład którego weszli pracownicy Katedry Językoznawstwa Rosyjskiego prof. UKEN dr hab. Bogumił Ostrowski, dr Julia Ostanina-Olszewska, dr Michał Jan-kowicz oraz Katedry Przekładoznawstwa i Literatury Rosyjskiej prof. UKEN dr hab. Lesława Korenowska.

Andrzej Pisowicz

prof. dr. hab., Uniwersytet Jagielloński, prof. em.

<https://orcid.org/0000-0002-9835-416X>

astpiesowicz@uj.edu.pl

O Rosji – inaczej

Wydaną w tym roku książkę Piotra Gursztyna pt. *Dlaczego Rosjanie są inni? Historia mentalności rosyjskiej*¹ omawia w numerze 32 „Gościa Niedzielnego”² z 10 sierpnia 2025 r. znany publicysta Piotr Legutko. Z artykułu można się wiele o Rosji dowiedzieć, ale opinia P. Gursztyna o roli języka rosyjskiego jako swojego rodzaju obrazu mentalności rosyjskiej budzi kontrowersje. Nie sposób się zgodzić, na przykład, ze zdaniem: „W języku rosyjskim uderza całkowita negacja indywidualizmu”³. Ma o tym jakoby świadczyć fakt, iż angielskiemu *I have* czy polskiemu *ja mam* odpowiada rosyjska konstrukcja *u mienia jest*.

Przecież polskim zwrotom *mieć dzieci*, *mieć dużo książek* odpowiadają analogiczne rosyjskie zwroty *imiet’ dietiej*, *imiet’ mnogo knig*⁴. Czasownik *mieć* (w formie *imiet’*) istnieje (!) w języku rosyjskim. Warto tu przytoczyć choćby archaiczny zwrot rosyjski *imieju czest’* o znaczeniu ‘mam zaszczyt’.

Jako orientalista dodam, że w języku arabskim a także w tureckim w ogóle nie ma czasownika „mieć”. Posiadanie wyraża się tam przy pomocy konstrukcji podobnych do rosyjskiej *u mienia jest*. A przecież historia Arabów i Turków była zupełnie inna niż dzieje Rosji.

¹ P. Gursztyn, *Dlaczego Rosjanie są inni? Historia mentalności rosyjskiej*, Wydawnictwo Diecezji Siedleckiej Unitas, Siedlce 2025.

² P. Legutko, *Prawdziwym problemem nie jest Putin, lecz rosyjska mentalność*, „Gość Niedzielnny”, nr 32, 10.08.2025, s. 51–53.

³ Tamże, s. 52.

⁴ Patrz: *Wielki słownik rosyjsko-polski*, Wiedza Powszechna, Warszawa 2001, t. I, s. 424.

Pan Piotr Gursztyn błędnie interpretuje rosyjską konstrukcję *mnie nada* (o znaczeniu ‘muszę’) jako wynik tej okoliczności, że „w Rosji działa się wyłącznie według czyjegoś polecenia, trzeba coś wykonać (*mnie nada*)”. Przecież po rosyjsku mówi się także: *ja dołžen* (‘powinienem, muszę’) z zaimkiem pierwszej osoby liczby pojedynczej w mianowniku, którego, zdaniem P. Gursztyna, Rosjanie jakoby unikają. Warto tu przypomnieć, że w języku polskim czasownik *musieć* jest zapożyczeniem niemieckim, wbrew potocznemu przekonaniu, że „musi to na Rusi”.

Pragnąc przeciwstawić Rosję Zachodowi P. Gursztyn przypomina, że w kulturze rosyjskiej „silnym elementem identyfikacji jest imię ojca (Władimir Władimirowicz)”⁵. Nazwiska skrajnie zachodnich Islandczyków również są tworzone od imienia ojca. Kończą się członem o znaczeniu „syn”, „córka”. Na stronie 65 najnowszego numeru „Gościa Niedzielnego” widzimy zdjęcie okładki książki, której autorem jest Jordan B. Peterson (czyli ‘syn Piotra’)⁶.

Przy okazji dodam, że mentalność rosyjska jest faktycznie inna niż zachodnia, ale nie ma to nic wspólnego ze sprawami językowymi. Powodem do dumy wielu Rosjan jest to, że ... inni ich się boją (mówią: *nas wsie bajatsia*). Natomiast Polacy, którzy obdarzali wielkim szacunkiem Józefa Piłsudskiego swoją postawę uzasadniali tym, że ... to on się (nikogo) nie bał.

Na koniec dodam, że na terenie Rosji faktycznie często spotyka się postawę rezygnacji z wolności na rzecz akceptacji silnej władzy centralnej. Co ciekawe, bywa to uzasadniane ... ogromem terytorialnym tego kraju. Przebywając w Osetii Północnej (na terenie Rosji) w 2010 roku słyszałem następujące opinie: „Demokracja jest dobra i piękna, ale to nie dla nas. Bo złodzieje i bandyci łatwo by uciekali z miejsca przestępstwa w dalekie regiony naszego wielkiego kraju, gdybyśmy mieli rządy liberalne. Tylko silna władza centralna zapewnia szybką reakcję służb bezpieczeństwa, które nam zapewniają spokój”.

Można by tu odpowiedzieć, że USA też są rozległym krajem, a mimo to demokracja trzyma się tam nieźle. Ale taka argumentacja nie dociera do przeciętnego obywatela Rosji.

⁵ P. Legutko, *Prawdziwym...*, s. 52

⁶ Tamże, s. 65.

Spis treści

Od redakcji	3
-------------	---

Artykuły, studia

Jakub Cierpica	
Феминативы в русском языке: исторический обзор	7
Галина Яроцька / Halyna Jaroska	
Українські мігранти: до проблеми визначення національної та мовної ідентичності (на матеріалі творчості Марини Левицької)	17
Michał Jankowicz	
Ориентационные метафоры в текстах прессы о конфликте на Украине	33
Michał Jankowicz	
Медиатизация конфликта на Украине в российской прессе	42
Igor Kaziuczyc	
Московский и петербургский говор в лексико-семантическом аспекте	53
Екатерина Климович / Ekaterina Klimovich	
Языковой облик современных социальных медиа (на примере Рунета)	64

Екатерина Климович / Ekaterina Klimovich	
Невербальные средства коммуникации в социальных медиа (на материале Рунета)	77
Егор Конев / Egor Konev	
Образ Польши в древнерусских литературных памятниках XII–XVI веков	91
Егор Конев / Egor Konev	
Репрезентация образов Польши и поляков в русской письменности в эпоху Смутного времени (конец XVI – начало XVII веков)	104
Елица Миланова / Elitsa Milanova	
Кому легче жить: Обломову, Бай Ганю или господину Чапуду	117
Ivan Smirnov	
Исламская лексика в русскоязычных медиатекстах	130
Natalia Zaremba	
Reinterpretacja słowiańskiej demonologii w literaturze współczesnej na przykładzie wybranych utworów Wojciecha Leszczyńskiego oraz Aleksandry Dobrowolskiej	141
Varia	
Marina Borowik, Michał Jankowicz	
Sprawozdanie z konferencji naukowej <i>Tradycja słowiańska w dialogu z nowoczesnością</i>	155
Andrzej Pisowicz	
O Rosji – inaczej	158

Contents

From the editors	3
------------------	---

Articles, studies

Jakub Cierpica	
Feminatives in the Russian Language: a historical overview	7
Halyna Jarocka	
Ukrainian Migrants: National and Linguistic Identity (Based on the Works of Marina Lewycka)	17
Michał Jankowicz	
Orientational Metaphors in Press Texts on the Conflict in Ukraine	33
Michał Jankowicz	
Mediatization of the Conflict in Ukraine in the Russian Press	42
Igor Kaziuczyc	
Differences in the Speech of Muscovites and Petersburgers in the Lexical-Semantic Aspect	53
Ekaterina Klimovich	
Linguistic features of Contemporary Social Media (Based on the Runet)	64
Ekaterina Klimovich	
Nonverbal Means of Communication in Social Media (based on material from the Russian Internet)	77

Egor Konev	
The Image of Poland in Old Russian Literary Monuments of the 12th–16th Centuries	91
Egor Konev	
The Image of Poland in Old Russian Literary Monuments of the 12th–16th Centuries	104
Elitsa Milanova	
Who Has an Easier Life: Oblomov, Bay Ganyu, or Mr. Chapuduo	117
Ivan Smirnov	
Islamic Lexicon in Russian Media	130
Natalia Zaremba	
A Reinterpretation of Slavic Demonology in Contemporary Literature, as Illustrated by Selected Works by Wojciech Leszczyński and Aleksandra Dobrowolska	141
 Varia	
Marina Borowik, Michał Jankowicz	
Report from the Scientific Conference <i>Slavic Tradition in Dialogue with Modernity</i>	155
Andrzej Pisowicz	
On Russia – in a Different Way	158